

Алексей МАХРОВ **Борис ОРЛОВ**

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

КОРОНА ДЛЯ «ПОПАДАНЦА»

НАШ ЧЕЛОВЕК НА ТРОНЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Господин из завтра

Алексей Махров

**Корона для «попаданца».
Наш человек на троне
Российской Империи**

«Махров»

2013

Махров А. М.

Корона для «попаданца». Наш человек на троне Российской Империи / А. М. Махров — «Махров», 2013 — (Господин из завтра)

Два бестселлера одним томом! Наш современник принимает Корону Российской Империи, чтобы завоевать Отечеству светлое прошлое! Русскую историю, сломанную последним царем, требуется отремонтировать, починить, наладить, завладев телесной оболочкой наследника престола и превратив Николая Кровавого в Николая Великого. Чтобы перевооруженная, механизированная и первой освоившая радиосвязь российская армия впредь била врага «малой кровью, могучим ударом», русский флот мог бросить вызов «Владычице морей», а царский спецназ наводил ужас на всю Европу. Чтобы законодателями автомоды стали не форды и роллс-ройсы, а «Жигули». Чтобы в России работали не только поповы с циюлковскими, но и Майбах, и Даймлер, и Герц, а Максим удавился бы от зависти, ознакомившись со стрелковыми комплексами Рукавишникова. Чтобы XX столетие стало Русским Веком – не эпохой кровавых революций и катастроф, а эрой невиданного взлета Российской Империи! В сборник вошли два романа «... спасай Россию! Десант в прошлое» и «Вставай, Россия! Десант из будущего» из цикла «Господин из завтра».

© Махров А. М., 2013

© Махров, 2013

Содержание

Алексей Махров, Борис Орлов	6
Часть первая	6
Глава 1	6
Рассказывает Олег Таругин	6
Глава 2	15
Рассказывает Олег Таругин	15
Глава 3	17
Рассказывает Олег Таругин	17
Интерлюдия	20
Глава 4	21
Рассказывает Олег Таругин	21
Глава 5	24
Рассказывает Олег Таругин	24
Рассказывает принцесса Виктория фон Гогенцоллерн (Моретта)	27
Рассказывает Олег Таругин	28
Интерлюдия[7]	29
Рассказывает Егор Шелихов	32
Глава 6	34
Рассказывает Олег Таругин	34
Интерлюдия	36
Глава 7	37
Рассказывает Олег Таругин	37
Интерлюдия	39
Глава 8	40
Рассказывает Олег Таругин	40
Рассказывает принцесса Виктория фон Гогенцоллерн (Моретта)	41
Рассказывает Олег Таругин	42
Рассказывает принцесса Виктория фон Гогенцоллерн (Моретта)	44
Интерлюдия	44
Рассказывает Олег Таругин	46
Из сожженного письма ЕИВ Александра III ЕИВ Марии Федоровне	49
Глава 9	52
Рассказывает Олег Таругин	52
Из переписки ЕИВ Александра III и ЕИВ Марии (урожденной Дагмары)[28]	54
Глава 10	58
Рассказывает Олег Таругин	58
Интерлюдия	62
Глава 11	64
Рассказывает Олег Таругин	64
Интерлюдия	67
Из сообщений «Таймс»	68

Рассказывает Олег Таругин	68
Глава 12	69
Рассказывает Олег Таругин	69
Интерлюдия[55]	71
Глава 13	74
Рассказывает Олег Таругин	74
Интерлюдия	82
Глава 14	84
Рассказывает Егор Шелихов	84
Интерлюдия	85
Рассказывает Олег Таругин	86
Интерлюдия	90
Рассказывает Егор Шелихов	91
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Алексей Махров, Борис Орлов, Сергей Плетнев Корона для «попаданца». Наш человек на троне Российской Империи

**Алексей Махров, Борис Орлов
...спасай Россию! Десант в прошлое**

Часть первая Свежие вчерашние новости

*Россия – это страна с непредсказуемым прошлым.
М. Тэтчер*

Глава 1

Рассказывает Олег Таругин

Если вы курите и у вас хоть раз кончалось курево, то вы меня поймете. Когда курящий остался без сигарет, то, как сказал мне один умный человек, «впечатление такое, что про тебя все забыли». Хуже этого только остаться где-нибудь с табачком, но без огня. Это – натуральная полярная лиса!

Все забыли обо мне примерно часа в три пополудни, когда я насмерть сцепился с посетителями форума «Альтернативная история». Ох, как же меня достали эти гаврики! С одной стороны – нормальные, вполне знающие во многих вопросах ребята, с другой – надутые снобы, которые ни бельмеса не соображают в других вопросах. Ну ведь по-человечески им объясняю, что промышленный потенциал России на рубеже XIX – XX веков просто не был реализован. В случае применения в стране политики типа «большого скачка» при Мао Цзэдуне Россия могла бы выйти на уровень производства стали раз в десять выше, чем в реальности. Нет, блин, начали меня бомбить байками про несоответствие производительных сил и производственных отношений. Ну, это они мне зря – я классиков еще в институте на «отлично» сдавал. Судя по лексикону, ребята-то много моложе, и эти тезисы я, пожалуй, получше ихнего рублю...

Не знаю, как у вас, а я, когда злюсь, дымлю, словно паровоз, без остановки. Опомнился и остановился, только сунув руку в пустую пачку. Приехали! Придется идти за сигаретами. «Недремлющий брегет» ехидно сообщил мне, что в ближайшие пять-шесть часов курево я смогу приобрести только в круглосуточном магазине, до которого топать минут двадцать. Мда уж. Да делать нечего – придется шагать. Еще хорошо, что я один дома. Лето, пора отпусков, и моя благоверная половинка вместе с тремя беспокойными чадушками пребывает на даче. Через неделю и я к ним присоединюсь, а пока... Вставай, солдат, труба зовет!

Я с детства люблю ночной город. Тогда он казался каким-то волшебным, сказочным. На загадочных ночных мостовых шуршали шаги волшебников и фей, метались тени чудищ и призраков, и становилось чуточку страшно, но безумно интересно. А теперь я иду по спящим

улицам города-труженика, города-купца, города-олигарха, и соприкасаюсь с ним, и понимаю его усталость и радость отдыха после долгого трудового дня. И он отвечает мне тем же. Это – мой город, и я люблю его...

Так, а вот этого я не люблю! Загулявшая компания подвыпивших тинейджеров докопалась до пары людей явно старше себя. Женщину схватили за руки, а мужика... Господи, мужичонка-то – с ноготок. Мне небось и до плеча не достанет. А что это там сверкнуло? Ну обнаглели, уроды малолетние.

– Слышь, орлы, вы себе противников по возрасту подбирать не пробовали? Или хотя бы по силе?

Юные шакалы, как по команде, испуганно оборачиваются в мою сторону. Но, решив, что один мужик для них не угроза, успокаиваются.

– Иди, куда шел, козлина! – лениво замечает один из них.

Маленькие еще, небитые. Попробую без травм...

– Деточки! Ступайте по постелькам, баиньки! Валите по норам, молокососы, пока дядя добрый!

Точно, небитые. Двое оставляют в покое свою жертву и лениво, вразвалочку, направляются ко мне. В свои сорок с хвостиком я успел трижды побывать на войне и кое-чему там научиться. В частности – определять сразу наиболее опасного противника. Так что крепыш в широченных портках с дрянным выкидным ножом в руке меня мало интересует. Пока. А вот второй – неприятный тип. Из-под низкого обезьяньего лба цепко смотрят маленькие злые глазки. Руки прижаты к телу, сам напрягся, как пружина. Жаль, мальчик, что твоей маме никто не рассказал про аборт...

...Я ухожу с линии удара и быстро провожу связку: удар ногой под колено, тут же удар ногой в пах и в завершение – удар коленом в лицо согнутому оппоненту, которому я добавляю сцепленными руками по затылку. Лягте, юноша, полежите. Только не долго, а то простудитесь на асфальте...

Гоп! Лезвие ножа проходит сантиметрах в двадцати от моего бока. Дитя, никогда не хватйся за нож, если не умеешь им драться. Перехватить руку с ножом недолго, а для успокоения я добавляю упавшему крепышу каблуком под ребра. Спи спокойно, дорогой товарищ! Минут десять ты не боец.

– Ну вы, сученята! Рванули отсюда на рысях, а то я обижусь!

Теперь ко мне кинулись все четверо уцелевших. Упс! Старый я уже стал, толстый и негибкий. Потому-то мне в ухо и прилетело, да так, что на ногах еле устоял. Все, я обиделся!

Ближайший ко мне молодец получил удар в сердце из арсенала незабвенного Брюса Ли. Только тот бил хитро расставленной ладонью, а я – по-простому, по-рабоче-крестьянски, кулаком. Но юноша, кажется, оценил находку бравого китайца. Глаза резко стекленеют, и он мешком валится наземь. Ну-с, продолжим?

Нет, не продолжим. Оценив ситуацию, оставшиеся подростки разворачиваются и смело кидаются наутек. Скатертью дорога! Теперь имеет смысл проверить, не порвали ли мне ухо, и кстати узнать, как дела у пары. Ухо цело, только болит, женщина, кажется, не пострадала, только напугана, а мужчина... Ого! Голова в крови, лицо блее мела. Так, я не доктор, и пора звать профессионалов. А женщина...

В свете далекого фонаря я с трудом различаю ее лицо, но, разглядывая его вплотную, могу сказать с уверенностью: она моложе своего спутника лет на ...дцать. Совсем еще юная девушка, очень красивая. Точеная фигурка, короткие светлые волосы, огромные лучистые глаза. И смотрят на меня так, как хотел бы любой мужчина – как на последнюю надежду.

– Знаете, похоже, вашему спутнику крепко досталось. Давайте я сейчас «Скорую» вызову.

Она с испугом смотрит на меня:

– «Скорую»? Нет, пожалуйста, не надо...

О как! Что бы это значило? А-а, кажись, знаю... Дурь. Укололись или накурились. Небось, молоденькая подружка решила улучшить «показатели» своего старшего товарища с помощью «допинга», а теперь дергается, что врачи обнаружат. Так-с, ну-ка, ну-ка... Ну да ладно, кажется, голова не так уж пострадала, чтоб он до утра не дожил. Сейчас разберемся...

– Эй, браток. Сам-то встать сможешь?

– Попробую, – голос звучит глухо и неразборчиво, но говорит мужик осмысленно. И то хлеб.

– Давай-ка, друг, помогу. Вот так. Молодец. Ну что, такси вам поймать? Бабки-то есть?

– Нет-нет, такси не нужно, – снова влезает в разговор девица. – Мы сейчас, отсидимся и пойдем.

Миленько. Просто «отсидимся и пойдем»! Что она плетет?

– Девушка, милая, вы ничего не напутали? Да ведь ваш... э... друг в таком виде, что вы дойдете до первого мента. А потом будете долго-долго объяснять, почему ходите в таком виде, что у вас за проблемы со «Скорой» и еще много-много чего...

Она испуганно смотрит на меня, а потом тихо-тихо, почти на самой грани слышимости, спрашивает:

– Простите, вы ведь проживаете поблизости? Возможно, вы могли бы оказать нам гостеприимство?

После этих слов она снова впивается в меня своими фантастическими, лучистыми глазами. Да, таким глазам невозможно отказать...

– Что ж, барышня, прошу вас и вашего спутника проследовать за мной в мою скромную обитель, – по-моему, я довольно верно воспроизвожу ее странную речь. – Позвольте, сударь, предложить вам опереться на мою руку. – Я галантно, с максимумом издевки, протягиваю ладонь мужичку.

– Благодарю вас, сударь, – бормочет он, кажется, на полном серьезе. Мать вашу, вам что – обоим по голове наподдали?

Ладно, пошли. Не очень быстро, но все же куда быстрее парализованных черепах и престарелых улиток мы добираемся до моего подъезда. Девушка тащит в руках значительных размеров портфель не портфель, «дипломат» не «дипломат», а что-то громоздкое, вызывающее в памяти смутно знакомое слово «кофр». Она слишком бурно отреагировала на мое предложение помочь и теперь тащит сама. Что там у нее? Золото-брильянты?

Я открываю дверь и широким жестом приглашаю неожиданных гостей. А мужичок-то еле стоит. Блин, надо попробовать ему хоть рану промыть.

– Давайте промоем вашу рану и попробуем ее как-то обработать...

– Что вы, что вы. Все прекрасно пройдет. Совершенно незачем беспокоить в такой час прислугу...

При этих словах я сам чуть не падаю на пол. Видимо, в моем взгляде читается что-то такое, что мужичок испуганно умолкает.

– Вот что, любезный, – я подпускаю в голос металла, – у вас что – последние мозги вышибло? Ты чо, брателло, охренел? Какая прислуга в стандартной трешке? Ты что, «Роллс-Ройс» видел у подъезда или девятиэтажку с особняком спутал? А может, те кажется, что моя фамилия Алекперов? Или Чубайс? Так ни фига, орел!

Мои гости молча смотрят на меня, как кролики на удава. Молчу и я. Как там говорилось в «Театре» Моэма? Пауза затягивается. Наконец мужичок выдавливают из себя:

– Простите, а какой сейчас год?

Вот так просто. Какой сейчас год! Наркота? Тяжелое сотрясение? Ну положим... А у девицы? И вообще...

Только сейчас я наконец обращаю внимание на одежду своих нечаянных знакомцев. Черт возьми, если глаза не подводят... Да нет, ерунда, такого просто не может быть! Ну подумаешь, у девицы юбка макси, а мужик – в тройке, с часовой цепочкой поперек пуза. И прическа у девушки – м-да, вот это прическа... И ридикуль серебряный... Но так же не бывает!

– Простите, господа, но вы-то сами из какого времени?

– Какой сейчас год? – упрямо спрашивает меня мужчина.

Девушка смотрит своими лучистыми глазами прямо мне в душу и тоже спрашивает:

– Какой сейчас год, умоляю?..

– Ну, 2004-й...

Девушка охает и замирает мышкой. Мужчина тихо оползает вниз по стене, бормоча:

– Девяносто лет, боже мой, девяносто лет...

...Мы сидим за столом на кухне. Я сварил своим гостям кофе, достал припрятанную бутылку с настоящим, привезенным из Армении коньяком. И вот уже битый час я пытаюсь поподробнее узнать особенности быта путешественников по времени...

– ...Все-таки, Леонид, я совершенно не в состоянии понять: как же это у вас получилась такая ошибка? Все же девяносто лет – это почти целый век.

– Видите ли, Олег, это вопрос не ко мне. Я всего лишь историк, так же как и Светлана. За бесперебойное и правильное функционирование оборудования отвечает целый штат людей, которые в прошлое – ни ногой!

– Это как с полетами в космос, – говорит Светлана. – Корабль готовят к полету тысячи людей, за полетом следят сотни, а участвуют в нем единицы.

Она объясняет мне терпеливо, как ребенку. Что ж, с высоты их времени я действительно если и не ребенок, то какой-нибудь дикарь с Андаманских островов – уж точно! Эх, вы, повелители времени! Чего ж с физподготовкой-то у вас такая лажа вышла? Я, конечно, не думал, что в будущем все будут обладать высокой боевой готовностью, но уж в прошлое-то, наверное, можно было заслать кого-то, кто хотя бы за себя постоять умеет?..

Ничего этого я им, разумеется, не говорю. Просто поднимаю рюмку с коньяком, потом делаю глоток кофе.

– И все-таки я никак не могу понять: чего вы так боитесь объяснить мне, что у вас произошло? – И, предваряя новые возражения, продолжаю: – Ведь космонавт хоть и не может исправить поломку, но почти всегда может объяснить, что у него сломалось, нет?

Леонид с неуклюже перебинтованной головой беспомощно смотрит на Светлану, потом начинает что-то путано говорить. Хотя я и не понимаю терминов, сыплющихся на меня как из рога изобилия, но чувствую, что он, мягко говоря, брешет. Еще несколько минут, а потом я интересуюсь:

– А что, судари мои, у вас так принято: врать без зазрения совести?

Леонид умолкает и делает глоток коньяку, запивает его кофе. Бляха муха, я ж курева-то так и не купил! От же гадство: теперь и коньяк не в коньяк...

Видимо, уловив мой мечущийся взгляд, Леонид вытаскивает из кармана кожаный портсигар.

– Олег, вы не возражаете, если я закурю? – И после моего кивка протягивает портсигар мне: – Угощайтесь.

Беру незнакомую толстую папиросу и с удовольствием закурываю. Хороший табак. Сейчас таких не делают...

– Видите ли, уважаемый Олег, – его голос звучит как-то неуверенно, – мы, разумеется, знаем... ну, догадываемся, что у нас произошло, но вот рассказать вам... Вы уж поймите нас правильно: существуют некоторые этические запреты, не позволяющие нам рассказывать о себе абориге... жителям другого времени.

Спасибо, дорогие, уважили. Абориген, значит. Ну-ну.

– Знаете, милые потомки, что я вам скажу: вы у нас самые умные, самые прогрессивные, самые этичные, вот только боевым искусствам вас, верно, и вовсе не обучают. А зря – мы, аборигены, свирепы, злобны и страшны. Чуть зазевался – ам! и сожрали. И изнасиловали!

– После того, как сожрали? – пытается хорохориться Леонид.

– Как получится, – я усмехаюсь. – Слушайте, товарищи потомки, у вас что, военные конфликты кончились? Слава Создателю, но что, у вас и преступников нет? И навсегда забыто благородное искусство облегчения ближнему встречи с хранителем райских врат?

По тому, как они молчали, я понял, что, похоже, попал в точку. Черт возьми! Как писал Лем в одной из своих книг: «розовое ням-ням»!

Видимо, мое отчаянье передалось моим гостям и глубоко их растрогало. Леонид даже попытался пробормотать какие-то извинения, а Светлана... Не знаю, что у них там в будущем еще забыто, но могу с уверенностью сказать: искусство обращения женщин с мужчинами наши потомки не только не забыли, но и подняли на новый качественный уровень. Она так смотрела на меня, так прикасалась к моей руке, что я просто не в состоянии был сердиться или лезть с дальнейшими расспросами...

...Утро встретило меня ярким солнечным светом, пронзительно-голубым небом и светлыми волосами Светланы на моей подушке. Выдираясь из остатков сна, я с трудом вспоминал, как Светлана восхищалась моей способностью трижды перекреститься двухпудовой гирей, как Леонид, грустно вздохнув, отправился спать в одиночестве, а мы с моей гостьей тяпнули еще коньячку и начали старую как мир и вечно юную как мир игру в оболыщение. Которая кончилась так же, как кончалась и во времена Хеопса, и во времена Суворова, и будет кончаться во все времена, покуда живы на земле мужчина и женщина...

Сейчас Светлана мирно спала, свернувшись калачиком и трогательно, по-детски, подложив под щеку кулачок. Я осторожно, боясь разбудить, встал с кровати и выглянул в большую комнату. Леонид тоже изволил почивать, разметавшись на диване. Тихонько натянув трусы и домашние джинсы, я попытался проскользнуть в туалет. Принятая накануне внутрь организма жидкость настойчиво и, я даже сказал бы, требовательно просилась наружу. Однако все еще колышущийся в мозгу алкоголь сыграл со мною злую шутку. Не пройдя по комнате и двух шагов, я зацепил ногой чемоданчик пришельцев и с грохотом растянулся на полу. Мне показалось, что даже стены вздрогнули от звука моего падения. Ох, как неохота вставать! Ведь наверняка сейчас увижу укоризненные глаза Леонида. Да и, пожалуй, Светланы. Но секунды летели, а ребята что-то не спешили проявить свой гнев по поводу столь резкого пробуждения. Я, буквально по миллиметру, встал и огляделся. Удивительно, но пришельцы даже не проснулись. Вот что значит энное количество коньяку, введенное в неокрепшие тела «гостей из будущего»! Ладно, пускай ребята отдохнут. Решив продолжить свой путь в направлении санитарно-гигиенических устройств, я сделал по комнате несколько шагов и почти достиг двери в коридор, как чертов чемоданчик снова «кинулся» мне в ноги. Слава Единому, на этот раз обошлось без падения! Вот же зараза! И как он тут очутился? Предыдущая «стыковка» произошла у стола. Ага, это же я при первом контакте его сюда зафутболил. Кряхтя, я нагнулся, чтобы убрать вредную вещь с прохода. И тут же с досадой заметил, что двойное соприкосновение с моей ногой не прошло для чемоданчика даром – замок выдержал, а петли отвалились. Досадуя на себя, я попытался приладить их на место, но сделал только хуже – язычок замка последовал примеру петель. Черт возьми! Из какой дряни они там у себя в будущем вещи делают?! Схватив в охапку обе половинки и стараясь, чтобы содержимое не вывалилось по дороге, я отнес «инвалида» на кухню и почти бегом устремился в туалет. Вовремя!

Облегчившись, я перешел в ванную, чтобы умыться, побриться и щедро надушиться одеколоном. Не хотелось предстать пред светлы очи Светланы в затрапезном виде. Да, и обязательно надеть свежую рубашку! Насвистывая что-то из творчества Лебедева-Кумача, я врубил душ, но тут длинная трель дверного звонка заставила меня подпрыгнуть на месте. Первой

мыслью было: жена!!! Вернулась с дачи пораньше, чтобы сделать любимому мужу приятный сюрприз! А у меня следы пьянки на столе и чужая баба в постели! Что же делать?!! Сказать, что бедной девушке и ее спутнику некуда было пойти, и я по доброте душевной их приютил, но спали мы «валетом»? Так не поверит, естественно! Жена моя отнюдь не дура! Так, а если она не дура, то почему ключи забыла? Да и время для возвращения с дачи уж чересчур раннее! Они там, на свежем воздухе, раньше десяти утра вообще не встают. А сейчас начало одиннадцатого... Значит, не жена. По крайней мере, не моя жена.

Так кого же принесло в такую рань? Если это сантехник, решивший, зараза, подработать в выходной день, то сейчас он у меня с лестницы полетит!

Настроив себя таким образом, я в прямом смысле слова «на цыпочках» подкрался к входной двери и прильнул к «глазку». Стоящий на площадке человек был мне хорошо знаком и, к счастью для себя, сантехником не являлся. Наоборот, этому гостю я был рад всегда. Без дальнейших проволочек распахнув дверь, я шутливо-хмуро спросил:

– Ну и за каким хреном ты приперся в такую рань?

– Однако! – беззастенчиво вдвигая меня внутрь квартиры и протягивая ладонь для рукопожатия (не через порог!), ответил Димка Политов. – Вот так ты сейчас гостей встречаешь? Э-э-э! Да вы никак с бодуна, ваше благородие? И когда только успел? Еще в два часа ночи я наблюдал и наслаждался, как ты вполне осмысленно бодался на форуме с альтернативщиками. А с утра наш боец предстает передо мной с помятой мордой, дыша хорошо выдержанным перегаром! Или ты на форум уже «тепленький» флудил?

– Здорово, братишка! – Отбросив маску негостеприимного хозяина, я крепко обнял Димку и повлек его на кухню. – Тут такие дела творятся, сейчас расскажу – не поверишь!

Димка Политов был моим старым другом, хотя и младше на десять лет. Познакомились мы с ним на берегу Днестра, горячим летом 1992 года. Он был комвзвода в минометной батарее, которой командовал я. С тех пор мы с ним успели побывать еще на двух войнах, пока, наконец, не остепенились. Сейчас Димка был средней руки бизнесменом, владельцем собственной, хоть и небольшой фирмы, торгующей компьютерами и оргтехникой. Причем коммерческая жилка в нем прорезалась еще в Бендерах, где он умудрялся виртуозно выменивать у местных жителей на самогон черешню, собранную в садах тех же местных жителей!

– Ты извини, что я в такую рань к тебе вломился, – запоздало начал оправдываться Димка. – Я тут снова свой «субарик» на сервис пригнал, а время по записи только на девять утра. Ну я и решил опосля к тебе заскочить, благо по ночному бдению в Инете понял, что супруга твоя на даче.

– Что, опять инжектор барахлит? – привычно спросил я, принимая из рук Димы объемистый пакет с лейблом супермаркета.

Эта деталь Димкиной машины показывала свой норов уже второй месяц, и друг почти еженедельно мотался на фирменный сервис, находящийся (вот совпадение!) в трехстах метрах от моего дома. Не покривлю душой, если скажу, что барахлящий инжектор «Субару» несказанно меня радовал, так как визиты друга, до того посещавшего меня хорошо если раз в месяц, участились. А так как посещения эти всегда сопровождались распитием легкоалкогольных напитков и беседами о любимой нами обоими истории, то... Жаль, что моей жене постоянные, как она говорила, «пьянки» быстро надоели. Так что теперь Диме приходилось вести почти конспиративную подготовку для очередного похода в гости. Ему было проще – он был не женат!

– Да! – ответил Политов. – Замучился совсем! Если они, самки собаки, и в этот раз машину не сделают, потребую замены! А то эти черти думают, что если машина на гарантии и ремонт халявный, то мне в кайф постоянно к ним мотаться!

Ритуально покивав в ответ (эту угрозу Дима озвучивал в пятый раз), я принялся вынимать из принесенного гостем пакета бутылки пива, пакеты с чипсами, орешками и сушеными кальмарами. Для завтрака, конечно, продукты малоподходящие, но ведь жить вообще вредно!

Залпом осушив по полбутылки и зажевав пиво несколькими «веревочками» кальмаров, мы с Политовым взглянули друг на друга и улыбнулись.

– Курево-то у тебя есть? – запоздало вспомнил я.

– А как же! – не разочаровал меня друг, кладя на стол свои пижонские сигареты.

– Эх! – Досадливо поморщившись, я оторвал от «Парламента» фильтр и с наслаждением закурил. – Так вот! – продолжил я после третьей затяжки начатый в коридоре разговор. – У меня сейчас гости, и гости необычные!

Пересказ вчерашних (или, вернее, сегодняшних) приключений занял минут пятнадцать. За это время мы допили первые бутылки и выкурили по сигарете. Рассказ несколько удивил друга, и Димка даже сходил в комнату, чтобы проверить наличие пришельцев. Те, кстати, утомленные ночной борьбой с «зеленым змием», продолжали мирно спать.

– А ты уверен, что они те, за кого себя выдают? – Димкин вопрос был, в принципе, справедлив.

Я на минуту задумался, выстраивая в уме доказательства. То, что я заметил вчера: одежда, язык, манеры – сегодня казалось несущественным. Какой бы довод привести поувесистее? Мой взгляд упал на сломанный чемоданчик. Эврика! Наверняка он полон хитроумных девайсов из будущего, а не набит нижним бельем Леонида!

Я решительно, хотя и аккуратно поднял отломанную крышку. Лежавшее внутри устройство напоминало ноутбук. Но с первого взгляда было видно, что у него напрочь отсутствовала верхняя панель. А иных приспособлений, напоминающих привычный монитор, на приборе не наблюдалось. Клавиатура с первого взгляда напоминала нашу, даже буквы на клавишах были нарисованы кириллицей и латиницей. Но вот вместо верхнего ряда кнопок «F» располагалось три десятка «лишних» кнопок, маркированных греческими буквами.

– Ну-ка! Дай-ка мне посмотреть. – Дима протянул руку.

Я осторожно вручил другу неизвестный предмет. Компьютеры и все, что было с ними связано, были для Димы бизнесом, и разбирался он в этом «железе» очень хорошо.

Дима, отодвинув бутылки и пакеты, положил прибор перед собой и тут же смело стал нажимать разные кнопки. И, о чудо, компьютер, а это был именно компьютер, заработал! Над клавиатурой развернулся голоэкран, очень приличных размеров, как бы даже не 21 дюйм. По этому «экрану» побежали строчки символов. Дима застучал по клавишам со скоростью опытной машинистки. На «экране» развернулось «окно», напоминавшее «виндоусовское». Ага! Судя по эмблеме, это и есть «Windows». Билл Гейтс форева!

– Ну что тут? – Я придвинулся поближе, чтобы лучше видеть.

– Тут что-то, напоминающее поисковую систему, – ответил Дима, слегка отодвигаясь, чтобы дать мне место у голографического «монитора».

– Ничего, сейчас разберемся, – оптимистически сказал я.

«Укажите интересующую вас страну». Россия, разумеется. Ввод.

«Введите необходимую личность». Ну пожалуйста: Николай II. Ввод.

«Введите интересующий вас год». Охотно: 1884-й. В этом году будущий «хозяин Земли Русской» познакомился с Аликс. На свою голову. Ввод.

«Введите интересующую вас дату». Да пожалуйста: пусть будет сегодняшняя, 8 июня. Ввод.

«Зафиксируйте свой взгляд на визире». А это еще зачем? На голограмме появляется «клубок», переливающийся всеми цветами радуги. А что это вдруг темно стало? Что происходит-то?! «Ваш код возвращения – 31E412»...

– ...Ваше Высочество! Ваше Высочество! – Голос бьет в уши из абсолютной тьмы. – Что с вами, откройте!

Голова – точно не моя... Перед глазами плывут разноцветные круги и полосы. Где я? Что со мной?

– Николя! Николя, открой дверь! – Утробный, рычащий бас. Дал же бог человеку голос! Если этот рев повторится, я оглохну. Какого лешего этот долбанный Николя не открывает? Люди же волнуются... Грохот усилился.

– Николай! Николай, откройте, я вам приказываю!

Вот надрыдается человек! А Коленька этот точно в армии не служил. Когда приказывают ТАКИМ тоном – наверняка имеют право. Однако что ж это он не открывает?

Яркий свет бьет по глазам. С противным треском где-то сломалось что-то деревянное, и я чувствую, как меня хватают за руки, тормозят, треплют... А-фхр, фу-х! Какая скотина догадалась совать мне в нос нашатырь?

– Ядрить твою мать! Вы чего?

– Слава богу, Ваше Величество: он очнулся...

Голосок мерзкий, какой-то подхалимный... Меня разворачивают... Мать моя женщина! Если это не Александр III, то на конкурсе двойников ему обеспечено первое место. Где, интересно знать, сей славный муж добыл такой мундир? Да быть такого не может!.. Это ж я, значит...

Я лихорадочно ощупываю и оглядываю себя. Я – это не я! НЕ Я! Вместо сорокалетнего мужика далеко не первой молодости и стройности я ощущаю тело парня, пацана лет шестнадцати, не больше. Вот блин! Это что же? Чертов ноутбук пришельцев сформировал виртуальную реальность? Представляю, как ухихикивается сейчас Димка, наблюдая сцену со стороны! Неожиданно тело делает движение рукой, совершенно независимо от моего желания! Мало того, оно (тело) начало вставать с кровати, неловко путаясь ногами в длинной ночной рубашке. Эй, а почему потеря управления? Сбой программы, что ли? Сделав над собой (не собой!) могучее усилие, восстанавливаю контроль. Так, стоп! А кто я вообще такой и что здесь делаю? Это еще что за новая напасть? Ведь только что знал! Секундочку: меня зовут Олег... «Николай», – шепчет кто-то внутри меня. ОЛЕГ! «Николай», – тихо шепчет внутри. Ладно, хрен с ним, с именем, попробуем встать...

– Обойдется Сережка без нас! – грохочет все тот же бас. – Ему и невесты хватит! А мы с цесаревичем останемся!

Стоп! «Сережка», надо полагать, великий князь Сергей Александрович. Тот самый, «невинно убиенный» ворюга и пидор. А его невеста – Елизавета Гессенская! Та самая, которая привезла с собой в Россию из Англии свою младшую сестру, Алису. Э нет: такое пропускать нельзя. Раз уж с этим компом попал в такую классную игру, грех не воспользоваться. Ну я сейчас так сценарий переделаю, замучаетесь потом последствия высчитывать! И Димона развлекаю! Часика два у меня точно есть, пока еще мои гости проспят.

– Со мной все в порядке, Ваше Величество, – мой голос звучит непривычно. – Просто мне на мгновение стало дурно. Но сейчас уже все в порядке. Разве можно оставить mon uncle Serge без вашего присутствия?

Вот же ёшкин кот! А французский – это я откуда знаю? Ну, английский (точнее, американский) я, положим, знаю недурно, хотя боже меня упаси заговорить на этом подозрительном наречии здесь. Вот бы профессор Хиггинс офонарел, если б слышал bananas или fuck off. Немецкий я знаю в объеме «Восточного фронта», то есть «хэнде хох!», «ком цу мир» и еще несколько столь же емких слов и выражений. Но французского я не знаю совсем! Абсолютно! Я же его никогда не учил! Я ж совсем другое учил, например: период полураспада урана составляет... интересно, а сколько он составляет? Зато вот уж что помню, так это точно: «Неполная

разборка автомата «АКМ». Нажать защелку, отсоединить магазин, отвести затвор назад...» Слава Всевышнему, хоть это-то я помню!

Но тем не менее я продолжаю на французском:

– Я вас очень прошу, *rará*, позвольте и мне с вами присутствовать...

Огромный, точно снежный человек, Александр труа склоняется ко мне:

– Хорошо, хорошо. – Огромная лапища гладит меня по голове. – Пойдем вместе. Черняев! ЧЕРНЯ-Я-ЕВ! – голосит он куда-то в пространство. – Передай Сережке, что мы будем...

...Гремит оркестр, и я вхожу в зал следом за императором. Он ведет под руку миниатюрную, только что не карлицу, женщину. Маменька. Мария Федоровна. Дагмара. Эта лилипутка держит под каблуком своего непутевого алкаша-мужа и страшно ненавидит Пруссию. Ох, маменька, как бы мне в Сибирь вас сослать не пришлось...

Однако действовать нужно *cum grano salis*. (Я понимаю, что это означает «с известной осторожностью», и даже знаю, что это латынь. Знать бы еще, откуда я все это знаю!) Поэтому пока будем соблюдать осторожность. Во всем. Кроме...

За столом я сижу рядом с двенадцатилетней девчушкой. Забавно все-таки женщины смотрятся в платьях конца XIX века. Очень забавно. Особенно такие малявки. Жаль, что придется ее огорчать, но я-то знаю, что из нее вырастет...

– Ах, Ваше Высочество, – щебечет она по-английски. – Когда мы уезжали, бабушка Виктори говорила, что Россия – дикая страна. А ваш Петербург – очаровательный город.

– Ваша бабушка порола чушь, мадемуазель. Питер – самый красивый город на земле после Москвы.

– А вы уже видели Лондон? – спрашивает меня Алиса. – Ах, это чудесный город!

– Не знаю, мадемуазель. Я там не был. Но, полагаю, он понравится мне, когда я его посетую. Тогда он будет еще красивее.

– О да! Лондонцы наверняка украсят город к вашему приезду...

– Не думаю. Разве что белыми флагами. Все остальное сделают мои солдаты и казаки. А самым лучшим украшением Лондона, я полагаю, будет старая шлюха Виктория, повешенная на самой высокой башне Тауэра!

Несколько секунд Алиса смотрит на меня, выпучив глаза, а потом над столом повисает дикий, истошный визг. «Гессенская муха» начинает валиться со стула, смертельно побледнев и закатив глаза.

– Николя! – Дагмара смотрит на меня с укоризной. – Что вы сказали бедной девочке?

– Ничего, маман. Просто мне кажется, что лучшим украшением Лондона была бы старая блядь Виктория, повешенная нашими атаманами на башне Тауэра. Можно было бы отдать ее им на потеху, но вряд ли они согласятся развлекаться со старой перочницей...

За столом повисает тишина. На меня вылупились все, кто тут есть. Наконец император Александр медленно встает и неспешно идет ко мне. Вот же уродила мать-природа эдакого медведя... Мне становится не по себе: я помню эти порванные колоды карт и смятую в кулаке бронзовую чернильницу. Слава Единому, что все это происходит в виртуале! Но если сейчас начнется спарринг... А вот интересно: топ *rará* занимался чем-нибудь серьезным, в плане боевой подготовки? Наверное, нет, в то время еще не было боевых искусств, кроме фехтования и бокса. Значит, так: если полезет – попробую показать ему пару приемов из армейского комплекса. Убить не убью, а пронять должно...

Император встает рядом.

– Правильно! – гремит набатным колоколом его трубный глас. – Пушай англичанишки свое место помнят! Так их, Колька, – чудовищная длань опускается мне на плечи. – Так их, альбионцев распроклятых!

Я вижу лицо Дагмары. На нем написано отчаянье. Э, ваше благородие, *rará*, да ты, я гляжу, нарезался...

Глава 2

Рассказывает Олег Таругин

Вот уже третий месяц, как я – цесаревич. Как-то так получилось, что по истечении двух часов я в свое тело не вернулся. Не вернулся и через три часа, и через три дня, и через три недели. То ли время в виртуале субъективно, то ли я в натуре очутился в прошлом. Если в прошлом, то почему-то «гости из будущего» не торопятся меня возвращать. Ну и ладно! Мне и здесь неплохо! Покурюлесю, сколько смогу, а потом... А потом хоть трава не расти!

Кстати! Если мое предположение верно и я действительно в прошлом, в теле будущего императора Николая Второго, то понятно, отчего у ребят из будущего такая дохлая подготовка! А на хрена им подготовка, когда они с помощью этого хитроумного агрегата могут заселиться в любое тело? Вот жуки, а втирали! Хотя... одежда на них была по моде начала XX века, прически... Блин, неувязочка! Ладно, с этим потом...

Помнится, в ранней юности на утверждение: «Человек может добиться всего, чего захочет!» – я отвечал: «Хочу быть шведским наследным принцем!» Смешно... В жизни бы не подумал, что у наследного принца такая тяжелая жизнь. Его, то есть мой, распорядок дня уплотнен до невозможности. Вообще-то я читал, что в то время русский «свет» жил по странному графику, но насколько он странен, я себе и представить не мог!

Мое утро начинается в 7.30 по пулковскому времени. Теоретически. Практически я с огромным трудом выпутываюсь из объятий Морфея где-то в 8.00 – 8.15. Но не позже. Потому как ровно без десяти восемь начинается мой утренний туалет. Ни одной, самой продвинутой моднице конца XX – начала XXI века такой набор утренних процедур даже и не снился. Боже милосердный, это ж какой-то допрос с пристрастием. Протирки из чабреца, кёльнская вода, вежеталь, маникюр, распаривание кожи и прочая, прочая, прочая...

После этой камеры пыток меня ждет «легкий завтрак – закуска». Это – яичница с ветчиной, блюдо с балыком или с копченой дичиной, немного (не более полуфунта) зернистой икры, только что сорванная земляника со сливками, чай или кофе с теми же сливками, варенье, свежий горячий хлеб. И попробуй хоть что-то не съесть! Матушка-императрица (чтоб ей дом Ипатьева повидать!) тут же набросится с целой сворой лейб-медиков, и начнется: «Ваше Императорское Высочество, извольте лечь. Ваше Императорское Высочество, покажите язык». А сами, между прочим, руки перед осмотром не моют. Я не медик, но в болезнях разбираюсь получше ихнего. Прилипалы, имбецилы! Взойду на престол – в Сибирь, в труху лагерную, на ноль помножу!

Через неделю такого усиленного питания пришлось срочно найти способ борьбы с ожирением. Теперь мое высочество завтракает и ужинает в теплой компании троих офицеров-стрелков и четверых казаков-атаманцев. Общими усилиями удастся кое-как расправиться с этим пищевым изобилием. Стрелки императорского батальона и молодцы атаманского полка не разглашают тайны наших «утрень и вечерь» и могут пригодиться еще для чего-нибудь. Из этой компании мне удалось выделить нескольких офицеров, которые постепенно превращаются в эдакий «внутренний круг». Мне еще понадобятся преданные люди.

После завтрака – свидание с преподавателями. Эта амеба, эта медуза Николай умудрился отказаться от общего воспитания в каком-нибудь приятном местечке типа «павлондии» или юнкерского училища имени его. И в результате – до свидания такая замечательная вещь, как летние каникулы! Дебил!

Так что до императорского завтрака, на котором я обязан присутствовать, я успеваю ознакомиться с «последними» достижениями физики или математики, чтоб им пропасть!

В 11.00 по Пулкову – завтрак, а после него – малый выход императора. Вся тягомотина тянется до двух часов пополудни. Потом Их Императорское Величество, влив в себя добрых полкило водочки, отправляется вершить государственные дела. Иногда мне приходится его сопровождать, и тогда я в полной мере наслаждаюсь зрелищем двух пьяных морд: Александр и его адъютант, Черняев, в полном молчании употребляют водку и коньяк попеременно, причем без закуски. Когда мне наконец надоест терпеть этого алкаша на троне, Черняев отправится в отставку с пенсией в виде сорокаведерной бочки коньяка ежемесячно. По-моему, больше ему ничего не надо.

Если же я не сопровождаю их пьянейшее величество, то по расписанию снова занятия. Учеба, фехтование, манеж или выездка на природе – все это часов до пяти. Общение с генералом Даниловичем¹ наводит на мысли о суициде. Сей великий полководец искренне полагает, вслед за Драгомировым², штык – молодцом, а пулю – лишь несколько менее душой. Я сделал одну попытку объяснить этому дуболому принцип рассыпного строя, но понял, что легче было бы растолковать этому бравому дурачку теорию Эйнштейна (если бы кто-то сперва растолковал ее мне), чем отвратить его от идеи колонн и сомкнутого штыкового удара. Ой, божечки, это скольких же мне сажать да стрелять-то придется?!

Далее – обед. Терпеть ненавижу французскую кухню, от которой здесь все без ума. Правда, тут мои вкусы совпадают с императорскими: их величество тоже предпочитает русские блюда. Не далее как вчера мы с ним буквально облопались окрошкой и студнем. Ему-то хорошо: под водку все лезет, а мне каково? Ну не могу я есть эту «францию»! Того мерзавца, который удумал разварить луковицу до лохмотьев, потом бросить в это нечто пару гренков и назвать все это «супом», я после победы русского оружия лично отыщу и сварю живьем! Вместе с луковицей!

Потом куда-нибудь едем. Например, в театр. Я чуть было не выдал себя, пожелав услышать своего любимого «Князя Игоря». Поздно вспомнил, что опера еще не написана. Хорошо еще, что никто не обратил внимания. Посчитали обычной оговоркой и предложили прослушать оперу «Богатыри». Похоже на «Прекрасную Елену» Оффенбаха, но занятнее. Понравилось.

В полночь – ужин с Императором, затем – какое-нибудь «развлечение»: бал, прием или что-то в этом же духе. «Николя – юн, и в его возрасте хочется развлекаться!» – заявляет папенька-венценосец, и маменька с ним согласна. Жаль, меня забыли спросить! Хорошо хоть, что мое тело само знает эти танцевальные па, потому как сам я к этому времени пребываю в полубредовом состоянии. И, наконец, поздний ужин: ветчина, фрукты, отварное мясо или рыба, легкое вино. На помощь снова приходят brave стрелки и молодцы-атаманцы. Короче говоря, в полчетвертого – в четыре я забываюсь на несколько часов сном без снов, напоминающим обморок. А с утра все вертится по новой.

Правда, за эти три месяца я кое-что все же успел сделать. Во-первых, отыскал Дмитрия Ивановича Менделеева, спел ему дифирамбы, попил с ним чаю (Д.И. премилый чудака!) и уговорил его заняться не только порохами, но и взрывчатыми веществами. Предложил попробовать нитровать толуол. Менделеев согласился, причем пообещал разработать еще и промышленную технологию получения. Это «ура!».

Во-вторых, пообщался с капитаном первого ранга Макаровым. С этим человеком мы еще будем работать.

¹ Данилович Григорий Григорьевич (1825–1906) – генерал от инфантерии, военный педагог, был воспитателем Николая II и великого князя Георгия Александровича.

² Драгомиров Михаил Иванович (1830–1905) – российский военный и государственный деятель, генерал-адъютант, генерал от инфантерии, видный теоретик военного искусства.

В-третьих, нашел общий язык с жутко толковым Куропаткиным³. Начальник Генерального штаба у меня, можно считать, уже есть. Вот только командовать армией вы у нас, дорогой Алексей Николаевич, не будете. Штабист и полководец – большая разница.

Но самое главное мое приобретение – личный адъютант. Их пьянейшее величество, пребывая в состоянии полной невменяемости, подмахнул высочайший рескрипт, и теперь у меня замечательный адъютант – штаб-ротмистр лейб-гвардии драгунского полка Павел Ренненкампф⁴. Думаю, немногие в XX веке знали, что этот парень – гений от кавалерии, такой же, как Буденный. Исключительно преданный и болезненно самолюбивый, Паша будет нужным и очень полезным человеком.

А, вот и он, легок на помине. Чего тебе, родной?

– Ваше Императорское Высочество. Их Величества ожидают вас в малой зале! – браво докладывает Ренненкампф. И, чуть понизив голос, рекомендует доверительно: – Съешьте варенья, а то государыня опять бранить вас за табак будет.

– Спасибо, Павел Карлович, – я одергиваю мундир, – сейчас иду...

Ох ты ж, Господи, опять начинается. Прием...

Глава 3

Рассказывает Олег Таругин

Прошло полгода. Как ни странно, я до сих пор жив и даже в здравом рассудке. Мне удалось кое-как изменить мой распорядок дня, и теперь я хотя бы высыпаюсь. Ну, почти высыпаюсь... Дело в том, что у меня появилась, как бы это выразиться помягче, пассия. Олечка Шаховская. Красивая и раскованная девица, на пару лет постарше цесаревича. Я увидел ее во время катания в Петергофе. Мы мило побеседовали, причем Оленька продемонстрировала такие свободные взгляды и такой лихой настрой... Три дня мы встречались с ней ежедневно, а потом, в беседке... Честное слово, я не ханжа, но эта чертовка фактически изнасиловала меня. И с тех пор мои ночи можно смело именовать «египетскими».

Самое удивительное, что венценосные рара и тама считают все происходящее совершенно нормальным и правильным. Ну, еще бы: вон милый кузен Сергей Михайлович веселые вечеринки с голыми девками и такими же офицерами своего полка устраивает, только ух! Так что я с Оленькой кажусь почти что монахом. Вот только не высыпаюсь. Увы, в этой проблеме атаманцы и стрелки – не помощники. Вот так и живу...

Зато мне действительно удалось сделать кое-что полезное. Несколько юнкеров из Павлондии и Николаевского получили досрочное производство и образovali костяк моей будущей «гвардии». Командиром над ними поставлен князь Васильчиков⁵, штаб-ротмистр лейб-гвар-

³ Куропаткин Алексей Николаевич (1848–1925) – генерал от инфантерии, военный министр (1898–1904), в РЯВ главнокомандующий всеми сухопутными и морскими вооруженными силами, действующими против Японии (1905). После поражения при Мукдене Куропаткин был отставлен от должности главнокомандующего. После Октябрьской революции преподавал в основанной им сельской школе и заведовал Наговской волостной библиотекой в с. Шешурино Тверской области.

⁴ Ренненкампф Павел-Георг Карлович фон, барон (1854–1918) – военачальник, генерал от кавалерии (1910). С 1899 г. был начальником штаба войск Забайкальской области. Участник Китайской кампании 1900 г., за боевые отличия награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. С июля 1901 г. – начальник 1-й отдельной кавалерийской бригады. Во время Русско-японской войны Ренненкампф – командующий Забайкальской казачьей дивизией. В Мукденском сражении, возглавляя Цинхеченский отряд, проявил большое упорство и стойкость. С июня 1905 г. состоял в распоряжении главнокомандующего на Дальнем Востоке. За боевые отличия в 1906 г. награжден золотым оружием, украшенным бриллиантами. Во время революции 1905 г. командовал карательным отрядом в Восточной Сибири. В начале Первой мировой войны 1914–1918 гг. командовал 1-й армией. После октября 1917-го арестован. Расстрелян в Таганроге по приговору ревтрибунала.

⁵ Васильчиков Сергей Илларионович, (1849–1926) – князь, военачальник, генерал от кавалерии (1910). Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Награжден орденами Св. Станислава 2-й ст. с мечами и Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом. В 1890–1896 гг. командир лейб-гв. гусарского полка. В 1902–1906 гг. командир гвардейского корпуса. Крупнейший

дии конно-гренадерского полка. Черная форма конных grenадер напомнила мне незабвенные «Семнадцать мгновений весны» и артиста Тихонова. Жаль, не доживу до этого фильма. Да и не будет его здесь.

Когда Васильчиков попал в мое поле зрения, первое, что бросилось в глаза: очень уж мужик честолобив. И смышлен. Карьерист. Конечно, задницу лизать, как в XX веке водится, он не станет, закваска не та. Но если надо будет в ход локти пустить – горло любому перегрызет, по трупам пройдет – не вздрогнет, своего добьется. Нужны мне такие. А второе, что показалось интересным: князь очень легко воспринял новые взгляды, которые я ему изложил...

– Сейчас противники власти, все эти бомбисты-террористы, затаились. Они нашли убежище за рубежом, во враждебных странах. Но там они сидят как черная зараза, готовая в любой момент выплеснуться на нашу Родину. Мне будет нужна помощь в борьбе с ними.

– Конечно, Ваше Высочество, я готов, как и все, бороться с ними. Когда потребуется – мы встанем на вашу защиту.

– Да нет, князь, меня это не устраивает. Я не собираюсь ждать, пока эти твари в человеческом облике явятся ко мне и начнут свою подрывную деятельность. Не вспомню сейчас, кто из древних сказал: болезнь легче предупредить, чем лечить.

– Не понимаю, Ваше Высочество...

– Сейчас поймете. Готовы ли вы, князь, исполнить мой приказ сейчас же, незамедлительно?

– Ваше высочество... Если приказ будет подтвержден Императором... – В глазах Васильчикова вдруг вспыхнула нешуточная надежда. Это – глаза игрока, который почувствовал, что карта пошла. – Приказывайте, Ваше Высочество!

Мне нравится, как смотрит этот офицер. Черт возьми, смешно: Васильчикову – тридцать пять, и он старше цесаревича на девятнадцать лет. Уже успел повоевать, награжден орденами. Однако сейчас смотрит на меня, как на нового мессию. Правда, лично я уже прожил на свете сорок два годика, тоже воевал, только войны эти были несколько иного рода... Крови и грязи в них было гораздо больше.

– Хорошо, князь. В Лондоне проживает некто Плеханов, смутьян и марксист. Он ведет целенаправленную работу против существующего строя в России и против ее Императора. Мне нужна голова этого человека. Я приказываю вам немедленно отправиться в Лондон и ликвидировать этого человека.

– Ликвидировать?

– Уничтожить. В физическом смысле. Убить.

Он смотрит на меня удивленно, но... Удивление в его глазах быстро сменяется пониманием:

– Ваше Высочество, сколько у меня времени на подготовку?

Ого! Про таких пишут: «значительно опередил свое время».

– Браво, князь! К сожалению, к моему глубочайшему сожалению, пока, – я делаю нажим на слове «пока», – пока я не могу отдать вам такой приказ. Пока... Ведь вы же понимаете, что посылать в чужую страну с таким заданием верного и надежного человека, – ого, дружок, как ты расправил плечи, когда я назвал тебя «верным и надежным», – это просто подлость. Ни один настоящий командир не пошлет своего подчиненного на верную и бессмысленную смерть. Но вот другой приказ я вам дам, князь. Через два дня я жду от вас докладную записку: количество сил и средств для тайной ликвидации господ Плеханова, Дейча, Аксельрода и господи Засулич.

– Слушаюсь, Ваше Высочество...

– Подождите, это еще не все. Думаю, для работы вам будет полезно ознакомиться с деятельностью покойного г-на Судейкина, а также с планами и работой в бозе почившей «Священной дружины».

– Слушаюсь, Ваше Высочество... – снова кивает Васильчиков. Понятливый...

– Надеюсь, вы помните, что восемь лет назад в Санкт-Петербурге были студенческие волнения, – продолжаю я. – И, вероятно, вы знаете, князь, чем это закончилось. Сто сорок человек, вдумайтесь, князь, сто сорок будущих врачей, хирургов, оказались за решеткой. А ведь у нас не так много врачей. Как вы считаете, что можно было изменить в действиях полиции?

Молчит, не понимает. Но пытается думать. Ладно, придется объяснить:

– Как вы считаете, дорогой князь, если бы при попытке подачи петиции господам студентам набили морду пьяненькие мастеровые, это повлияло бы на настроение господ студентов?

– Думаю... конечно, повлияло бы. Могли бы и плюнуть на свою петицию.

– Очень хорошо. А теперь представьте себе, если этих мастеровых поймают и даже слегка погладят плетью. А потом умный и преданный человек расплатится с такими «мастеровыми»?

В его глазах светится понимание. Похоже, идея ему нравится. Надо дожимать.

– Возможно, вы слышали, князь, о некоем Степняке-Кравчинском? Слышали? Замечательно. Так вот, в одной из своих книг сей господин пишет следующее: «Полиция не считается ни с чем – ни с численностью людей, подвергающихся репрессиям, ни с личностью человека». Как вы думаете, князь, правильно ли такое поведение полиции?

Подумав, он отрицательно качает головой:

– Возможно, я не прав, Ваше Высочество, но полагаю, что это неверно. Я уже и сам замечал, что простые люди полиции побаиваются. Или даже не побаиваются, а не любят.

– Верно. А правильно ли то, что полиция, которая обязана защищать обывателя от вора и всяческой шантапы, занимается ловлей политических преступников?

Васильчиков снова задумывается и снова дает отрицательный ответ.

– Правильно, князь. Но ведь должен же кто-то бороться с такими вот Каракозовыми, Засуличами и прочими Долгушиными? Должен. И поэтому я хочу предложить вам, князь, возглавить новую организацию под названием Комитет государственной безопасности. Сокращенно КГБ. Пока мы будем с вами готовить людей для такой службы, вы, князь, будете еще привыкать к тому, что отчитываться глава этого комитета будет только перед Императором или перед цесаревичем. Вы будете привыкать к тому, что полем вашей деятельности будет считаться весь земной шар, что вам придется решать весьма сложные задачи, в которые будут входить, например, показательные акции устрашения, когда вы, князь, пошлете убийц с задачей перерезать всех, кого они найдут в указанном доме, селе, хуторе, усадьбе...

– Ваше Высочество, позвольте вопрос. Я не отказываюсь, но... Для чего может служить такая акция устрашения?

– Для самых разных целей. Ну, например: КГБ узнает о том, что некто – опасный террорист, фанатичный социалист или анархист. Группа бойцов КГБ нанесет визит его семье, вырежет всех, от мала до велика, и оставит на стене лозунг типа «Да здравствует анархия!» или «Так будет с каждым предателем святого дела!». Как вы полагаете, долго он останется преданным революционером? Или другой пример: издатель «Таймс» опубликовал возмутительную статью относительно порядков в наших тюрьмах для террористов. Так вот: такой человек, неважно, чиновник он, министр, издатель, депутат, русский или иностранный, будет признан врагом отечества. Вы же знаете, что зачастую мы и со своими разобраться не можем, что уж об иностранных толковать? А тут вы посылаете своих специалистов, чтобы сначала уничтожить их всех до седьмого колена, а потом уже другие специалисты, также из вашего ведомства, возьмутся за то, что можно назвать «пропаганда шепотом». Неофициально запускается слух о том, что этот человек наказан за свою антирусскую деятельность. Пусть все знают, что наказание придет неизбежно. Пусть нас боятся.

И далее в том же духе. Мы расстались с Васильчиковым глубоко за полночь. Он ушел от меня одухотворенный новыми перспективами, подтвержденными свеженьким указом Его Императорского Величества, гласящим, что отныне штаб-ротмистр Васильчиков – ротмистр⁶. Это результат моего нового изобретения. Водка с кокаином, который продается у нас в любой аптеке. Я угостил своего венценосного родителя «заряженным» алкоголем и был просто напоян сражен последствиями угощения. Император впал в протрацию, в продолжение которой он был просто безвольной марионеткой. Тогда-то я и подмахнул несколько нужных мне бумаг. В том числе и приказ на Васильчикова. Приятно, когда такой мелочью можно доставить человеку радость. Тем более, я-то знаю, что обманул доверчивого князя. Он, в простоте душевной, полагает, что его КГБ будет единственной организацией такого рода. Фигушки! Будет еще и Главное политическое управление. А куда без ГПУ?

Интерлюдия

Яркий свет несколько резал глаза и оставлял ощущение некоего дискомфорта. Какой-то тревоги, опасности...

– Итак, мы здесь собрались, чтобы обсудить создавшуюся ситуацию. Думаю, никому не надо объяснять, что произошло, но вкратце напомним: в результате преступной халатности доктора Фалина и магистра Крупинной один из переносных мнемотрансляторов типа ПМВ-13 бис оказался в руках неподготовленного аборигена из кластера 2004. Он умудрился его включить и воспользоваться! Затем прибор таинственным образом исчез. По данному факту проводится служебное расследование. Дальше ситуация стала развиваться по схеме «незапланированное вмешательство со сквозными последствиями».

– Он что, на самом деле узурпировал Николая II? – Голос выражал неподдельное изумление.

– К сожалению. И умудрился то ли случайно, то ли целенаправленно попасть в один из бифуркационных узлов второго рода («О как!» – кашлянул кто-то). Теперь уже необходимо исправлять сделанное: реципиент, под воздействием иновременного донора, произвел действия, исключаящие или, как минимум, значительно затрудняющие его будущую женитьбу на Алисе Гессенской. Естественно, напрашивается вопрос: это обдуманное действие или случайное, и если верно первое предположение, то какие дальнейшие действия иновременного донора последуют в дальнейшем?

– Возможно, он примет напрашивающийся союз с Германской империей, что в дальнейшем приведет к самым серьезным последствиям в Старом и Новом Свете...

– Сейчас это не важно. Я предлагаю решить вопрос с пребыванием ИД в теле реципиента. Какие будут предложения?

Какое-то время было тихо. Слышалось лишь негромкое перешептывание. Наконец раздалось неуверенное:

– Может, с ним просто поговорить? По-хорошему, а? Растолковать ему, что будет из-за его деятельности. Ну не сумасшедший же он, в конце концов, должен испугаться разрушения собственного тела и невозможности вернуться обратно.

– Действительно! – Новый голос был намного увереннее. – Почему, собственно, мы так боимся, что он нас не поймет? Судя по всему, человек он разумный, хотя и несколько излишне энергичный, должен же понять, что ценой его мелкого тщеславия будут тысячи жизней. Да и вообще, может, он уже давно домой хочет, а кода возврата не знает...

Слабые возражения потонули в одобрительном гуле.

⁶ Звание лейб-гвардии ротмистра приравнивалось к армейскому подполковнику.

– Итак, предварительно принимается решение попытаться убедить ИД оставить реципиента и, в случае необходимости, оказать ИД помощь в возвращении в исходный кластер...

Глава 4

Рассказывает Олег Таругин

Мягко горит ночник. Сегодня мне совершенно не спится. Все-таки последняя рюмка «Кюрасао» была явно лишней. Между прочим, пора подумать о том, что со спиртным надо что-то делать: моему новому организму не так много лет, чтобы пить в количествах, подсказываемых памятью сорокалетнего мужика. А то я в последнее время чего-то перебирать стал. Вот и сейчас: в желудке копченый фазан яростно сцепился с кларетом урожая 1876 года и замечательным ликером «Кюрасао», причем кофе и полдюжина пирожных явно ведут партизанские действия. Блин, эдак ведь в Ригу съездить придется. Или Ихтиандра позвать...

– Не спится, Ваше Высочество?

Не понял – а это еще кто? Что за Белая Дама к нам в гости притащилась?

– Сударыня, прошу прощения, а вы кто?

Шуршание юбок, и дама средних лет присаживается на стул возле зеркала. Что-то в ней не так... Черт возьми, слишком уж по-хозяйски она себя ведет! Здесь так не принято... Э-э-э, уж не Засулич ли какая доморощенная выискалась?

Ах, дьяволыщина, а оружия-то под рукой никакого нет! Вот ведь не подумал как-то, что товарищи террористы могут и во дворец прийти... Да нет, что это я распахивался? Эту физию я, кажется, видел в окружении милой матушки. Или кого-то из великих князей... Мама моя дорогая, она часом не решила ли попробовать пообщаться с наследником престола, так сказать, в горизонтальном положении? А что, очень даже возможно, учитывая раскрепощенность нравов конца XIX века. Ну-ка, ну-ка...

Фигурка у ночной посетительницы ничего себе, мордашка – довольно смазливая. Если бы я еще не был так пьян – могло бы что-нибудь и случиться. Но сегодня я решительно не способен к активным действиям. К тому же из пьяного морока наружу лезет мое второе «я», которое активно начинает напоминать о себе попытками петь непристойные куплеты на французском, ругаться по-немецки или, обливаясь пьяными слезами, молиться перед образами. Ну, надо что-то решать...

– Простите, мадемуазель, если бы вы...

– Знаешь, Олег, в прошлый раз ты мне показался симпатичнее, хотя и сейчас ты вполне ничего.

Выражение «обухом по голове» очень точно передает мое нынешнее состояние. Это что ж, Светлана?

– Ну, Олег, не надо так дергаться. Ты, вероятно, случайно воспользовался нашим ПМВ и теперь сам не знаешь, как возвратиться обратно. Я здесь для того, чтобы тебе помочь...

Ха! Помощница!

– Светлана, а кто вам сказал, что я хочу домой? Мне здесь нравится, да и... Знаете, история России времен императоров Александра III и Николая II всегда представлялась мне безумным набором диких случайностей, откровенного идиотизма и столь же откровенных подстав. Так вот, мне представилась возможность кое-что изменить в этом кошмаре, и с чего вы взяли, что я откажусь от этого шанса?

Сказать, что моя визави обескуражена моим ответом, значит ничего не сказать. Руки нервно комкают подол платья, на скулах выступил лихорадочный румянец, рот приоткрылся,

точно ей не хватает воздуха. А вот интересно: если она сейчас завизжит, то как я буду объясняться со сбежавшимися слугами?

– Олег, ты сам не понимаешь, что говоришь! – наконец выдавливая она из себя. – Ведь нельзя же так вот, с бухты-барахты, вламываться в историю, как слон в посудную лавку. От твоего вмешательства могут пострадать люди...

– А от моего невмешательства люди уже пострадали! Без малого 70 миллионов погибших в войнах и революциях только в одной России! Ты, историк, скажи: сколько народу погубила хотя бы одна эта ублюдочная перестройка?! А так эти люди будут жить! Это что – семечки?

– Ну да, а тем, кто родился от браков, что в результате твоего вмешательства не осуществятся, – этим что делать? Они-то в чем провинились?

Вот за что люблю профессиональных историков да и вообще ученых, так за полное отсутствие моральных устоев и нравственных принципов. Значит, выходит, что добрая сотня миллионов должна умереть и добрых полмиллиарда никогда не родиться, только бы ныне здравствующие миллионов сто были живы...

– Знаете, Светлана, а мне вот кажется, что браки, если они не по расчету, заключаются на небесах. Так что никакой беды не случится. И потом: мой дед погиб на фронте. У меня родилась неплохая идея – выручить его из неприятностей. Думается, что у меня это получится.

Она приподнимает голову. Теперь в ее глазах решимость.

– Тогда нам придется заставить тебя. Силой!

Ага! Видел я вашу силу. Хорошо запомнил. Или они могут вытащить меня против моей воли? От этой мысли меня прошибает холодный пот. Хотя... Не-е, неувязочка. Если бы могли, то сразу бы и вытащили, а не мотались бы сюда разговоры разговаривать.

– Интересно бы взглянуть, как это у вас получится? Телу, конечно, всего шестнадцать, но постоять за себя я смогу.

Господи, твоя воля! Что это у нее в руке? Пузырек и марля? Мать моя, императрица российская, эта дура меня усыплять решила? Ну так и есть...

Света кошкой кидается ко мне. Извините, сударыня. Короткий удар ногой отбрасывает путающуюся в кринолинах агрессоршу к стене. Отдыхайте, девица-красавица. Я вскакиваю с постели... Б...! Твою мать! Будь она проклята, эта идиотская привычка XIX столетия, спать в длинных и неудобных ночных рубахах! Запутавшись в подоле, я чуть не падаю на пол. Светлана уже на ногах и снова кидается ко мне. Н-на! Как могу, червяком изворачиваюсь на полу и подбиваю ее ногами. Ляг, лежи. Вот ведь пантера самозваная: еще в партере со мной бороться затеяла! Эх, черт возьми! Весу во мне маловато! Ничего-ничего, когда-то ваш оппонент занимался борьбой и не успел все забыть. А ну-ка... Треск разрываемой материи, и тишину ночи пререзает истошный вопль.

– А-а-а! Пусти, пусти, больно, руку ломаешь! – верещит Светлана, не похожая сама на себя.

– Это тебе урок: не прыгать на наследника престола Российской империи, – удается пропыхтеть ей в ответ. – Особенно с такой чахлой физподготовкой.

За дверями спальни топот ног. Что-то с грохотом опрокидывается, и тут же в мою опочивальню вламываются Васильчиков и Ренненкампф с револьверами в руках. Следом за ними галопирует часовой с винтовкой наперевес.

– Ваше Высочество! Ваше Высочество! У вас все в порядке? – галдят мои адъютанты наперебой, но, узрев то, что творится в моей комнате, застывают в подражание Лотовой супруге. Я перевожу дух и оглядываюсь...

Вид, открывшийся моим бравым защитникам, действительно впечатляет. На полу без юбки (разорвалась и улетела во время схватки), со сбившейся набок прической, покрасневшим лицом и заломленной за спину рукой лежит фрейлина императрицы. На ее спине (и чуть

пониже), в разорванной до пупа ночной рубашке, восседает наследник престола российского, удерживая хитрым захватом означенную руку означенной фрейлины.

Минута молчания длится недолго.

– Ваше Высочество, мы просим извинения, – выдавливают из себя Ренненкампф. – Нам показалось, что из вашей комнаты... э-э... из вашей комнаты...

Он сбивается и умолкает. Васильчиков судорожно сглатывает, нервно нашаривает рукав Ренненкампфа и, пятясь, тянет Павла Карловича за собой, одновременно ухитряясь выпихнуть часового... хм... ну, скажем, «задним фасадом»...

– Ну что, будешь еще брыкаться или мне и вправду руку тебе сломать?

– Сволочь, – шипит пленница. – Ну ничего, с тобой еще разберутся...

Что, интересно, пришлют взвод карателей? Таких же, сахариновых, которые делать ничего не умеют? Ой, я сейчас укакаюсь от страха...

Внезапно ее лицо как-то неуловимо изменяется. Глаза на мгновение мутнеют. Что это с ней – обморок? Привстав, я переворачиваю ее на спину. Господи, да что с ней такое? Помирать, что ли, собралась? Я встряхиваю ее за плечи. Похоже на обморок. Так-с, лучший способ от обморока – пощечина...

Дикий визг бьет по ушам точно близкий взрыв. Светлана начинает вырываться с такой нечеловеческой силой, что я поневоле вынужден ее отпустить. Ух! Рука с расставленными пальцами пролетает в опасной близости от моего носа. Ну, подруга, так не пойдет. Самый тяжелый хук, какой только может выдать не слишком высокий шестнадцатилетний отрок, заставляет ее голову мотнуться назад. Светлана медленно оседает на пол. Наконец-то сражение закончено. Теперь связать ей руки и ноги остатками ее юбки и моей рубашки, и можно покурить с чувством выполненного долга.

Ароматный дым убегает вверх правильными колечками. Интересно, а что мне с ней делать? Да по фиг – утро вечера мудренее. Ой, как хорошо-то...

– Что вы собираетесь делать со мной, Ваше Высочество?

Голосок дрожит, испугалась. И правильно... Кой черт правильно? Какое «Ваше Высочество»? Почему не «Олег»?

А вот почему. Наша «гостья из будущего» отчалила в свое «прекрасное далеко». Теперь передо мной несчастная женщина, которая, придя в себя, обнаружила, что лежит в разорванной одежде, а над ней склонился нагой цесаревич. Есть от чего завизжать. Надо срочно что-то придумать... Блин, вспомнить бы еще, как эту мадемуазель звать? Вроде бы Зинаида...

– Мадемуазель, скорее мне нужно задавать вам этот вопрос. Я уже засыпал, когда вы вошли в мою спальню и, не сказав худого слова, напали на меня, пытаетесь усыпить. Не верите? Взгляните, что лежит у вас под рукой?

Она с удивлением всматривается в склянку с хлороформом и поднимает на меня испуганные глаза.

– Но поверьте, Ваше Высочество, я совершенно не собиралась нападать на вас. Я... я не знаю... как это все случилось. Я ничего не помню, – сообщает она и заливается слезами.

Ну вот, здравствуйте! Сперва – уговоры, потом – драка, и вот теперь – разбор полетов. Охо-хо-хонюшки, будем утешать...

Лихорадочно оглядываю комнату в поисках чего-нибудь, что могло бы ее успокоить. Святые угодники, да я ж все еще голый! Схватив халат, я мгновенно влетаю в него, молниеносно завязываю пояс... Ф-фух, теперь можно думать... О, вот сифон с содовой водой.

– Успокойтесь, Зинаида (как же тебя по отчеству?)... Вот, выпейте воды.

Зубы стучат о край стакана, вода проливается на грудь.

– Ваше Высочество, а вы меня не развяжете?

– Конечно, конечно, если только вы не будете снова кидаться на меня как рысь в лесу.

Я распутываю узлы и помогаю женщине подняться.

– Вот так, вот так... Садитесь в кресло, мадемуазель. Я пошлю кого-нибудь из своих адъютантов принести вам одежду.

– Mersi, – шепчет она и вдруг, лукаво стрельнув в меня глазами, сообщает: – А вы весьма привлекательны, Ваше Высочество.

Понятно. Пропала ночь. А я так хотел выспаться...

Глава 5

Рассказывает Олег Таругин

Ну вот и год пролетел. «Как я выжил, будем знать только мы с тобой!» (Интересно, в этом мире будет Симонов?) За этот год у меня было много, мно-о-го дел. Во-первых, образование. Ну, классическое среднее образование я, кажется, получил. Странно было, когда мое второе «я», обычно молчащее и загнанное под спуд, подсказывало мне ответы на латыни, французском или немецком языках. По другим предметам я отвечал самостоятельно, чем поверг в немалое удивление господ преподавателей. Еще бы, формулы сокращенной тригонометрии в гимназиях начнут преподавать только лет через двадцать, дифракцию – лет через тридцать. А я это знаю, и от моих ответов профессура обалдевала, а мои милые наставники, Победоносцев и Данилович, выглядели именинниками.

В результате – мое образование вроде как завершено. Венценосный папенька выделил мне роту в стрелковом батальоне императорской фамилии, и теперь я – ротный. Как бы ротный. Офицеры-стрелки, по-видимому, решили, что обязаны отплатить мне за завтраки и ужины, превратить мою службу в бесконечное застолье. Ну это уж дудки!

Со своей ротой мне удалось провести пару занятий по рукопашному бою, несколько – по снайперскому делу. Глядишь, года через полтора из этого батальона выйдет первая часть особого назначения. Посмотрим...

Основной моей задачей стала за этот год женитьба. Аликс Гессенскую я отшил так, что за русского цесаревича она выйдет только под страхом смертной казни. Это хорошо, потому как у меня на примете имеется другая невеста. Принцесса дома Гогенцоллернов – Виктория, для домашних – Моретта. Девица на полгода постарше цесаревича и была обручена с болгарским князем, Александром Баттенбергом, но кого это волнует? Даже если бы она была старше на двадцать лет, страшна, как Хиросима, и обручена с графом Дракулой, я все равно желал бы на ней жениться. Эта Моретта принесет в качестве приданого союз России с Рейхом, так чего ж еще желать? К тому же сказать, Баттенберг не настоящий князь. Несколько лет назад его свергли с престола, и теперь он отирается при европейских дворах в поисках поддержки. Самое пикантное в том, что до восшествия на престол Александр Баттенберг служил офицером в русской армии и был направлен на болгарское княжение именно для того, чтобы отстаивать интересы России. Однако «Сандро» оказался, мягко говоря, подонком, моментально забыв, кто, собственно говоря, поднял его из грязи в князи. Сейчас большего русофоба еще поискать... Ну-с, как говорится в одном фильме, который, может быть, снимут лет через семьдесят: «Жених согласен, родители невесты – тоже, осталось уговорить невесту».

Правда, насчет родителей невесты я малость приврал. Фриц и Вики, родители будущего кайзера Вильгельма и моей избранницы, его сестры, отчаянные англофилы, Россию ненавидят и отдадут свою дочь за русского цесаревича только под угрозой применения оружия. Конечно, еще жив старый кайзер, большой друг нашей империи, но он уже стар. Так что, если разобратся, у меня есть только один союзник: будущий кайзер Вильгельм. Парень он увлекающийся и рыцарственный и наверняка не упустит возможность поучаствовать в романтическом приключении.

Остается только придумать, как бы дать знать о своей любви и желании жениться. Идея пришла не сразу, но когда пришла и оформилась... Все-таки я гений. Ну, как минимум талант, особенно – в сравнении с бесцветными ребятами из патриархального, спокойного XIX века...

– ...Здравствуйте, господин академик.

– Здравствуйте, Ваше Императорское Высочество. Какая честь.

– Ну что вы, это для меня огромная честь, что сам академик Суриков согласился принять меня. Ведь я всего-навсего один из множества наследников множества престолов, а вы – величайший художник нашего времени!

Лесть – штука полезная. Василий Иванович приятно пунцовеет и смотрит на меня уже заинтересованно. Я рассыпаю дифирамбы его «Утру стрелецкой казни» и «Меншикову в Березове». С трудом вспоминая работы искусствоведов конца XX века, восхищаюсь композиционным построением полотен, расписываю цветовую гамму, историческую достоверность. И вот результат: Суриков усмирен, покорен, очарован и готов выполнить любую просьбу восторженного цесаревича.

– Чем же я могу быть вам полезен, Ваше Высочество?

– Василий Иванович, я пришел к вам с нижайшей просьбой. Вы один сможете мне помочь.

Суриков удивленно пялится на цесаревича, пришедшего к нему за помощью.

– Дело в том, господин академик, что я... влюблен. Моя избранница – принцесса из дома Гогенцоллернов, Виктория. Мне необходимо дать ей знать о своей любви. И помочь мне можете только вы.

– Да чем же, Ваше Императорское Высочество?

– Напишите картину. Что-нибудь из наполеоновских войн. На переднем плане – молодой русский офицер, раненный. Над ним склонилась немецкая девушка. А дальше – бесконечная колонна французских солдат и Наполеон, брезгливо смотрящий на раненого.

– И в виде русского офицера и немки будут изображены вы и ваша избранница, – Суриков, похоже, заинтересовался моей идеей. – Ваше Высочество, если позволите, я попробую сделать несколько набросков прямо сейчас.

Мы расстались через четыре часа. Мы обсудили наброски, до хрипоты наспорились по поводу композиции и решили вопрос с названием полотна. «Битва при Дрездене». Здорово! Хорошо, что у Василия Ивановича есть время и он готов временно отвлечься от своей «Боярыни Морозовой». Обещал через три месяца выдать на-гора первый вариант. Пойдет...

Вот по осени и едем свататься. «Едем» – это значит я, Ренненкампф, Васильчиков и атаманец Шелихов, с которым я теперь каждое утро занимаюсь рукопашным боем. И, разумеется, с нами едет академик Суриков со своим полотном «После поражения». На переднем плане тяжело раненный русский офицер-драгун, который с мольбой протягивает руки к немецкой девушке. Девушка, списанная с фотографии Моретты, вытирает ему кровь, а сама с ужасом на лице смотрит на убитых пруссаков, лежащих рядом. И на все это брезгливо взирает Наполеон, окруженный своими гренадерами, осененный трехцветными знаменами. Ну, если немцы намека не поймут, то я уж и не знаю, чем пронять этих бюргеров...

Проняло. Старый кайзер, полюбовавшись на присланное ему в подарок творение академика, прослезился и разразился длинной речью о братстве оружия, об общей истории, о давних традициях дружбы и добрососедства. А ко мне приближается молодой Вильгельм:

– Послушайте, кузен, одна из фигур на картине напоминает мне мою родственницу. Скажите, это случайность?

– Э-э... – А ну-ка, постарайтесь покраснеть и сделаем вид, что нам мешают руки! – Кузен, я могу вам довериться? Помнится, мы с вами были довольно близки в России, но все же...

Он заинтересован и заинтригован. Его серые чуть навывкате глаза впились в меня.

– Я полагаю, что не давал вам повода, кузен, сомневаться в моем к вам расположении.

– Хорошо, кузен. Я только хотел бы поговорить с вами наедине.

Теперь он уже не просто заинтересован, теперь он просто стораает от любопытства. Пока звучат речи, я слежу краем глаза, как он нервно переминается с ноги на ногу, теребя свою сухую левую руку. Ну, понервничай, понервничай...

Через два часа, перед обедом, он решительно подходит ко мне и предлагает вместе осмотреть коллекцию холодного оружия. После чего круто разворачивается и широким шагом прямо-таки летит в Рыцарский зал. Я еле поспеваю за ним, но в душе у меня праздник. Ключу!

Плотно затворив за собой тяжелые резные двери, он поворачивается ко мне. На лице написано нетерпение. Он едва сдерживает себя:

– Итак, кузен, мы с вами одни.

– Да, кузен. – Я делаю вид, что страшно смущен. Теперь самое главное не дать обнаружить игру. – Дело в том, что я... влюблен.

– О-о!

– В вашу сестру, кузен, – словно преодолевая себя, произношу я чуть дрогнувшим голосом. – О, я знаю, что кронпринц и его супруга не любят мое бедное отечество. Я знаю, что она обручена с этим выскочкой Баттенбергом, что я недостойн ее, но... но что же я могу поделать с собой?

Выпалив в него эту «бесценную» информацию, я умолкаю с убитым видом. Теперь ждем реакции.

Будущий кайзер проходится по залу взад и вперед и наконец останавливается прямо передо мной. Я опускаю голову, всем своим видом выражая полное смирение с судьбой.

Внезапно мне на плечо опускается его могучая правая рука. Он предплечьем поднимает мой подбородок и пристально смотрит мне в глаза. Потом неожиданно широко улыбается:

– Ну, выше голову, кузен! Кто он такой, этот Сандро Баттенберг? Мелкий авантюрист, негодяй, каких множество. А вы, вы, кузен, – наследник престола великой державы! – Он обнимает меня за плечи, притягивает к себе. – Полно, Ники, полно! Дед охотно одобрит ваш брак с Мореттой. Я сам готов замолвить за вас слово. Да черт возьми, я буду счастлив видеть вас своим братом!

– Вы говорите это серьезно, кузен? – Как же долго я репетировал эту дрожь сомнения в голосе! – Вы готовы помочь мне в моем сватовстве?

– Ведь я же сказал вам, Ники. Я, – его голос окреп и гулко звучит в пустоте огромного зала, – я клянусь вам, дорогой кузен, своей честью, что помогу вам в этом деле!

Он хватает со стены готический меч и, стряхнув с него ножны, воздевает клинок вверх:

– Пусть эта честная немецкая сталь станет мне свидетелем! Как прочен сей меч, так нерушимо мое слово! – И, уже чуть остыв, продолжает: – Я сегодня же обеспечу вам встречу с Мореттой тет-а-тет.

Ого! Этот парень круто берет. Ну вечером так вечером...

Вечером, за ужином, я жду от Вильгельма обещанных действий. О, вот он подошел ко мне и протягивает портсигар, зовет в курительную. Пойдем, пойдем.

В курительной множество гостей. Вильгельм протягивает мне сигару, закуривает сам и, выпустив клуб ароматного дыма, тихо и внушительно произносит:

– Если вы пойдете в музыкальную залу, Ники, вы не будете разочарованы. – И покровительственно хлопает меня по плечу. Да ладно, ради нужного дела можно и потерпеть фамильярность.

В музыкальной зале полумрак. Никого, ни единой живой души. Я подхожу к роялю, сажусь за инструмент и бездумно выстукиваю двумя пальцами какой-то легкомысленный мотивчик. Внезапно сообразив, что это – песенка Глюкозы про невесту, я чуть было в ужасе

не захлопываю крышку, но тут в голову приходит шальная мысль. Цесаревич вовсе недурно играет на рояле и в совершенстве знает немецкий. А что, если?..

Простите меня, господин Вертинский. Эту песню вы уже не напишете, потому что я украл ее у вас. Но вы же – талант. Напишете что-нибудь другое. Я беру несколько аккордов. Теперь текст: попробуем перевести на немецкий...

Чуть скрипнула дверь, и я тут же начинаю:

Я безумно боюсь зноя яркого лета
Ваших светло-пшеничных волос.
Я влюблен в ваше тонкое имя – Моретта,
И в следы ваших слез, ваших слез.

А крылатые брови, а лоб Беатриче,
А весна в повороте лица!
О, как трудно любить в этом мире приличий,
О, как трудно любить без конца!

Не могу, не хочу, наконец, не желаю,
И, встречая конец бытия,
Я вам сердце свое, словно мячик, бросаю:
Ну ж, ловите, принцесса моя!

Я оканчиваю проигрыш и слышу, как за спиной кто-то шумно вздохнул. Словно в испуге резко оборачиваюсь. Это она. А ничего, ничего. На фотографии она выглядела хуже.

На скулах Моретты играет румянец, она нервно теревит веер. Понравилось? А то, это ж вам не кто-нибудь – Вертинский, понимать надо! Так, теперь продолжать в том же духе...

Рассказывает принцесса Виктория фон Гогенцоллерн (Моретта)

Когда Вилли сказал ей, что в музыкальной зале ее ждет некто, кто не может явиться открыто, в первую очередь она подумала о Сандро. Милый, милый Сандро, с которым ее разлучили жестокие родственники. Забыв о гостях, она бросилась туда. Но, уже приоткрыв двери, она вдруг подумала: а с чего это, собственно, «однорукий рыцарь» станет заботиться о Баттенберге? Ведь он же ненавидит ее дорогого Сандро, до глубины души ненавидит. И вдруг помогает ей? Она не успела решить эту задачу, как из залы зазвучал рояль. Красивый молодой голос, совсем не похожий на голос Баттенберга, запел романс. Нет, не романс, а серенаду, посвященную ей. Кто же это? Сгорая от любопытства, она мышкой проскользнула в зал.

Горели свечи, разбрасывая вокруг призрачные тени. У рояля сидел человек в прусском мундире. Тихонечко, чтобы не спугнуть, Моретта подошла к нему сзади. Теперь она узнала его. Это был русский цесаревич. Он играл и пел, негромко, словно бы для самого себя, но в его песне звучала такая искренняя любовь, такая надрывная тоска! Ей стало жаль этого ловкого красивого юношу. Неожиданно она вспомнила рассказы Сандро о русских офицерах, об отце цесаревича, нынешнем императоре Александре. Если верить Баттенбергу, русские были тупыми, жестокими, вечно пьяными дикарями. Но разве может дикарь сочинить такую песню. Нет, тут что-то не так. Задумавшись, Моретта вздохнула, поняв, что ее дорогой Сандро попросту клеветал на своих бывших товарищей.

От ее вдоха цесаревич резко обернулся и вскочил как ужаленный. Она встретила его глаза и неожиданно вздрогнула, увидев, что этот взгляд ей кого-то напоминает. Вот только кого?..

– Вы прекрасно играете, Ваше Высочество... – Надо ведь что-то сказать. – Мой брат тоже любит музицировать, и у вас мог бы получиться прекрасный дуэт.

– А вы, вы Ваше Высочество, тоже любите музыку? – Голос цесаревича дрожит, не то от волнения, не то от смущения, не то от обеих причин сразу.

– Конечно, я очень люблю музыку (ах, как жаль, что Сандро не умеет играть на фортепьяно!). Скажите, кто автор этих прекрасных стихов?

– Он перед вами, Ваше Высочество. Но разве эти стихи хороши?

– Ах, я никогда бы не подумала. Но кто же та, кому вы посвятили эту песню? Я не слышала имя.

– Она передо мной, Ваше Высочество.

– Вот как? Но ведь вы меня совсем не знаете. Как же вы можете любить, не зная человека?

– Я видел вас на портрете, и, хотя он передает лишь внешнее сходство, мне показалось, что я вижу ангела. А теперь я понимаю, что не ошибся...

Опять те же глаза. Она силилась понять: где, где, во имя всех святых, она уже видела такой взгляд?

– Вы смущаете меня, Ваше Высочество. – Моретта прикрыла лицо веером. – Я не заслужила таких комплиментов.

– Разумеется, Ваше Высочество. Разве ангел может быть доволен тем, как его славят простой человек?

Она зарделась. Неожиданно ей пришло на ум, что Баттенберг не был столь изыскан в своих речах. Теперь ей уже хотелось говорить с цесаревичем, и она вовсе не жалела, что здесь оказался не Сандро.

Рассказывает Олег Таругин

– ...Скажите, Ваше Высочество, – ее голос звучит крайне заинтересованно – добрый знак! – А песни наших композиторов вы знаете?

Вот это влип! Черт его знает, какие там у немцев сейчас композиторы?! Ну не Дитера же Болена ей петь! Да я изо всей немецкой музыки только Вагнера и Шумана знаю... Оп!

– Да, Ваше Высочество. Шумана, например.

И, не дожидаясь ее ответа (еще спросит о каком-нибудь современнике, и будешь выглядеть серым невежей!), я затыгиваю одну из песен цикла «Любовь поэта». Это единственная песня, которую Николай сумел выучить до моего прихода, а я не догадался расширить запас. Вроде нравится. Кажется, пронесло.

Допев до конца, я выжидательно смотрю на нее. А девочка-то «поплыла»! Было бы это в XX веке, еще немного – и можно было бы смело приглашать к себе на рюмку чая и полюбоваться потолком в моей спальне! Теперь главное – не торопить события.

– Ах, Ваше Высочество, как я жалею, что, даже если я приглашу вас в Россию, вы не примете моего приглашения.

– Но почему же, Ваше Высочество? Кстати, называйте меня просто Мореттой – мне будет приятно.

– Охотно, только тогда и вы называйте меня Ники. Ах, Моретта, ведь ваши родители никогда не согласятся, чтобы их дочь, к тому же – чужая невеста, поехала в страну, которую они считают варварской. А мое отечество так прекрасно!

– У вас, наверное, уже лежит снег, Ники?

Так, по географии твердая единица. М-да, не дворянская это наука, география. Извозчики-то на что?

– Что вы, Моретта, сейчас у нас стоит такая же погода, как и в Берлине. Вот чуть позже действительно ударят морозы. Ваше... Моретта, скажите, вы любите охоту?

– Ах, нет! – Она смешно морщит носик. – Стрелять в бедных зверей – это ужасно!

– Да нет, я говорю не об охоте с ружьями. Любите ли вы охоту с собаками?

– Да, да! Это так забавно: скакать по полям, брать барьеры и гнаться за лисой...

– О, Моретта, это только изнеженные англичане травят собаками лис, а мы – мы берем волков и медведей! Ах, если бы вы знали, как это прекрасно, когда под подковами звенит мерзлая земля, заливаясь на разные голоса свора, и ты мчишься вперед, и пронзительный ветер сечет лицо и выдавливает из глаз слезы восторга. И взять волка живьем и бросить его к ногам своей... – Я обдуманно умолкаю.

Проняло! Как бог свят – проняло! Она смотрит на меня с восторгом. Надо продолжать.

– А потом, после охоты, как замечательно увидеть вдали золотой купол церкви, услышать благовест, и радоваться, и смеяться, и сожалеть лишь о том, что не можешь обнять весь этот простор, всю эту ширь, всю бескрайнюю Русь!

– Как прекрасна ваша родина, Ники, – шепчет Моретта заворуженно.

Ну, теперь последний штрих – Баттенберг не слишком богат и вряд ли баловал тебя дорогими подарками. А у нас в резерве – тяжелая артиллерия господина Фаберже!

– Моретта, я должен сказать вам: я люблю вас. Я знаю, что мой удел – несчастная неразделенная любовь, знаю, что ваш избранник – достойный человек, который любит вас и сделает вас счастливой. Но в память о том, что несчастный русский осмелился вас полюбить, я прошу, я умоляю вас принять это.

Моретта разглядывает шевровый футляр, потом открывает его и замирает в немом восхищении. Слава, слава русским ювелирам!

– Это белое золото и эти бриллианты пусть напоминают вам о снегах моей милой родины. А эти рубины, из которых сложено сердечко, пусть цветом своим напомнят вам о той горячей крови, которая готова ради вас излиться вся, до последней капли, из сердца того, кто счастлив одной лишь мыслью о том, что вы иногда вспомните его с состраданием.

Добил! До конца! Теперь уйти, пошатываясь, точно от непосильной ноши. Не оборачиваться, не смей! Вот так, молодец. А теперь – спать, спать, спать. Завтрашний день, полагаю, принесет мне множество хороших новостей.

Интерлюдия⁷

«Железный канцлер» был несколько озадачен просьбой императора явиться «на ковер». Оба они были уже немолодыми людьми – чего уж там, старыми пердунами, ему самому перевалило за семьдесят, а Его Императорское Величество Вилли давно уже разменял восьмой десяток. Ну не то чтобы очень давно, но в таком возрасте, знаете ли, год идет за 10. И вот ничегошеньки на этот день не планировалось – ни визита английского посла (напихать бы ему за спину свежего угля из Эльзаса и отвесить пинка – годы годами, а на один полноценный удар, знаете ли, хватит, для такого дела не жалко), ни нижайших просьб депутатов рейхстага. Может быть, появился кто-то из «бывших» – ну там курфюрст Саксонский какой-нибудь, нижайше просить назад «владения»? Так такому визитеру не упустит случая отвесить пинок Императорское Величество, присутствие канцлера для этого совершенно не требуется.

Все вроде бы в порядке. Обоим великим людям (в отличие от многих идиотов журналистов, Бисмарк вполне искренне считал своего императора великим), вообще говоря, осталась еще масса неподъемной работы – но заниматься ей через несколько лет будут уже другие. А ведь так много осталось сделать. Уговорить этого медведя на договор «перестраховки» – очень важно оторвать русских от Франции. Сделать все, чтобы занять Великобританию внутренними проблемами – ирландцами и шотландцами на острове, бурами в Африке, да мало

⁷ Автор этой Интерлюдии – Иван Дмитриевич Сергиенко.

ли еще кем. Франция, Австрия, Италия, Испания, Балканы... А главное – решить вопрос с наследником Его Величества. Конечно, по вполне достоверным докладам врачей, кронпринцу Фридриху осталось совсем немного, но даже это «немного» может растянуться на несколько лет. Что способен такой болван за несколько лет сделать... о-о-о-о-о, можно перечислять долго и с некоторыми вкраплениями русского – уж бывшему ли послу в Петербурге не знать таких выразительных вкраплений.

– Ваше Величество! – вежливый кивок.

– Проходи, Отто, – ответил слегка дребезжащий голос не по-стариковски подтянутого человека. – Уж извини старика, что потревожил. Хочу посоветоваться с тобой, знаешь ли. Как любитель живописи с любителем живописи...

Вот тут едва ли не впервые за всю жизнь «железный канцлер» оказался по-настоящему ошарашен. В чем в чем, а в пристрастии к живописи будущий герцог Лауэнбург не был замечен самыми проницательными разведками мира. Да и Его Величество... впрочем, иные батальные картины император вполне даже ценил.

И одна такая стояла сейчас прямо перед ним, всего-то в паре-тройке метров. Не дожидаясь официального разрешения – боги Валгаллы, не первое десятилетие изволим здесь появляться, канцлер присел в заботливо установленное недалеко от кайзера кресло. И пригляделся к картине.

Так... поле боя, усеянное телами в форме старой прусской армии времен войны с Наполеоном. Попадаются и другие, но тоже знакомые мундиры – ну как же – русские! Надо думать, не то Прейсиш-Эйлау, не то Фридланд. И скорее, все же Фридланд – вон он, проклятый корсиканец, усталился куда-то с такой рожей, словно живую квакшу лимоном заел.

А усталился он на тяжело раненного офицера. Русский кавалерист, конечно, – правда, не определить, кавалергард, драгун или гусар, больно уж много крови, да мундир изорван. Надо думать, художник и сам не слишком хорошо разобрался в этой понятной любому пруссаку азбуке. И немецкая девушка, склонившаяся над русским, – вытирает ему кровь, со страхом глядит на погибших пруссаков. Эх, не знает художник наших девушек – это какие-нибудь саксонки или гессен-дармштадки будут ужасаться, а пруссачка, перевязав самые опасные раны, деловито метнется к следующему...

– Отто, мне кажется, – старческий голос сбил канцлера с размышлений, – что ты слегка... задумался. Да, этот русский художник хорош. Надо будет потом послать ему какую-нибудь висюльку с бриллиантами, будет полезно. Вдруг да и сподобится на что-то похожее. Итак, как тебе битва под Дрезденом?

Ага, все же не Фридланд. Дрезден. Ну что ж, тоже неплохое было дельце, жаль, что лягушатник все же выиграл. Ничего, ничего, пусть себе, вот глядит он и не знает, что уже скоро будет гнить на своем острове. Кхем, а почему это он глядит на кого-то знакомого? Доннервэттер... все же старею.

– Ты прав, Отто, – теперь голос Его Императорского Величества, первоклассного физиогномиста, приобрел некоторую хитринку, – перед нами – принцесса Виктория фон Гогенцоллерн, наша милая Моретта. Правда, в одеянии простолюдинки, ну да утереть кровь доблестному воину, павшему за Пруссию, и принцессе не зазорно. А не присмотришься ли к помянутому павшему воину?

Лицо-то знакомое, но вот откуда? Проклятая память, сейчас бы лет двадцать долой, да во времена Садовы... А, проклятье, вот откуда! Черт, так ведь и удар может случиться!

– Цесаревич (у Бисмарка впервые получилось выговорить русские «ц» и «ч» настолько чисто) Николай... русский наследник престола...

– Да, Отто, да, – теперь голос императора звучал слегка устало. Видно было, что его при виде картины тоже чуть не хватил удар, и, хотя старика уже ОТПУСТИЛО, все же ручаться не стоило. – Всего лишь картина, всего лишь. Сиди спокойно, – поняв намерение канцлера куда-то

мчаться, срочно выяснять, вставлять фитили и объявлять выговоры, отмахнулся император. – Картину написал русский... хм... Сурикофф. Это, как мне пояснили, их лучший живописец, академик чего-то там, награжденный чем-то – в общем, неважно. Картина написана по личной просьбе наследника. Понимаешь, Отто?

Император любил такие, с позволения сказать, «экзамены». Этот был из самых простых – чего уж тут сложного, это вам не с Горчаковым и Александром II беседовать, только-только начав русский учить.

– Хм... либо наша Виктория и впрямь произвела на парня впечатление (признаться, не припомню, где они могли видаться). Либо пьяный медведь решил вылезти из-под каблука датской стервы. И совсем замечательно – если наследник недвусмысленно намекает, что папа не вечен, а он-то готов дружить. Ну а милая Виктория – это так, требуемый для дружбы аванс.

– Bravo, Отто, – картинно попытался свести ладоши император. И не стал сводить – не в опере, право. – Bravo! Именно эти варианты я и обдумывал. Признаюсь тебе, в третий не слишком верю – уж слишком это хорошо. В первый... да, это самый скверный случай, но и из него пройдохи вроде нас с тобой должны что-то выжать, а? – Невероятно! Его Императорское Величество изволили пошутить! Да даже в памятный день 1871 года... хотя нет, тогда-то император был после церемонии весел, как французский паяц.

– И Ваше Величество...

– Отто, мы не у китайского императора, не разводи церемоний, – отмахнулся кайзер. – Да, я думаю, что кто-то подкинул нашему русскому другу хорошую идею. Или он сам додумался – сильно подозреваю, что этот так называемый миротворец куда умнее, чем кажется.

– Ваше Величество, – тут же перехватил инициативу канцлер. В конце-то концов, именно он занимался государственными делами, а кайзер... кайзер жестом умудренного художника иногда вносил правку. Муху там нарисовать на лбу персонажа картины. Или встретиться и переговорить с монархами соседних держав лично – есть вопросы, которые канцлеры и министры просто не посмеют ставить перед ПЕРСОНАМИ. – Я немедленно... проинструктирую вашего внука. Ведь, если что, не к кронпринцу же пойдет русский наследник? А наш юноша, пожалуй что, будет только рад принять участие. Любовные интриги, письма, шпаги и кони, уносящиеся в ночь. Ну и, конечно же...

– Ты правильно понял, Отто. – Император прикрыл глаза и откинулся на спинку мягкого кресла. Господи, и это человек, который лет десять назад мог по четыре часа выдерживать в седле отнюдь не смирной деревенской кобылы! – У нас мало времени. Мы должны уйти, оставив Николая женатым на немецкой принцессе. И оставив его лучшим другом нашего Вилли. Ступай, Отто. Делай, что сочтешь необходимым, вряд ли я должен знать это в деталях... А я пока посижу, подремлю, подумаю, какой должна быть речь.

– Речь, Ваше Величество? – Вообще-то канцлер уже все понял, но лишний раз польстить кайзеру не помешает. Мол, какое Его Величество проницательное и мудрое.

– Ну да, Отто, неужели не ясно? Эту картину, разумеется, я в первый раз увижу уже во время визита – никто же не знает, что Его Проницательное и Мудрое Величество столько внимания уделяет мелочам. – Бисмарк чуть вздрогнул. Нет, но какие способности к физиогномике... – Старый пердун кайзер, полюбовавшись на присланное ему в подарок творение... этого, как его... в общем – академика, прослезится и разразится длинной речью о братстве оружия, об общей истории, о давних традициях дружбы и добрососедства. И вот после нее наш русский юноша должен сразу попасть в дружеские объятия Вилли. И если он после этого не разговорится – право же, Отто, можешь отвесить мне пинка под зад. Со всей силы, уж как водится между старыми вояками...

Рассказывает Егор Шелихов

А сперва братья в атаманцы не хотели. Мелковат, говорят. Да уж батюшка уломал. Двух телок отдал и шесть овец. И то сказать: братья в гвардии, а я что ж? Так и стал я, Егор Шелихов, казаком лейб-гвардии атаманского полка. Сперва, ясно дело, учили. Ой как учили. Мало не было. Да мне такая наука впрок. Целый год ходил как по струночке, зато потом... Потом – караул в покоях цесаревича. Сперва, конечно, дальний, ну а потом уже и в самые покои попал. Люблю я это дело: стоишь на часах, мундир на тебе – с иголки, шашка – подвысь, когда кто из царской семьи или генерал какой пройдет. Остальное время – неподвижно, вроде как и не ты тут, а болван деревянный. А мимо тебя ну точно мураши все снуют, торопятся куда-то. Девки молодые – красавицы, нашим станичным не чета, тоже спешат, перемигиваются, пересмеиваются. Офицеры торопятся – у цесаревича не забалуешь. Я-то знаю... Пришел он как-то к нам в полк, посмотрел, как лозу рубят, как джигитуют, а потом и спрашивает: есть, мол, кто, донскому бою⁸ обученный? Ну, казаки мнутя, молчат. И то сказать – диво: откуда енто Его Высочество про наш бой наслышан? А он серьезно так: мол, если есть такие молодцы, то, мол, не покажут ли? Ну, меня тут ноги и вынесли. Знаю, стал быть, умею.

Их Высочество посмотрел на меня, кивнул и говорит: нешто один таков есть на весь полк? Ну, тут уж и остальные полезли. Известное дело – вторым выходить завсегда проще, чем первому. Набралось нас человек восемь, цесаревич кивнул и говорит: хватит. Покажите теперь, мол, молодцы-атаманцы, чему ж вы обучены? Показали, ага... и швыряли друг дружку, и караульного снимали, и с пласта вверх кидались. Посмотрел он, значит, посмотрел, а потом и говорит: а что, говорит, молодцы-атаманцы, может, кто со мной попробует? И улыбается. Хорошо так улыбается. Сунулся я было опять вперед, да приказный наш, старый казак Семен Крюков, за плечо меня цап! Стой, говорит, дура, куды? Ишо помнешь Их Высочество, а потом тебя, дурака, в железа да в Сибирь. А цесаревич манит, смеется: что ж вы, молодцы-атаманцы, аль боитесь? Да не бойтесь, говорит, калечить не стану. Мне себя спытать охота...

Вышел тут дядька Крюков, да и говорит: вы, Ваше Амператорско Высочество, не смущайте казаков. Боимся, говорит, только за вас. Как бы вас не помять... А цесаревич ему в ответ: не бойся, казак, а если помнешь меня, так на тебе вины не будет, только на мне, мол. А кто меня одолеет, тому вот – и червонец протягивает. Ну, тут уж сам наш подхорунжий, Подтелков, не стерпел, вышел. Хотел было цесаревича под микитки да наземь, а только не вышло. Вывернулся цесаревич угрем да Подтелкову и в ноги. Тот так кубарем и полетел. А Их Высочество ногой эдак вот махнул и говорит: убил я тебя, подхорунжий, пушай кто другой спробует. Еще двое спробовали, да куды там! Одного он подсеком сбил, а другому так в душу ударил, что тот и встал-то не вдруг. А цесаревич, значить, еще поединщиков зовет.

Как меня ноги вынесли, сам не вспомню. Только встал я перед Их Высочеством, пояс расстегнул, шашку снял и пошел на него. А он, значит, стоит так, покачивается, ждет. Я пригляделся да и смекнул: он же меня на мою же силу словить хочет. Ну, это я ученый, говорю же, что ростом не вышел. А все в драке ловчее меня во всей нашей Затонской станице не было. Начал я его обходить слева, а потом как вправо метнусь! Да ногой-то его и подсек. Он хотел было подпрыгнуть, да поздно уже – по песку катится. Тут я на него и насел. Еле сдержал, однако, так он из-под меня рванулся. Но я его коленом придавил и говорю: Ваше Амператорско Высочество, теперя можно вам и ручки опояской вязать. И встал. Гляжу – он мне руку протягивает: помоги, мол, встать. Я руку протянул, а он прыжком встал, по плечу меня хлопнул и говорит: как звать тебя, молодец? Егором Шелиховым, отвечаю. А что же ты, казак Шелихов,

⁸ Имеется в виду «рукопашный бой пластунов», сложившееся уже к 1840 году боевое искусство, созданное на основе более древнего рукопашного боя «спас».

не по форме одет? Так я ж для драки шашку снял, отвечаю. А цесаревич смеется: нет, говорит, Егор Шелихов, я не про шашку говорю, а про погоны. Ты ж младший урядник, а погоны голые.

Я сперва и не понял, что это он меня чужим чином зовет, а как осознал... Стою, глаза выпучил, улыбаюсь, чисто как дурачок. С третьего раза только разобрал, что мне подсказывают. Рад стараться, Ваше Амператорско Высочество! – ору. А цесаревич мне червонец протягивает: бери, мол, заслужил.

Тем же вечером я всю сотню поил, новый чин праздновал. А назавтра приходит в полк гумага, и прописано в ей, что младший урядник лейб-гвардии атаманского полка Егор Шелихов отряжается в свиту Его Амператорского Высочества. Ординарцем.

Я с той поры при самом цесаревиче и служу. Поутру мы с ним друг дружку по земле валяем, то я его, то он меня. Учимся, стал быть. И так всякий день: праздник – не праздник, а будь любезен. Цесаревич вовсе прост оказался: и за один стол меня с собой сажат, и по имени-отчеству кликат. Через месяц сам позвал фотографию сделать: он сидит, а рядом – адъютант евойный, Пал Карлыч, да другой адъютант – князь Васильчиков, да два ординарца – я и унтер из стрелков, Махаев. Мне и Махаеву велел карточки домой послать, да на каждой и написал: «Спасибо за отличного сына!» – и подписался. Что в станице творилось, когда батюшка такую карточку получил, я даже вообразить не могу.

Иной раз смотрю на цесаревича и мыслю: вот прикажи мне сейчас здесь за тебя умереть – не пожалею живота, хоть сам зарежусь. А уж коли скажет на кого – так, прости Господи, родного батьку не пощажу, самого амператора шашкой располовиню. Только скажи, Твое Высочество, всех поубиваю, никто не спасется...

– Шелихов!

– Я, Ваше Императорское Высочество!

– Вот что, братишка (слово-то какое подыскал – «братишка»!), вот что... Ты здесь как, уже обжился?

– Так точно, Ваше Императорское Высочество!

– А раз обжился – вот тебе письмецо, да снеси-ка его принцессе Виктории. И чтоб одна нога здесь, другая – уже там!

– Мигом, Ваше Императорское Высочество!

Всего-то и делов – верхом на буланого, вихрем пронестись по улице, распугивая городских и прочих казачьим посвистом, да в тот дворец, где вчера цесаревич с ихней немкой амуры разводил. Часовые было штыки сдвинули, но посла, как разобрались в атаманском мундире, позвали начальника караула, офицера. Тот давай чтой-то спрашивать, да ведь не разумею по-германски...

– Мне, вашбродь, до покоев принца Вильгельма надобно. Принц ваш, Виль-гельм! – Вот наказание! Как этим немтырям втолковать?

Однако офицер улыбнулся, дал знак пропустить. Теперь уже на своих двоих, бегом. О, вот она, принцесска-то. Собой не видна, тоща, только глазюки сверкают на пол-лица. Ловко, с полупоклоном письмо протянул, рядом стою. Прочла, аж засветилась вся. Говорит что-то. А, должно, обождасть, просит, пока ответ будет. Постою...

Чего? Я, вашбродь, по-вашенски не разумею. И неча на меня кричать. От глотка лужена – орет и орет. Эка! Да он и по-нашему лаяться умеет! Ага! Щас я тебе и доложил: кем послан, к кому послан... Раз по-нашенски разумеешь, так и в мундирах понимать должен. А я что – спокойненько во фрунт встал и молчу себе, о своем думаю. Э-э! Что это он на принцесску цесаревича мово орать стал? Непорядок. Я осторожненько так плечиком принцесску-то загораживаю и всем своим видом показываю, что в случае чего и заступиться за нее могу. Ишь, разошелся, чирей тебе в горло, да что ж ты так надрываешься? Ушел... Видно, так разозлился, что аж побежал... Чего это мне в руку тычется? А, принцесска письмо ответное сует. И серебряную денежку. Ну, вот этого нам не надобно, чай, не за подачки служим, а за отечество...

Глава 6

Рассказывает Олег Таругин

Следующая неделя прошла в постоянных встречах с Мореттой. Мы вместе гуляли по Берлину, вместе скакали по окрестным паркам, вместе любовались галереей, вместе слушали музыку... Я могу гордиться собой: за семь дней добиться яркой влюбленности этой германской принцессы, весьма избалованной вниманием противоположного пола, задача не из легких! Но вообще-то это была нечестная игра: у меня опыт взрослого мужчины конца XX века, плюс – не самое плохое знание истории. Я помню все, что читал о ее женихе, Баттенберге, и иногда сообщаю о нем гадости, правда, при этом обязательно добавляя, что не верю в них. Но это мелочи. Главное – на моей стороне перспектива занять трон крупнейшей европейской империи, и моя избранница не собирается упускать такую возможность.

Ко всему прочему, Моретта не перестает восхищаться преданностью моих людей. Сегодня с утра Шелихов отнес ей мое любовное письмо и быстро доставил ответ. Но не успел я его прочесть, как ко мне явился кузен Вилли вместе с очаровательным автором. Виктория-Моретта вся так и сияла.

– Ах, Ники, я не устаю поражаться вашей стране. У нас с Баттенбергом (о как! Уже не с «Сандро», а с «Баттенбергом»! Ну-ну...) вышла небольшая размолвка, и князь имел дерзость повысить голос. Так ваш ординарец, этот казак, так на него взглянул, что Баттенберг убежал. И ты знаешь, Ники (а как же: мы уже три дня на «ты»!), ты знаешь, мне показалось, что твой казак готов был убить беднягу за то, что тот осмелился говорить со мной непочтительно...

– Конечно, Моретта. Мои люди преданы мне. У нас, русских, это вообще в крови. Если дружим, то навсегда, если любим – то до смерти.

– Да, Ники, но, когда я протянула ему десять марок, на vodka, он отскочил так, словно я предложила ему змею!

– Но, Моретта, чего бы ты хотела? Он ведь служит мне не за деньги!

– А за что?

Эх, Ваше Высочество. Как же вам, европейцам, растолковать, что такое «за веру, царя и отечество»? Мой Егор искренне верит, что я – и есть отечество...

– Ники, Моретта! Посмотрите! – Голос у будущего кайзера могуч и звонок. Он машет рукой, указывая в сторону прудов.

На водной глади дворцового пруда грациозно плывет пара лебедей. Самец выгибает шею и точно обнимает самочку, которая, с видом заправской светской кокетки, отворачивает голову, прикрываясь крылом, словно веером.

– Разве это не символично? – восхищенно вопрошает мой будущий шурин. – Вы знаете, что лебеди – самые верные супруги?

Моретта замирает в восхищении. Да, конечно, жутко символично. А что, если воспользоваться моментом и попробовать действовать по правилам конца XX века? Приобнимем нашу избранницу, ну, так, слегка... Смотри-ка, ничего, только чуть-чуть плечиками обозначила, эдак удивленно. А может, и за руку позволит взять? Позволила. Так-так, закрепляем успех...

А вот сравнение с лебедями – жаль, что не я это сказал. Хотя, по своей циничности, наверняка бы упомянул о том, что эти гордые птицы здесь с подрезанными крыльями. М-да, пожалуй, надо избавляться от цинизма, а то так ляпнешь что-нибудь не то – не поймут. У них тут и с чувством юмора туго...

– Моретта, Ники... – Судя по выражению лица, Вильгельм явно собирается сказать нечто весьма важное. – Я поговорил с дедом, и он разрешил мне этой зимой поехать в Россию с

ответным визитом. И самое главное, – он хитро улыбается, – кайзер разрешил Моретте ехать вместе со мной!

Кузен Вилли оглядывает нас с таким видом, словно он только что принял капитуляцию французов при Седане. Ладно, ерничать нечего – он впрямь большой молодец. Даже я не ожидал от него такой прыти.

Моретта же просто цветет. Покраснев до самых кончиков ушей, она опускает глаза и срывающимся голосом шепчет брату слова благодарности. Ну, надо и мне свои пять копеек внести.

– Кузен! Родной брат не смог бы сделать для меня большего, чем сделали вы! – Я придаю своему лицу выражение самого искреннего восхищения. – Если когда-нибудь я смогу хоть в малой степени отплатить вам за оказанные мне услуги, то, Вилли, – максимум честности во взгляде и восторга в голосе, – я в тот же момент буду в вашем распоряжении! Но как вам удалось добиться такого чуда?

Вилли глядит именинником. Он долго и с подробностями повествует, как решился просить аудиенции у кайзера, как предварительно говорил с бабушкой, рассказав ей о великой любви между русским цесаревичем и принцессой дома Гогенцоллернов, как они вместе убеждали деда в необходимости помочь молодым влюбленным... Моретта слушает, затаив дыхание. Все-таки здесь, в старом, добром XIX столетии, люди весьма и весьма наивны... Я подавляю невольную улыбку. Мне совершенно ясно, что старый и мудрый кайзер, который всю жизнь ратовал за германо-русский союз, вместе со своим железным канцлером в первый же день нашего пребывания в Берлине просчитали и цель визита, и возможные выгоды, и все ожидаемые сложности. Недаром же кронпринц вместе с супругой были под благовидным предлогом удалены из столицы, а Баттенберг, несмотря на все свои старания, так и не сумел со мной встретиться, ни прилюдно, ни тем более наедине. Хотя о последнем можно только пожалеть: на дуэли я бы наверняка его ухайдакал. И не потому, что я такой великий фехтовальщик, а потому, что у меня свои взгляды на поединки. Клинок клинком, а пневматический пистолет с отравленной иглой – совсем другое дело. Это уже гарантия победы. Не поймите неправильно: я не трус. Но будет неразумно сдохнуть только оттого, что какой-то проходимец научился шпынять стальным дрючком лучше меня. У меня еще не было поединков, но Васильчиков уже освоил свое оружие и готов всадить иголку в любого оппонента по моему выбору...

Однако теперь надо решать, как мне сообщить милым «предкам» о своем выборе. С посольскими мне удалось договориться пока не сообщать в Петербург животрепещущие новости об амурных похождениях наследника престола, а папарацци в те времена еще не существовало. Но по приезде домой все же придется доложить о «проделанной работе». Ну, папеньке, положим, все равно. Я ему «заряженный» штоф поднесу, так он вообще дай бог, чтоб Викторю-Моретту от Виктории-вдовы отличил. А вот с маменькой будут проблемы... Господи ты боже мой, да что ж Дагмара так ненавидит Германию?! Датско-прусская война отгремела двадцать лет назад, да и условия мира были не так уж тяжелы. А она все никак простить не может... Ну да ладно: бог не выдаст – свинья не съест. Авось вспомнит, как любила своего первого жениха, моего рано усопшего дядюшку, проникнется и растает... А не растает, так в Сибирь отправлю, после смерти папаши...

Моретта не поехала проводить меня на вокзал. И правильно: нечего инициировать лишние слухи и домыслы. Уже у нашего салона-вагона Вильгельм крепко берет меня за руку:

– Итак, мой друг, решено: не позднее Рождества мы будем у вас.

– Нашего Рождества, кузен?

– Разумеется, вашего. Было бы просто невозможно уехать из столицы на Рождество. – Он широко улыбается и берет меня за локоть. – Но что я могу вам обещать: за эти три месяца мы все постараемся вышвырнуть этого мерзавца Баттенберга из Берлина, да и с территории Рейха.

Он еще раз широко улыбается, от чего его знаменитые (в будущем) усы топорщатся и воинственно приподнимаются. Эге, если он собирается вышвырнуть Баттенберга, то, значит, помолвка... Нет, какой я все-таки молодец! За три недели решил вопрос, над которым Европа, сколько я помню, билась больше трех лет!

Кузен Вилли радостно сообщает мне, что кайзер рассчитывает на помолвку после Рождества. На его лице светится такое детское счастье, что, плюнув на маскировку, я обнимаюсь с Вильгельмом. Правильно про него было... нет, будет написано: «Последний император был истинным рыцарем, несмотря на несколько взбалмошный характер...» Или не будет написано, а появятся строки, прославляющие гений, благородство и уникальные способности к прозрению третьего (но отнюдь не последнего) императора Второго Рейха.

Вот так, господа исследователи времени. Исправлять теперь мои дела будет ой как непросто: попробуйте-ка разорвать такие отношения! Эдак вы из Вильгельма законченного русофила сделаете. В общем, куда ни кинь – везде клин!..

Под звуки духового оркестра поезд медленно трогается. Я стою у окна и машу рукой Вильгельму, который отдает мне честь. Вот промелькнули здания вокзала, прощай, германская сторона. Так, теперь стоит сесть и все хорошенько обдумать, как будем вести себя дома...

– Ваше Высочество, разрешите?

– Заходите, Павел Карлович, прошу.

Ренненкампф проходит в салон и останавливается передо мной.

– Государь, мы тут с князем посоветовались...

– Постойте, Павел Карлович, как вы меня назвали? – Или я ослышался и принял желаемое за действительное, или... Или мои действия приносят первые плоды?

– Простите, Ваше Высочество... – Ренненкампф смотрит на меня своими прозрачно-серыми глазами прямо и твердо, не отводя взгляд. – Простите, но между собой мы уже давно называем вас «государь». А теперь вот просто как-то само слетело с языка.

Понятно. «Просто слетело с языка» – это здорово. Такой вот изощренный метод подхалимажа. Ну, ладно, надо все-таки узнать, о чем они там советовались...

– Мы тут посоветовались, Ваше Высочество: будет лучше, если вы не сообщите императорской чете, да и всем вашим родственникам о том, что было в Берлине...

Ха, я и сам думал об этом, вот только как это «не сообщать»? Ведь отчет давать все равно придется.

– Как вы себе это представляете, Павел Карлович?

– Все очень просто. – Он чуть понижает голос. – Это не вы ухаживали за принцессой, а я. Или князь.

А в этом что-то есть. Можно попробовать, по крайней мере иметь как запасной вариант. Молодцы.

Интерлюдия

Яркий свет, напряженный гул голосов...

– Итак, я резюмирую: иновременной донор отказывается добровольно покинуть реципиента и предпринимает действия, переводящие бифуркационный узел из разряда второго рода в первый. Попытка войти в контакт с ИД, предпринятая магистром Крупиной, чуть было не привела к гибели последней. Считаю необходимым провести операцию по насильственному возвращению ИД в его временной кластер. Проведение поручаю доктору Фалину и доктору Берштейну...

Глава 7

Рассказывает Олег Таругин

Наше возвращение было легким. Васильчиков действительно мужественно принял на себя обвинения в легкости поведения, но теперь хотя бы надо мной не висит дамокловым мечом попытка заключить союз с «вероятным противником». И то хлеб. А тем временем я получил еще одно очень важное право: теперь я присутствую на заседаниях Государственного и Императорского советов, так сказать, официально. Фактически с правом голоса.

Мой венценосный рара спокойно передал мне часть своих обязанностей. Он лишь поцокнул языком и, стиснув мои плечи, прорычал: «Гляди-ка, Николая, человеком становишься! А я-то думал, ты у меня дурачком удался!» Нельзя сказать, чтобы венценосный алкаш был совсем не прав: прежний Ники был не просто дурачком, а вполне законченным кретином. Последний блаженный в русской церкви. М-да уж, нынешнего вряд ли канонизируют, хотя... неисповедимы пути Господни... а уж церковные – и подавно...

Утро. Рука сунулась под подушку, где, начиная с той памятной ночи Светланиного визита, лежит себе полеживает миленький короткорылый «бульдожка» бельгийской национальности. Так, на всякий пожарный...

Ох, как же неохота вылезать из постели. Вот так бы и проваляться до петропавловской пушки, ощущая задницей мягкость перины. Как не так! Сам этот порядок завел...

– Ваше Высочество! – Грохот каблуков и громкие голоса. – Ваше Высочество, извольте подниматься. Биться пожалуйста.

Это Шелихов с Махаевым явились с утречка пораньше. Ну вот и повалялся. Прыжком выбрасываю себя из постели. После памятного визита Светланочки я, наплевав на все условности, сплю в армейском нижнем белье. Так, рожу ополоснуть, шаровары надеть, сапоги на портянки натянуть. Вот он я, готов, оппоненты дорогие...

Мы в хорошем темпе бегом проносимся по коридорам дворца. А вот и зал для фехтования. На стенах еще висят маски, нагрудники, рапиры, сабли, но на пол уже давно навалены маты. Мягкие сапоги-ичиги, казачьи шаровары и льняная исподняя рубаша – отличная форма для занятий рукопашным боем. Привычно надеваю шлем из кожи – необходимая предосторожность. Не прошло и трех месяцев, как я пугал венценосных родителей замечательно громадным бланшем, поставленным мне услужливым Филей Махаевым. Ну, понеслась...

Махаев пытается достать меня крюком справа. Несмотря на свои невеликие года, в родном Саратове он числился в непобедимых кулачных бойцах. Он меня почти достает, негодяй. Можно бы поаплодировать, но некогда. Перекатом ухожу назад и пытаюсь из положения лежа подсесть ему ноги. Раньше этот фокус проходил на ура, но Шелихов кое-чему подучил своего коллегу, и унтер-стрелок успевает подпрыгнуть. Когда он приземляется, я уже стою на ногах. Н-на! Эх, чуть-чуть не дотянулся... Уй! А вот он – дотянулся. Вот ты ж зараза, как больно своего будущего государя саданул... О-ба! Примите мои уверения в совершеннейшем к вам почтении. Этот удар мне сам Махаев и поставил – полновесный прямой справа. Он как-то задумчиво прикладывается отдохнуть. Нокаут. Что-то я сегодня быстро с ним разделался – придется еще с Шелиховым поспарринговать.

Невысокий Егор катится вокруг меня, как мячик, состоящий из мускулов. Ну-ка, ну-ка, что это ты замыслил, казачья твоя душа? Ага, ты меня, значит, на бросок решил поймать! Так это мы еще будем поглядеть, кто кого поймает... Поглядели, мать твою так! Поймал, зараза! В последний момент поменял направление броска и кинул меня влево, хотя обозначал атаку вправо. Э-эх, все! У него не вырвешься...

– Хорош, Егор, хорош. Сдаюсь! Посмотри, там Махаев не очухался? Филимон, ты живой?

Слабое мычание означает, что унтер-офицер Махаев приходит в себя. Рядом яростно валяют друг дружку Васильчиков и Ренненкампф. Ну, это у них надолго. Странно: Егор с Филимоном не ревнуют меня, напротив – каждый старается показать приятеля в выгодном свете. А вот князь Сергей и Павел Карлович – друзья-то друзья, а до дела дойдет – ревнуют меня хуже, чем Отелло Дездемону. Вот и сейчас каждый старается выйти победителем, ведь я вижу схватку.

Хотя во всех остальных случаях действуют они дружно, так сказать, единым фронтом. К внутреннему, ближнему кругу добавились еще два человека: капитан Хабалов⁹, который не знает, да, надеюсь, никогда и не узнает, что в феврале 1917-го он будет фактически единственным человеком, пытавшимся штыками столичного гарнизона переломить ситуацию, и военноморской адъютант – лейтенант Эссен¹⁰. Этого скоро придется отпустить в академию, но пусть запомнит, что государь у него – я! Именно сейчас Хабалов активно загоняет чуть растерявшегося Эссена в угол зала. Ничего, ничего, Николай Оттович, держитесь! Учитесь выпутываться из сложных боевых ситуаций...

Так, пора заканчивать этот марлезонский балет. Кажется, Ренненкампф стал сдавать, и теперь он становится способен на любые, абсолютно противозаконные действия. Эдак ведь ухлопает еще Васильчикова сгоряча. Или тот его...

– Господа офицеры! – Ох ты! Подскачили, как ошпаренные котятка. – Вольно, вольно! На сегодня достаточно. Пойдемте завтракать, господа.

Вот так. Эта парочка снова не выяснила, кто же из них сильнее. И не выяснит, уж я-то постараюсь. Нечего их в искус вводить.

Мы шагаем по переходам Зимнего дворца. Адъютанты переговариваются, а ординарцы жарко обсуждают перипетии сегодняшней тренировки. Можно пока расслабиться. Что у нас там на сегодня запланировано? Вроде бы к Титову на верфь собирался съездить...

Одно из первых производств, которые мне удалось совершить с помощью «Водки Плюс», было присвоение Петру Акиндиновичу Титову¹¹ чина генерал-майора по флоту. Этот громадный человечище, похожий на былинного Илью Муромца, талантливый судостроитель-самоучка. Я постараюсь его использовать по полной программе. Он у меня еще министром военного кораблестроения станет... Главное сейчас – посоветовать ему прекратить проектирование и постройку рангоутных крейсеров и таранных броненосцев.

⁹ Хабалов Сергей Семенович (1858–1924) – генерал-лейтенант (1910). С 2.10.1903 начальник Московского, с 27.4.1905 – Павловского военного училища. 24.1.1914 назначен военным губернатором, командующим войсками Уральской области и наказным атаманом Уральского казачьего войска. Зарекомендовал себя хорошим администратором и 13.6.1916 был отозван в столицу и назначен главным начальником Петроградского военного округа. С 6.2.1917 командующий войсками Петроградского ВО. 28.2.1917 арестован и заключен в Петропавловскую крепость. В 1919-м уехал на Юг России. 1.3.1920 эвакуировался из Новороссийска в Салоники. Умер в эмиграции.

¹⁰ Эссен Николай Оттович (1860–1915) – адмирал флота (1913). Командир броненосца «Севастополь» при обороне Порт-Артура. В 1909–1915 гг. командующий Балтфлотом. В начале Первой мировой войны по плану Эссена в Финском заливе была создана глубоко эшелонированная оборона, опиравшаяся на минно-артиллерийские позиции, в результате чего силы германского флота в 1914–1916 гг. были скованы.

¹¹ Титов Петр Акиндинович (1843–1894) – русский кораблестроитель-самоучка. Трудовую деятельность начал с 12 лет, работая подручным у отца, паровозного машиниста. В 1859-м поступил в кораблестроительную мастерскую Невского судостроительного завода в Петербурге, где прошел путь от рабочего до корабельного мастера. Руководил строительством фрегата «Генерал-адмирал» (1873), клиперов «Разбойник» (1878), «Вестник» (1880) и др. кораблей. С 1882 г. главный инженер франко-русского завода в Петербурге, где были построены крейсера «Витязь» (1884), «Рында» (1885), броненосцы «Император Николай I» (1889), «Наварин» (1891). Разработал ряд прогрессивных технологических процессов (обработка судостроительной стали, разметка и проковка отверстий в листах, клепка и др.), изобрел кессон для ремонта подводной части корпуса судна без ввода его в док. Под руководством А. Н. Крылова в конце жизни Титов освоил основы математики, сопротивления материалов и теории корабля; разработал проекты броненосных кораблей, получивших в 1892 г. на закрытом конкурсе Морского министерства 1-ю и 2-ю премии.

...В моей комнате нас ждет завтрак. Ну что ж – на семерых даже вроде и не очень много. Яичница аппетитно шипит, копченое мясо в меру солоно, а чай просто изумительно ароматен. Мы все дружно набрасываемся на еду. Это мой порядок: офицеры и унтера – за одним столом. Так надо. Тонняга¹² Ренненкампф сперва морщился, но потом смирился и, по непроверенным данным, иногда завтракает со своим ординарцем. Привычка – хуже болезни...

Мы уже заканчиваем, когда Васильчиков неожиданно меняется в лице. Князь Сергей смотрит на всех оторопелым взглядом, потом хватается руками за голову и трясет ей так, словно пытается оторвать.

– Князь, что с вами? Что случилось?!

Взвыв, он валится на пол, яростно сжимая свои виски. Припадок? Только этого не хватало...

– Филимон, коньяку, живо! Бегом, твою мать!

Мы с Ренненкампфом больно стукаемся лбами, одновременно наклоняясь к Васильчикову. Да что же это?

– Государь! Вот коньяк! – Хабалов, отбросив к чертям и этикет, и секретность, протягивает мне бутылку, которую мгновенно раздобыл где-то Махаев.

– Зубы ему разожмите! Да не ножом, Николай Оттович, ложкой! Вот так... Голову поднимите... – Коньяк янтарной струйкой течет в приоткрытый рот. – Сергей, вы меня слышите?... Слышишь меня, Серега?!

По лицу Васильчикова разливается мертвенная бледность и тут же сменяется лихорадочным румянцем. Он изумленно смотрит на нас и тихо спрашивает:

– А где этот? Ну, который...

– Какой «который», Сергей? – Ренненкампфа просто-таки трясет от переживаний за друга-соперника. – Здесь никого не было.

– Никого, – нестройным хором подтверждают все остальные, включая меня.

Но Васильчиков уже нас не слышит. Он без сознания. Господи, воля Твоя, что это было?..

Интерлюдия

...Яркий, ослепительно яркий свет режет глаза. Так тихо, что, кажется, можно услышать, как бьются сердца собравшихся.

– ...Психоматрица ближайшего окружения ИД изменена настолько, что попытка доктора Берштейна внедриться в одного из потенциальных реципиентов едва не окончилась фатально. Из-за отсутствия резонанса колебаний биологических полей реципиент оказал столь мощное сопротивление, что психоматрица доктора Берштейна едва не была уничтожена. Проверка зондированием психоматриц остальных трех потенциальных реципиентов показала значительные расхождения с имевшимися эталонными образцами. Отдел психосканирования сделал предположение, что внедрение в эти сознания невозможно, по причине невычислимого, спорадического и скачкообразного изменения картины биокослебаний под внешним воздействием цесаревича, узурпированного ИД.

– А что с Берштейном? – Солидный голос, привыкший задавать солидные вопросы.

– Доктор Берштейн в настоящий момент находится в нашей клинике, в блоке интенсивной терапии, – не менее солидный голос, привыкший давать солидные ответы. – В настоящий момент его состояние не внушает опасений, и шансы на то, что психонема восстановится в полном объеме, весьма велики...

...Тем же вечером мы с Васильчиковым сидим в моем кабинете. Он уже отошел от утреннего припадка и теперь пытается объяснить мне, что же, в конце концов, с ним произошло.

¹² Тонняга – задающий тон, законодатель мод и стиля поведения в своем кругу.

– ...И понимаете, государь, я почувствовал себя сразу двумя людьми. Одновременно! – Он понижает голос почти до шепота. – Ничего более странного я не испытывал. Один из этих двоих был я сам, а второй, второй... Понимаете, государь, я был каким-то ученым, что ли... вертятся в голове какие-то странные слова: «Психокарта, инновременной донор, экстремум развития»...

Он удрученно смотрит на меня, глазами больной собаки. Ничего, ничего, князь. Вы не понимаете, зато я все понял. Приходил взвод карателей. Только, похоже, не вышло. Крепость оказалась не по зубам...

Глава 8

Рассказывает Олег Таругин

Вот и Рождество подошло. Императорская фамилия готовится к встрече праздника, в связи с чем активно украшается дворец, с лихорадочной поспешностью шьются бальные платья, новые мундиры, на свет божий извлекаются драгоценности и развязываются мошны для покупки новых... Ну а у меня забот еще больше: ведь мне нужно подготовиться к приезду Вилли и Моретты. Надо подобрать подарки, разработать программу пребывания высоких гостей в России, нейтрализовать маменьку Дагмару, которая все-таки прознала о том, что в Берлине все было не совсем так, как ей было положено. Мамап яростно взвилась на меня, грешного, и целый месяц рассказывала мне о зверствах прусской армии в Дании, о безобразных нравах берлинского двора, о своих святых чувствах к этой «омерзительной нации», которые, по ее мнению, должен испытывать «каждый человек, которому она хоть немного дорога»! Честно говоря, мне до чертиков надоели эти разговоры, но не могу же я, по крайней мере сейчас, сказать ей в лицо, куда ей нужно отправляться со своей пруссофобией! А жаль! Вот бы взглянуть на ее физиономию после примерно такой вот отповеди: «Ваше Императорское Величество! Я сейчас пойду на х..., а вы соблаговолите последовать за мной, только никуда не сворачивайте!» Но мечты мечтами, а делать-то что-то надо. Поэтому я вот уже целый месяц рассказываю ей о своей «неземной любви», взываю к ее материнскому сердцу и привожу кучу идиотских примеров из мировой литературы. Господи Вседержитель, кого я только не призывал на помощь: и Шекспира, и Гомера, и Пушкина, и Шеридана, и Гёте, и даже Сервантеса. Хорошо все-таки, что память у меня неплохая! Постепенно венценосная особа начинает оттаивать, но до решительной победы еще очень и очень далеко. Впрочем, я особенно и не рассчитывал на взаимопонимание в самодержавном семействе: начитаны-с и в курсе об их самодурстве.

Но вот чего я почти совсем не переносу, так это когда маменька начинает привлекать себе в помощь всю камарилью великих князей, княжон и прочую погань. Если императрицу я не могу послать сексуально-пешеходным маршрутом, то с великими князьями у меня разговор короткий: мои адъютанты просто их не пропускают ко мне. А Сергею Михайловичу гвардейские офицеры просто фыркают вслед, и над его визитом в стрелковый батальон императорской фамилии до сих пор хихикает весь Петербург. Сей славный муж приперся на строевые учения и начал рассказывать мне гадости о пруссаках, заодно пытаюсь пополнить мои познания в военном деле. Причем свои советы по тактике и стратегии он подкреплял жутко перевранными цитатами из Клаузевица и Жомини. Моего терпения хватило минут на двадцать, по истечении которых я предложил «милому кузену» пойти и почитать вместо Клаузевица что-нибудь более доступное его пониманию. Азбуку, например, но только чтобы с большими картинками, а то может и не одолеть. Любо-дорого было посмотреть, как «кузен Сереженька» пошел красными пятнами и умчался с глаз долой, точно наскипидаренный. А вечером того же дня меня отчитывал на удивление трезвый венценосец. Он громыхал своим утробным басом, объясняя нера-

зумному чаду о важности родственных связей, но в глазах у него скакали веселые чертики, и потому взыскания никакого я не получил. Даже жаль моего «папашу»: ведь когда трезвый – куда как разумен! Э-эх, водка, водка, сколько ж ты людей стоящих загубила...

Кстати сказать, сам Александр III ничего не имеет против моего брака с принцессой из дома Гогенцоллернов. Его принципиальное согласие я получил даже без помощи «заряженной» водки. Он вполне согласен с тем простым фактом, что союз с Германией имеет смысл всемерно укреплять и поддерживать. А уж если к этому припелась еще и любовь – так и вовсе хорошо. Ведь самодержец действительно без ума от своей супруги и совершенно не может взять в толк: почему это его наследнику нельзя жениться по любви, если это не противоречит интересам государства? Вот только подкаблучник он абсолютный. И раз Марии Федоровне этот брак не по душе, то он будет ругать сына и уговаривать подчиниться матери...

Самое интересное то, что в последний момент выясняется: надвигающийся визит значительно серьезнее, чем предполагалось ранее. Это не просто приезд двух членов правящей фамилии. Куда там! Намечается официальный визит кайзера, канцлера, кронпринца, военного министра. Ну и в числе многочисленных сопровождающих – принц Вильгельм и принцесса Виктория. Так что предпраздничный Питер гудит как растревоженный улей...

Лично у меня не вызывает сомнений, что мудрый старый кайзер в компании со своим канцлером, оценив выгоды от намечающегося союза между принцессой из Гогенцоллернов и наследником российского престола, активно способствуют ему. И когда они выяснили, что у наследника возникли некоторые проблемы, то организовали прибытие на поле боя тяжелой артиллерии, пары танковых армий и тактического ядерного оружия. В своем лице. Но если судить по восторженной телеграмме Вильгельма-младшего, то все это организовал он, ценой беспримерного героизма и титанических усилий.

Я тихо улыбаюсь своим мыслям. Ах, этот прекрасный, наивный XIX век. В нем еще остались рыцари, верящие в прекрасные порывы души. И прекрасные души тоже сохранились...

Рассказывает принцесса Виктория фон Гогенцоллерн (Моретта)

Поезд мерно постукивал колесами, а ее сердце колотилось как сумасшедшее, с такой силой, что казалось, вот-вот вырвется из груди и помчится вперед, обгоняя локомотив. С самого утра она не находила себе места, пытаясь представить: какой она будет, эта долгожданная встреча?

Все те три месяца, которые прошли без Ники, она провела в непрерывных мучениях. Мать, а с ее подачи и отец пытались доказать ей, что любовь к «азиату» просто позорит принцессу Рейха. «В конце концов, если ты разлюбила порядочного и добродетельного Баттенберга, это еще не повод, чтобы связываться с этим «византийцем»! Неужели ты не видишь, что эти русские – просто варвары?! Ты слышала, что твой Ники натворил на одном из приемов?! Он назвал твою бабушку, великую королеву Викторию, старой шлюхой!» Боже мой, мама, можно подумать, что ей есть дело до того, как он кого назвал?! Ее Ники может называть кого угодно и как угодно, но ее это не касается. На Рождество он прислал ей чудный подарок – русский костюм с настоящими *der Kokoschnik* и *der Sarafan*, премило украшенными жемчугом, соболями и золотым шитьем. Когда она появилась в них на маскараде – впечатление было неизгладимое! Дедушка был восхищен, и бабушка тоже. А братец Вилли сказал, что этот костюм – истинное произведение искусства и красота всегда тянется к красоте.

Вот скоро уже замелькают в окне вагона домики петербургского предместья. Вот-вот будет вокзал. Он ждет ее на перроне? Там, конечно, будет официальная встреча, но он – он придет встречать ее?

Нервной походкой она промчалась в салон, откинула крышку рояля и заиграла ту самую песню, что услышала в их первый вечер.

– Что, сестренка, не спокойна? – Вильгельм вошел, грохоча сапогами. – А что мне будет, если я дам тебе что-то очень важное, что должно тебя успокоить?

– Говори, говори! – кинулась она к брату.

Тот засмеялся, обхватил ее своей здоровой рукой, закружил по салону. Она замолотила его в грудь кулачками:

– Говори, говори скорее! Ну что же ты молчишь? Злой!

Вильгельм, хохоча, оторвал ее от себя и вытащил из-за отворота мундира небольшой бумажный конвертик. Она потянулась к нему, но брат ловко убрал руку, словно играя с котенком. Она попыталась схватить, но он снова и снова убирал от нее возжеланный конверт. Наконец, когда она готова была уже разрыдаться, Вилли широким жестом протянул ей конверт:

– Вот, возьми, сестричка, только не надо плакать.

Она лихорадочно пробежала две строки из Гейне:

Сохнут жаркие уста,
В одиночестве тоскуя.

А ниже – приписка: «Я постарел на сто лет, ибо каждый день в разлуке был для меня годом». От записки тонко пахло сиренью. Она прижала письмо к губам, и ей показалось, что бумага еще хранит тепло его рук...

Потом был вокзал в Петербурге, и оркестр, гремющий медью гимны двух держав, и выстроенные шпалерами русские гвардейцы. Дедушка медленно шел вдоль строя, а рядом с ним шагал громадный человек – русский император. За ними тяжело шел отец. В последнее время кронпринц чувствовал себя неважно и постоянно был раздражительным и грубоватым. Но русского наследника рядом с ними не было. Она не поверила своим глазам: неужели он не приехал? Слезы навернулись на глаза против ее воли, но тут же исчезли – к ней торопливо, наплевав на придворный этикет, шел, нет – бежал Ники. Несмотря на холод, он был в одном мундире, и в руках – огромный букет ее любимых чайных роз.

Спешившие позади него адъютанты загородили их от всех, и он просто обнял и даже чуть приподнял ее над землей. В этот момент она поняла, что счастливее ее на земле человека нет...

Рассказывает Олег Таругин

...Я поставил задохнувшуюся от счастья Викторию-Моретту на землю и протянул ей розы. Да уж, похоже, что Вильгельм был прав, когда в 1887-м сказал (вернее, должен был бы сказать, но теперь не скажет никогда), что она просто очень хочет замуж, и все равно за кого, лишь бы подходящего пола. Странно, неужели эта воспитанная немочка действительно так рвалась в брачные узы?

– Ты скучал без меня? – Самый разумный вопрос, который может задать девушка.

– Я не скучал. – Ее лицо вытягивается, глаза широко открываются. – Я просто без тебя был мертвым.

Она расцветает и, видимо тоже забыв обо всех правилах этикета, обнимает меня. Из-за спины слышен страшный шепот Ренненкампа:

– Ваше Высочество! Идите к Их Величеству! Они уже сердятся...

Ага. Венценосец действительно крутит головой, грозно сверкая глазами. Рядом, словно из-под земли, вырастает Победоносцев:

– Ваше Высочество! Я понимаю ваши чувства, но...

Да ладно, ладно, уже иду. Ну вот он я, наследник престола российского, собственной персоной. Я подхожу к кронпринцу.

– Ваше Высочество... – Отдаю ему честь.

Он поворачивается ко мне и чуть наклоняет голову. От этого он становится похожим на больную, нахохленную ворону, которую по какому-то капризу обрядили в синий мундир. Очень светлые, почти бесцветные глаза уставились на меня безо всякого выражения. Хотя нет, выражение есть. Нехорошее такое выражение... Вот ведь зараза! Не можешь никак простить мне доченьку, англофил гребаный? М-да, стоящий был бы кайзер, особенно для меня. Хорошо, что я знаю... Ну что ты уставился на меня, метастаза ходячая? Я единственный здесь, кто знает: кайзером тебе быть чуть более трех месяцев. У тебя уже неоперабельный рак горла, понял ты, колбаса немецкая?

А, вот и мой «сердечный друг», «кузен» Вилли. Стоит чуть поодаль, пытается сделать вид, что ему совершенно неинтересно. А завидует ведь принц Гогенцоллерн. Что делать, друг мой, что делать... Кронпринцем тебе практически не быть. Это я тебе мог бы сказать. Только не скажу. А вот прием на фиг испорчу. Прямо сейчас.

Я подхожу к Вильгельму и протягиваю ему руку. Он стискивает ее в железном рукопожатии. Левой рукой я приобнимаю его за плечо:

– Я чертовски рад, кузен, принимать тебя. Думаю, ты оценишь, насколько русские могут быть благодарны и как умеют принимать своих друзей.

– Здравствуй, кузен! – Его голос дрожит от волнения. Еще бы, чтобы так нарушать все традиции ради него! – Я очень... я тоже чертовски рад тебя видеть!

Краем глаза я вижу, как улыбается старый кайзер. Старикан не слишком любит своего сына, зато души не чает во внуке. Отто фон Бисмарк тоже чуть усмехается в знаменитые усы. А вот батюшка, кажется, недоволен. Правда, по физиономии Александра III почти невозможно судить о его настроении, но все-таки мне сердце вещует – недоволен самодержец, недоволен...

...Вот наконец и закончился встречный парад. Прошли церемониальным маршем преобразенцы, проскакали кавалергарды и лейб-улань, и теперь все вместе рассаживаются по саням. В первых, разумеется, оба императора. Во вторых – наследники. Должны были быть. Вот только я внес кое-какие коррективы в этот план.

Кронпринц Фридрих подошел к саням и уже оперся на руку Васильчикова, чтобы усесться назад, рядом со мной. А вот те шиш! Васильчиков бестрепетной рукой направляет его на переднее сиденье.

– Вашему Высочеству будет удобнее сидеть напротив Его Высочества и видеть его глаза, – поясняет Ренненкампф на своем безупречном немецком.

Вот только Павел Карлович забыл пояснить, что я собираюсь сесть не совсем напротив кронпринца. Поэтому стоит посмотреть на эту ошалелую физиономию, когда напротив него оказывается Моретта. А рядом с ним – «братец Вилли». Фридрих делает попытку вылезти из саней, но не тут-то было! Васильчиков, Хабалов, Шелихов и Махаев уже стоят на полосьях, Ренненкампф и Эссен заняли свои места по бокам от кучера, и я от всей души рываю: «Пошел!» Сани идут быстро и легко, и вот мы уже на заполненных народом улицах.

Я встаю и приветственно машу рукой. Фридрих пытается повторить мой подвиг, но Хабалов, повинаясь условному знаку, толкает кучера в спину. Тот дергает поводья, и Фридрих тяжело рушится обратно на прикрытое медвежьей шкурой сиденье. Вот так, Ваше Высочество, у нас все делается только с моего разрешения.

Улыбнувшись, я предлагаю «братцу Вили» поприветствовать петербуржцев. И вот мы уже стоим, поддерживая друг друга. Так, а сейчас – первый номер нашей программы...

К нашим саням бросается несколько человек. Это студенты, курсистки, рабочие и работницы. И все тянут руки к Вильгельму. У мужчин в руках цветы, а девушки стараются поцеловать принца куда-то под его нафабранные усы. И все дружно выкрикивают здравицы на немецком языке. Разумеется, в его честь. Ого! А глаза-то у него на мокром месте. Он протягивает руки к приветствующим, что-то неразборчиво кричит им в ответ...

– Поразительно, – скрипит Фридрих. – Я никогда бы не подумал, что в вашей стране, Ваше Высочество, так обожают моего сына.

Ну, насчет «обожают» не уверен, но Васильчиков получил задание и с честью его выполнил.

– Ваше Высочество, – мой голос сух, как песок в Сахаре, – мой народ любит меня и готов полюбить моих друзей.

Бац! Вторая оплеуха кронпринцу. Нужно быть крошечным идиотом, чтобы не понять: раз тебя так не приветствуют – ты неходишь в число моих друзей. Но что-то я отвлекся, а ведь сейчас будет второй номер нашей программы...

Рассказывает принцесса Виктория фон Гогенцоллерн (Моретта)

Она сидела в санях, румяная от мороза, и прижималась к плечу Ники. Он нежно придерживал ее за руку, чуть поглаживая, незаметно для остальных. Ей все нравилось: и город, шумящий приветствиями, и быстрый лет саней по заснеженным улицам, и...

Внезапно она увидела, как к ней из толпы бросилась девушка в белой фате поверх легкой шубки. За ней торопился молодой офицер, бежали еще какие-то люди, но она видела только девушку. Та подбежала и протянула ей букетик из белых орхидей.

– Возьмите, Ваше Высочество. Пусть мой свадебный букет сделает вас такой же счастливой, как сделал меня.

Немецкий был плох, но понятен. Словно в забытии она протянула руку, взяла букет.

– Будьте счастливы на русской земле! – крикнула девушка ей вслед.

Она все еще разглядывала букет, когда Вилли откашлялся и произнес:

– Разве это не символично?

Интерлюдия

Ослепительный свет заставлял слезиться глаза, а голоса звучали, точно далекие сирены тревоги.

– Таким образом, проверка комиссии ООН показала, что хотя действия доктора Фалина и магистра Крупиной носили характер преступной халатности, но промежуточный хроноконтакт не являлся заранее запланированным. Хотя, разумеется, наши коллеги должны были насторожиться, встретив аборигена, в одиночку напавшего на шестерых вооруженных противников ради спасения совершенно незнакомых лиц. Наши коллеги, между прочим дипломированные психотерапевты, не приняли во внимание наличие у данного аборигена боевого и руководящего опыта. Их не насторожил тот факт, что абориген самостоятельно пришел к выводу об их иновременном происхождении, совершенно спокойно воспринял их сообщение о хроноконтактах...

– Может быть, хватит лирики? – Низкий глухой голос прервал нервную речь говорящего. – Переходите сразу к существу вопроса, коллега.

– Да-да... Так вот, эксперты из комиссии ЮНЕСКО пришли к выводу, что матрикант проводит целенаправленные планомерные действия по изменению хронокластера реципиента. Судя по отрывочным данным наблюдений...

– Почему «по отрывочным»? – встрял заинтересованный фальцет.

– В связи с утратой группой Фалина мнемотранслятора постоянное наблюдение за действиями матриканта невозможно. А по отрывочным данным можно сделать следующие выводы: матрикант подбирает и подготавливает себе людей, способных в дальнейшем занять ключевые посты в государстве. Подготовка кандидатов ведется с упором на силовые методы решения возникающих задач. ИД также ведет активную подготовку к реформированию вооруженных сил, основываясь на опыте позднейших военных конфликтов и собственном боевом

опыте. Вероятно, он также попытается осуществить научную и техническую революции в России.

– Ну, так уж и революцию. Он что – гений?

– Нет. Но по оценке Фалина и Крупиной, матрикант обладает достаточным запасом знаний для определения круга первоочередных задач и отыскания людей, способных их решить. Уже отмечены его контакты с Менделеевым, Славяновым, Величко и другими ведущими деятелями науки и техники того времени. Особо отмечается опасность того, что матрикант, по видимому, обладает значительным запасом сведений по истории развития науки и техники в период конца XIX – начала XX века. И как отмечают эксперты ООН, уже начали проявляться первые последствия его вмешательства.

– А именно? – Низкий голос заметно взволновался. – Что имеется в виду?

– Коллеги, прошу вас учесть, что информация совершенно секретна. Прошу всех выключить диктофоны и лингверы. На сегодняшний день уже отмечено 32 случая хроноамнезии.

Теперь гул голосов напоминал рев урагана, мчащегося на свое черное дело.

– После неудачной попытки захвата одного из лиц, близких к матриканту, последний провел, хотя и на примитивном, доступном ему уровне, тщательное расследование происшедшего. И что особенно настораживает: матрикант не только сделал верные выводы, но и обучил близких к нему лиц простейшей, но весьма эффективной форме защиты от внедрения психоматрицы...

– И что же нам теперь делать? – выкрикнул кто-то близким к панике голосом.

– Спокойно, коллеги, спокойно! – Председатель собрания дождался, когда в зале наступила настороженная тишина. – Мы, безусловно, продолжим попытки добраться до источника наших бед через реципиентов. Есть одна интересная задумка... Но основной упор будет сделан на другое. Поскольку мы затрудняемся остановить своими методами это безумие, Исполнительный комитет ООН настоятельно, я подчеркиваю, настоятельно рекомендовал нам привлечь к операции специалистов... э-э-э-э... другого профиля!

– Они нам что, десант там предлагают высадить? – снова встрял недовольный бас.

– Возможно, дойдет и до этого! – отрезал председатель, ответом ему был новый взрыв возмущения. Переждав его, председатель продолжил: – С настоящего момента все это дело берет под свой контроль спецпредставитель Генерального секретаря ООН – мистер Роджер Валлентайн. Прошу любить и жаловать!

– С вашего позволения – лорд Валлентайн! – Холодный голос пронесся по залу, словно снежный заряд.

В заднем ряду поднялся высокий плотный мужчина. Неспешно пройдя по проходу к подиуму, он встал рядом с председателем и оглядел примолкшее собрание из-под нахмуренных бровей.

– В связи с критической ситуацией, возникшей по вине вашего института, мне даны полномочия на проведение любых мероприятий, могущих остановить катастрофу, – веско обронил лорд Валлентайн. Зал в третий раз взорвался гулом возмущенных голосов. Невиданное дело – их, ученых, отдают на растерзание какому-то чиновнику, пусть и высокого ранга! Валлентайн мрачно усмехнулся и продолжил, не дожидаясь тишины: – Не беспокойтесь, до допросов третьей степени не дойдет!

После этой шутки (шутки ли?) в зале наступило относительное спокойствие.

– С чего планируете начать, коллега? – вложив максимум сарказма в последнее слово, задал вопрос фальцет.

– С таинственно и бесследно пропавшего мнемотранслятора, – ответил спецпредставитель. – После окончания собрания убедительная просьба подойти ко мне всем членам группы доктора Фалина.

Рассказывает Олег Таругин

Рождественский Санкт-Петербург – это... это... Ну не Куприн я, не Гаршин, не Станюкович и даже не Боборыкин. Потому и описать просто невозможно. Нет слов, чтобы передать эти балы, елки, фейерверки, катание на коньках и тройках. Вся рождественская неделя прокатывается передо мной, как одна большая цветная волна, оглушающая грохотом салютов и оркестров, ослепляющая пестрыми красками балов и маскарадов, вкусно благоухающая пряниками, ананасами и морозцем. И, разумеется, главную роль в этой волне сыграла Моретта. Целых семь дней мы вновь были неразлучны. И да простят меня моралисты запрошлого века, уже на третий день она была готова начать со мной жизнь во грехе. Не размениваясь на всякие мелочи типа помолвки и свадьбы.

Откровенно говоря, ее страсть начинает меня несколько настораживать. Эдак ведь после свадьбы она попробует пришпилить меня к своей юбке, а вот это уж никак не входит в мои планы. Хотя девица и мила и я вовсе не чужд плотских радостей (особенно в новом, молодом теле!), но я ведь здесь не на секс-каникулы остался... Ладно, поживем – увидим.

После попытки «хронокарателей» захватить Васильчикова я предпринял кое-какие меры предосторожности на будущее. Во-первых, Васильчиков тщательнейшим образом описал все симптомы ментального захвата, и каждый из моих близких вызубрил их как Отче наш.

Во-вторых, где-то я читал, что самый простой способ избежать ментального вторжения – занять мозг рутинной, монотонной работой. Я не знаю, можно ли попробовать «оседлать» меня самого – черт их, потомков, знает, а ну как можно вторгнуться и в уже захваченный мозг, но на всякий случай освежил в памяти таблицы Брадиса. А все мои адъютанты и ординарцы в любой момент готовы начать вспоминать все молитвы и строевые песни, какие только знают. Авось поможет.

Кстати сказать, я дал самое простое объяснение происшедшему. Все просто, господа, – это болезнь такая. Ну, что-то вроде лунатизма или помешательства. Мол, болячка эта редкая, но иногда случающаяся чуть ли не эпидемиями. Бойцы проглотили легенду, не задумываясь, и теперь готовы встретить «болезнь» во всеоружии.

Новый год прошел, и царская семья вместе с высокими гостями перебралась из Питера в любимую Александром Гатчину. Я могу только приветствовать этот переезд: в парке много укромных местечек, весьма подходящих как для поцелуев с Мореттой, так и для занятий рукопашным боем.

Как-то раз на наши молодецкие забавы поглядел «кузен Вилли» и тут же загорелся попробовать. И попробовал. Чтобы уравнивать шансы (ха-ха!), я засунул левую руку за ремень, хотя благородный Вильгельм и считал, что это лишнее: ведь он на целых семь лет меня старше, а значит – сильнее. Это пагубное заблуждение покинуло его секунд через восемь, когда его, болезного, вытягивали из сугроба. Эх, собирался же ведь поддаться, да уж больно хорошо он стоял. Рука и ноги сами все сделали, не дожидаясь команд от головы...

К чести Вильгельма, он совершенно не обиделся. Только когда очухался – стал выпрашивать у меня Васильчикова. Или Ренненкампа. Или далее списку. Хоть одного. Чтобы научил. Ну своих, кузен, я тебе, ясен перец, не отдам, но насчет кого-нибудь из казачков – подумаем...

Во время одной из прогулок с Мореттой мы, «совершенно случайно», попались на глаза моей августейшей матушке. Хабалов и Васильчиков наладили контакты с ее фрейлинами и, действуя через них, сумели направить прогуливающуюся императрицу в нужное место.

Матап застала нас в момент жаркого объяснения в обоюдных чувствах. Моретта так очаровательно смутилась, а потом мы оба так слезно умоляли Дагмару о благословении, что она не выдержала. Растаяв окончательно, Мария Федоровна поименовала Моретту дочерью, поцеловала ее и дала согласие на помолвку. Есть! Победа! На радостях я чуть сильнее обычного

приложился вечерком к плодам французской провинции Шампань и встал поутру с больной головой. Но с радостным сердцем...

– ...Ваше Высочество! Пожалуйте к Их Величеству!

Интересно знать: что это моему «папашке» понадобилось от меня в такую рань? Ведь еще и одиннадцати нет. Не терпится поговорить со мной о помолвке? Дату обсудить? Наверное: о чем мне еще с ним разговаривать?

Оставив свою «свиту» за дверями, я прохожу мимо караула дворцовых гренадер в кабинет к царю. Так, похоже, топ рара успел «заправиться» с самого утра. Черняев так и вообще на сомнамбулу похож. Еще бы: телосложением-то он помельче будет, а пить приходится наравне.

Его Величество манит меня к столу.

– Вот что, наследник. Решили мы тебе разрешить с этой немкой обручиться.

Спасибо на добром слове. Знаю я, кто «решил разрешить».

– Благодарю вас, Государь, – я стараюсь выразить максимум радости в голосе. – Вы сделали меня счастливейшим человеком на свете.

– Теперь так, – басит Александр. – Вот, подойди-ка, посмотри, как мы это решили организовать...

Он встает из-за стола, обходит его, показывает на разложенные на нем бумаги. Интересно, интересно: чего это они с пьяных глаз напридумывали?

Я склоняюсь над столом. И в тот же момент оказываюсь словно зажатым в стальные тиски. Одной рукой Александр резко прижимает меня к себе, а другой закрывает рот, не давая издать ни звука. Я делаю попытку вырваться, цепляю его ногой за лодыжку... Тщетно! С тем же успехом я мог бы попробовать выдернуть фонарный столб.

– Скорее! – рычит Александр.

Черняев вытаскивает что-то из стола и идет ко мне. В руках у него... Шприц! Мать вашу! Надо же было так бездарно попасться!

Я изо всех сил начинаю вырываться. Кажется, хватка ослабевает. Ну, ну еще чуть-чуть...

Рука, закрывавшая мне рот, внезапно исчезает, а через миг мне перелетает пудовым кулачком в бок. Ох ты! Меня никогда не били копром для забивания свай, и я не испытываю ни малейшего желания это испытать, но теперь я, кажется, знаю, на что это похоже.

Из меня выбит воздух, я судорожно силюсь вдохнуть, но рука уже снова закрыла мне рот. Черняев совсем рядом... Не-е-ет!

В отчаянии я повисаю в руках «императора» и со всей дури быю «Черняева» обеими ногами в грудь. Того подбрасывает в воздух, и он тяжело рушится на пол, попутно приложившись головой к столу.

От инерции удара качнуло и «Александра». Мне удастся извернуться, и я наношу хлесткий удар расслабленной кистью куда-то назад, мечтая попасть в пах. Если судить по тому, как дернулся нападающий, я попал. А ну-ка еще...

После четвертой попытки рука, зажимающая мне рот, слабеет. Я резко дергаю головой. Ура! Рот свободен!

– Ко мне! Помо... – Конец фразы комкается вторым ударом «копра».

«Черняев», должно быть, получил преизрядно, потому что лежит совершенно неподвижно. Шприц выпал из его руки и теперь валяется возле стола. Туда-то и волочит меня «Александр», пытаюсь, видимо, закончить все в одиночку...

За дверью грохает выстрел, затем дверь с треском распаивается, и в нее влетает медвежья шапка дворцового гвардейца. Через мгновение за ней следует ее обладатель, с выпученными глазами на окровавленном лице. Он мешком налетает на «императора», чуть не сбивая нас обоих с ног. А следом в кабинет врывается моя банда.

– Назад! – рявкает «Александр» грозно. – Прочь!

С полгода тому назад это, может быть, и сработало бы, но с тех пор многое изменилось. Ренненкампф, не говоря худого слова, нацеливает «смит и вессон» прямо в лоб «самодержца».

– Руки вверх! Буду стрелять! – сообщает он таким голосом, что совершенно очевидно: это не шутка.

А вот интересно: если «Александр» сейчас свернет мне шею, а мои орлы его за это пристрелят – во что все это выльется, с исторической точки зрения?

Хронокаратель не собирается меня отпускать, но, видимо, если его здесь убьют, то в будущем у него тоже возникнут некоторые неприятности. Пат.

Да нет, не пат. Краем глаза я вижу, как Шелихов осторожненько смещается в сторону. Давай, милый, давай, родной...

Они кидаются вперед все вдруг. Эссен взмахивает кортиком, и я чувствую, что руки, сжимавшие меня, слабеют. Звучит несколько глухих ударов. Свобода!

Я моментально откатываюсь в сторону, вскакиваю на ноги. Ого! Досталось императору по самое не могу. Голова в крови (рукоять револьвера Ренненкампфа подозрительно сверкает красным лаком), рука пропорота (кортик Эссена тоже в крови), мундир разорван (в руках у Егора и Филимона куски сукна). Но это еще не конец. Ну ладно Шелихов с Махаевым, но адъютанты-то, адъютанты! Цвет русского дворянства яростно месит ногами упавшего царя. Э-э! Вы что творите? Он же сейчас от «геморроидальных коликов»¹³ скончается!

– Отставить! Прекратить!

Они поворачиваются на мой голос «все вдруг». Затем кидаются ко мне:

– Государь! Вы живы!

– Государь, вы не пострадали?

– Батюшка, твое величество, цел ты?

Я кое-как успокаиваю своих спасителей. А в коридоре уже слышен топот ног, крики, команды.

Мои парни мгновенно смыкаются вокруг меня. Картина маслом: на полу лежит окровавленный всероссийский самодержец, возле стола – его адъютант с пробитой башкой, в центре кабинета стоит расхристаный цесаревич, вокруг которого ошметинились револьверами Ренненкампф, Васильчиков и Хабалов, и выставили вперед кортик, шашку и бегут¹⁴ Эссен, Шелихов и Махаев соответственно.

Я лихорадочно соображаю. Если сейчас сюда ворвутся люди – быть беде. Быть большой беде! Эта шестерка рассуждать не станет. Если уж они на царя руку подняли, то остальных... Да они их в мелкую сечку покрошат!

– Быстро! Дверь закрыть! Тела из коридора убрать! Хабалов, Махаев: делайте что хотите, но чтобы четверть часа сюда никто не входил! Хоть дворец поджигайте!

Я подхожу и нагибаюсь к Александру. Ну, жить, похоже, будет, вот только интересно бы знать: кем? Это вообще Александр или внедренец? Вот сейчас как очухается да как обвинит меня с моими ребятами в попытке переворота. Вот будет номер! Может, его и в самом деле... того?

– Государь, – негромко произносит Васильчиков, – позвольте нам закончить. Пожалуйста...

– Все равно не будет проку от сумасшедшего на троне, – добавляет Ренненкампф. – Государь, вы молоды, вы умны, при вас Россия расцветет...

– Царь-батюшка... – Господи, и Шелихов туда же! – Дозволь. Я его легонько, он и не почувствует даже.

¹³ От этой «болезни» скончался, по официальной версии, Петр III.

¹⁴ Кривой кинжал. С 1907 года состоял на вооружении русской армии под наименованием «кинжал кривой солдатский обр. 1907 года».

Эссен молчит, но по его лицу видно, что с предыдущими ораторами он согласен на все сто. Э, э, э!

– Николай Оттович, не надо отдавать Егору кортик. Ради бога, подождите. Видите, он приходит в себя...

Александр медленно поднимает голову.

– Это что было? – интересуется он своим утробным басом.

Ну, судя по его реакции, он – это он.

– А это вы, батюшка, меня убить решили, – холодно роняю я. – Черняева вон, убили, за то что за меня заступился, гренадера своего – тоже. Спасибо моим ребятам, что отбили...

Он тупо смотрит вокруг. Вид разгромленного кабинета приводит его в состояние ступора. За дверью шумят голоса, Хабалов рывкает что-то грозное, и голоса стихают. Я не расслышал точно, что он сказал собравшимся за дверями, но готов присягнуть, что в его короткой, но содержательной речи присутствовало слово «стрелять».

Император медленно встает на ноги. Его пошатывает (еще бы: рукоятью револьвера – по башке!). Он тяжело поворачивается ко мне. Мои парни теснее смыкаются вокруг меня. Ну, что скажете, Ваше Величество?

– Колька, – голос срывается и дрожит. Мамочка, да у него слезы! – Колька. Ты прости меня, дурака пьяного. Господом Богом клянусь: ничего не помню. Как отрезало...

У него трясутся губы. Он нерешительно протягивает ко мне руки, и мне вдруг становится нестерпимо жалко этого огромного, нескладного человека. Он совершенно не похож на моего покойного отца, но все отцы все равно чем-то похожи...

Я раздвигаю своих защитников и подхожу к нему. Прижимаюсь к его груди, обнимаю. Как своего отца...

– Батюшка. Простите и вы меня...

Он неуклюже гладит меня по голове, сильно прижимает к себе. Но теперь это совсем другая сила.

– Отрекусь, – шепчет он мне на ухо. – Вот женим тебя – и отрекусь. Только смотри, Колька, водки не пей. Вон она что делает... Черняева...

Внезапно он всхлипывает и начинает заваливаться на бок. Мы подхватываем его и кое-как доводим до кресла. Александр тяжело рушится в него и тихо, беззвучно рыдает. Видно только, как вздрагивают могучие плечи.

Пора уходить отсюда. К императору нужно прислать супругу и врачей. А мне... Мне просто тяжело здесь оставаться.

На пороге кабинета я оглядываюсь. Человек-гора съезжился в кресле и чуть заметно покачивается. Острая жалость снова полосует сердце. Теперь он остался совсем один. Надо к нему поласковее, жалко его. Царь-то он был не из последних...

Из сожженного письма ЕИВ Александра III ЕИВ Марии Федоровне

Моя милая душка Минни, собственная моя маленькая жена!

Прошу у тебя прощения за то, что был невежлив по отношению к тебе, когда вы были рядом со мной после произошедшего ужасного случая. Я вообще не люблю, да и не умею передавать свои душевные мысли и думы, но, помня советы Перовского¹⁵, решил изложить на бумаге то, что вырывается само из души.

Тогда мне было необходимо побыть одному, обдумать со мной произошедшее, решить для себя, как быть дальше. Вы суетились рядом со мной, задавали вопросы. Ты отирала кровь с моей головы. Милейший наш доктор измерял температуру и ставил примочки. А я молчал или

¹⁵ Перовский Борис Алексеевич (1815–1881) – граф, генерал-адъютант, начальник Корпуса путей сообщения (1858–1860), наставник старших сыновей Александра II, в том числе Александра III.

отговаривался, что совершенно ничего не могу вспомнить. Когда ушел доктор, а ты осталась рядом со мной, желая провести ночь вместе, я просил тебя уйти, невзирая на твою обиду, которую я прочитал в твоих глазах. Мне больно смотреть, как ты, расстроенная, поджав рот, отправилась в свои покои. В голове все шло кругом, разобраться нельзя было в этом омуте, и друг друга нам было не понять!

...Я помнил все произошедшее в кабинете до мельчайшей подробности, но ни с кем не собирался делиться этим знанием.

Позавтракав с Черняевым, я собирался заняться бумагами, вдруг в голове словно помутилось, как бывает от близкого разрыва гранаты. Тело больше не подчинялось мне, боком соскользнув со стула, я упал на пол, почувствовав сотрясение, но ни малейшей боли. В следующее мгновение я обнаружил себя встающим на ноги. Ощущение тела не возвращалось, я видел смещающуюся из стороны в сторону обстановку кабинета, но не мог направить взгляд хоть на что-то по своему желанию.

Неясные мне мысли, быстрые и холодные, угрями скользили у меня в голове.

*The fixation of psychomatrix in the recipient's consciousness*¹⁶.

Я не успевал понимать, что происходит со мной. Перед глазами возникла моя собственная ладонь и сжалась в кулак до хруста в костяшках. Затем я увидел, что зачем-то приподнял стол и поставил его на место.

*Yes, he is a bear!*¹⁷

Чужая мысль прошелестела в голове.

«Пс-с-с-ст!» Я услышал звук и понял, что издал его сам, помимо воли.

– Doc! Call your bloody defector! Quick!¹⁸ – снова услышал я из своих уст. Передо мной, растерянно оглаживая ладонями свое платье, стоял Черняев. И обращался я именно к нему. – We've got no time!¹⁹

*Don't twitch, big guy. I've got you already, and will get your damn sonny as easily!*²⁰ – очередная чужая мысль резанула мозг.

Яростной гневной вспышкой я на секунду смог поднять руку к лицу. И подумал душевной молитвой отогнать беса, вселившегося в меня, но, начав молиться, вместо просветления, я ощутил темноту, накатывающую на меня со всех сторон.

*Pray. Drink your vodka from the saucer, Russian bear, and get into your den. Your lot should know your place!*²¹ – голос в голове явно издевался надо мной.

Из всех сил я воззвал к Господу!

*He's had it. This damn son of a bitch won't help you beat the rap. I'll wring from him the bastard that decided to change everything!*²²

Багровый мрак скрыл от меня свет...

...Ты знаешь мое отношение к тем смутным временам, начавшимся после смерти горячо любимой Мама²³. Вся грязь, все дрянное вылезло тогда наружу и поглотило все светлое, все

¹⁶ Фиксация психоматрицы в сознании реципиента (англ.).

¹⁷ Да, действительно медведь (англ.).

¹⁸ Доктор, быстро зовите вашего чертова невозвращенца (англ.).

¹⁹ У нас мало времени! (англ.).

²⁰ Не дергайся, большой парень. Я уже скрутил тебя, а позже, так же легко, скручу твоего чертова сыночка (англ.).

²¹ Молись. Пей свою водку из блюдца, русский медведь, и полезай к себе в берлогу. Вы все должны знать свое место (англ.).

²² Ну, вот и спекся. Чертов сукин сын не вытащит вас за уши из вашего болота. Я сам вышибу из него ублюдка, решившего все изменить (англ.).

²³ Мама – мать Александра III, императрица Мария Александровна (1824–1880) – урожденная Максимилиана-Вильгельмина-Августа-Мария, принцесса Гессен-Дармштадтская, дочь Людвига II, Великого Герцога Гессенского, при крещении в православие получила имя Мария Александровна.

святое! Ангел-хранитель улетел, и все пошло кругом, чем дальше, тем хуже, и наконец увенчалось этим страшным, кошмарным и непостижимым.

Если есть что доброе, хорошее и честное во мне, то этим я обязан единственно нашей дорогой милой Мама. Она постоянно нами занималась, своим примером и глубоко христианской верою приучила нас любить и понимать христианскую веру, как она сама понимала. Благодаря Мама́ мы, все братья и Мари, сделались истинными христианами и полюбили и веру и церковь. Сто раз прав митрополит Платон, говоря, раз есть Бог, значит, есть и Дьявол. Даже тогда, находясь в этой багровой и ватной темноте, лишенный контроля за своим телом, я ни на секунду не усомнился в истинном свете слова Господня. Искренне молясь и не впадая в отчаяние, я старался отогнать демона, захватившего меня. Демона, думавшего по-английски, на языке врагов давних и подлых. Теперь мне был понятен успех, сопутствовавший им во многих делах, не имеющий объяснения с точки зрения рациональной. Ясно, что они, боясь потерять жизнь, что ждет их души кроме адовой серы, страшатся воевать против нас напрямую, выставив перед собой союзников или другие страны. У России союзников в этой войне просто нет. Как поздно мне явилось понимание многих обманов, произошедших с нами! Подействовала ли моя горячая молитва, явилось чудо Господне, или по другой причине, но наваждение отступило. Первым пришло ощущение боли, и я был рад ему, как солнечному лучу. В ушах били колокола, приподняв голову, я неожиданно увидел перед собой взъерошенного Ники, вглядывающегося мне в лицо, и офицеров его «малого двора»...

...После твоего ухода я долго сидел на кровати, потом просил подать закусить и пил чай, больше я даже думать не хочу о водке или вине. Именно через водку и вино, я думаю, бесы нашли ключик ко мне. Ужасно было тяжело и грустно. Спать я не мог совершенно, чувствовал себя совершенно разбитым морально.

Мне совершенно не с кем было посоветоваться или даже поговорить о произошедшем. Только с Мама и Никсой я мог быть так откровенным. Сколько бывало разговоров самых разнообразных, душевных; всегда Мама выслушивала спокойно, давала время все высказать и всегда находила что ответить, успокоить, побранить или одобрить. Папа²⁴ я очень любил и уважал, но он по роду своих занятий и заваленный работой не мог столько со мной заниматься, как милая, дорогая Мама́. Всем, всем я обязан Мама́ – и моим характером, и тем, что есть! Кроме Мама́, только один человек имел влияние на мою жизнь и характер – это дорогой брат и друг Никса, все остальные только мелькали перед моими глазами и умом, и ничего меня не останавливало обратить на них внимание. Но увы, сейчас их нет, этих единственно дорогих мне людей: Мама́ и Никсы.

Милая душка Минни, как мало я сам уделяю внимания нашим детям, уже выросшим и встающим на взрослый путь, и как боюсь я их потерять. Бесы целили в Ники, посчитав его опасным для себя, они ведь чуть не убили мальчика моими собственными руками!

Надо что-то решать с этими несносными британцами, ведь они уже окружили нас своими «интересами» со всех сторон, действительно как медведя в берлоге. Ничтожная нация, обманом правящая миллионами людей разных народов на всех континентах. Может быть, не все они в союзе с Врагом, должны остаться чистые души среди них, не поддавшиеся искушению, но об уступках и отсрочках в борьбе с ними мы должны забыть. Всякий человек с сердцем не может желать войны, а всякий правитель, которому Богом вверен народ, должен принимать все меры, для того чтобы избегать ужасов войны. Сейчас выбора нет, мы срочно должны готовить все силы, с одной только определенной целью, иначе о нас не останется воспоминания.

Вечером подходил начальник дворцовой охраны, докладывал, что во флигеле собрались лейб-гвардейские офицеры разных полков, и о том, что к ним вышел Ники. Начальник охраны просил разрешения задержать всех собравшихся сию минуту. Получив мой отказ и не пони-

²⁴ Папа – император Александр II.

мая мою апатию, он был крайне огорчен, сказав, что я собираюсь повторить печальную судьбу несчастного Павла Петровича. Мне пришлось настоять на своем и категорически запретить предпринимать какие-либо действия. Отнюдь не фатализм двигал мною. Я подумал, что государь, подверженный влиянию бесов, не имеет права оставаться на троне, и Царь Небесный должен рассудить его, ибо все только в его руках.

Эти мысли успокоили меня, утром будет виднее, все встанет на свои места, сейчас мой горячо любимый сын и наследник *проходит* самое большое испытание в своей жизни. Его выбор многое определит, жаль, что возмужание приходит к нему так рано.

Я помолился, попросив Бога помочь Ники.

Потом, поев простокваши, лег спать, так же хорошо и мирно я спал в палатке под Рошук-ком²⁵...

Глава 9

Рассказывает Олег Таругин

Вечером того же дня я оказался на импровизированном военном совете. Васильчиков и Ренненкампф собрали всю «партию цесаревича». Я как-то все не удосуживался подсчитать, сколько же людей приняли, так сказать, «мою руку». Оказалось, куда как немало!

На совете присутствовали все офицеры Императорской Фамилии стрелкового батальона, разве что без командира, тоже – от лейб-гвардии Финляндского полка, шефом которого я являюсь, половина офицеров лейб-гвардии атаманского полка с десятком выборных казаков и почти весь состав офицеров лейб-гвардии конно-гренадерского полка. Кроме этих полков, рядышком пристроились с полдесятка флотских офицеров, под руководством Макарова и Эссена, несколько лейб-артиллеристов, трое лейб-егерей, столько же – от Гродненского лейб-гвардии гусарского, двое из лейб-гвардии конного полка и, к моему неописуемому изумлению, по пять человек из Павловского и Николаевского юнкерских училищ и трое офицеров из кадетского корпуса.

...Флигель «Поленица» наполнен серьезными, насупленными людьми в военной форме. Когда Хабалов вводит меня внутрь, по жару и по табачному дыму я понимаю: беседа здесь идет уже не первый час. И первое, что я слышу, это конец яростной филиппики кого-то из конных гренадер:

– Кавалергардов мы из казарм не выпустим. Караулы снимем, у дверей встанем, штыки на изготовку – сами не сунутся. Синих кирасир тоже возьмем. С лейб-жандармами мы договорились, они лейб-уланский полк заблокируют...

– Не много ль на себя берете? – усмехается рослый, плечистый есаул-атаманец. – Как у вас легко все получается, господин ротмистр: снимем, заблокируем, не сунутся... А ну как сунутся, рискнут? Синие кирасиры и кавалергарды вас ведь на шнурочки раздергают. Мы на себя лейб-конвой возьмем. Предлагать им нечего: они верные. Кончим всех разом, и баста!

– А лейб-гусаров кто возьмет? И лейб-драгун?

Ренненкампф подается вперед, собираясь ответить, но замечает меня:

– Господа офицеры!

Все головы одновременно поворачиваются ко мне. Офицеры замирают по стойке «смирно».

– Здравствуйте, господа!

В уши грохает слитное:

²⁵ Будущий император Александр III командовал Рошукским отрядом во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

– Здравия желаем, Ваше Императорское Величество!

Вот так. Ну что, господин Таругин, «ваше высочество», вот и пора вам решать. Здесь не декабристы собрались, это, скорее, будущие лейб-кампанцы. Вас просто собираются посадить на трон... И очень не вовремя! Мне еще кучу дел надо переделать, а станешь государем – прощай куча, здравствуйте ежедневные обязанности...

А может быть, так и надо? Ведь эти офицеры вовсе не восторженные пацаны! И в глазах у них не восторженные мечты о «прекрасном, новом мире», а самая что ни на есть простая надежда – надежда на то, что новый царь хоть и молод, но окажется лучше предыдущего. Правда, все они относительно молоды и, само собой, не хотят жить под рукой «миротворца». Им подавай ордена, выслугу, чины... А то, что за это придется рискнуть шкурой, так «наше дело стрелять и помирать, а в кого и за что – господин полковник знает!». Они прямо сейчас готовы принять под команду полки и дивизии и рвануть вперед, сокрушая все на пути, пока не остановит пуля-дура или штык-молодец...

Да что это я, в самом деле? Совсем рехнулся? Да если я сейчас взойду на престол – беды не миновать! Во-первых, все мои милые дядюшки и кузены кинутся оттирать меня от власти, надеясь урвать побольше при регентстве. Во-вторых, мои англофобские взгляды известны, и у меня есть все шансы получить из заботливых рук британских агентов яд в кофе или адскую машину в карету. У них там в Форин-офис²⁶ людишки не даром свой пудинг лопают. В-третьих, все придется делать открыто, а я, честно говоря, опасаясь такой открытости. Вокруг совсем не так уж мало толковых умов, которые смогут разобраться, что к чему. И повторить в любимом «фатерланде» или «мазерлэнде». А тогда – тогда все будет куда как хуже, чем мне бы хотелось...

– Вот что, господа. – Я стараюсь подобрать слова так, чтобы, с одной стороны, не допустить готовящегося переворота, а с другой – не обидеть присутствующих. – Не поймите меня неправильно, но я не хочу. По двум причинам.

Все замирают в ожидании.

– Господа. Я не могу понять, с чего вы решили, что меня привлекают лавры Александра Павловича? Отцеубийство – тяжкий грех, и мне вовсе не улыбается брать его на душу.

Молчание становится гнетущим.

– Я хочу сказать вам, что никогда не забуду вашей преданности и верности. Даже не будучи императором, я найду способ выразить вам, господа, свое благоволение. Но я очень прошу вас, друзья мои: пощадите моего несчастного отца!

Мне удастся почти идеально симитировать срывающийся голос. Заговорщики в растерянности. Те, что помоложе, опускают головы, те, что постарше, мрачнеют взглядами. Видимо, им и в голову не могло прийти, что цесаревич откажется от престола из сыновней любви...

– Ваше Величество! Разрешите? – Давешний конно-гренадер встает передо мной. – Штабс-ротмистр Гревс²⁷. Поверьте, Ваше Величество: мы готовы предпринять все необходимые предосторожности, чтобы сохранить жизнь вашего отца.

Вполне возможно, что этот парень говорит искренне. Ну прямо так и рисуется эдакая идиллическая картина: собственный конвой добровольно сложил оружие, дворцовые гренадеры дружно салютуют в последний раз низложенному императору и в первый – новому. И отправляется бывший император разводить помидоры в деревне. Или по грибы ходить. Тишь, гладь да божья благодать... Но как-то сразу встала перед глазами другая картина...

...Желтые каменистые дороги, обжигающий ветер, отчаянный, беспросветный ужас. Война в Афганистане зацепила меня самым краешком. Я влетел в завершающий этап этой уродской войны, последнего позорища великой империи. Отделался сравнительно легко, но

²⁶ Министерство иностранных дел Великобритании. В те годы занималось и внешней разведкой.

²⁷ В 1900–1910 гг. командир лейб-гвардии конно-гренадерского полка.

даже здесь нет-нет да и подскочит на постели облитый холодным потом нынешний «наследник престола российского» с рвущимся из распяленного рта криком: «Духи! Духи справа!»

...Эта операция должна была привести к ликвидации банды какого-то курбаши. Как его звали – режьте меня на части – не помню! Вылетело. А может, и не удосужились сказать – у нас в армии младшим сержантам последние оперативные сводки не докладывали. Но операцию эту я запомнил навсегда.

Замысел был, в принципе, прост и незатейлив как мычание. «Т-72», пара бээмпэшек и десяток пустых грузовиков имитируют грузовую колонну. Душманы, ясен день, на нее нападут, польстившись на легкую добычу, тут из-за холмов появится кавалерия в виде роты вэдэвэшников при вертолетной поддержке, и все – можно вертеть дырочки для орденов.

В один из грузовиков-приманок я и был посажен в качестве водителя. Причем наш капитан Остапенко (царствие ему небесное, хороший был мужик!), понимая, что мы все участвуем в ловле на живца в качестве последнего, уверил нас, что опасности почти никакой нет и что для нашей безопасности приняты все мыслимые и немыслимые меры. Затем сам залез в один из грузовиков, и мы поехали...

Оказывается, бензовоз, даже если пустой, от очереди из пулемета взрывается почище любой бомбы. И рад бы забыть, да не получается: я лежу выброшенный взрывом из кабины на обочине дороги, а прямо передо мной лезет из пылающей кабины задушевный дружок Федька Хилько, родом из города со смешным именем Урюпинск. Лезет, да так и не может вылезти. А рядышком валяется голова того, кто еще пять минут тому назад был бравым капитаном... Ну, да это я отвлекся...

– Вот что, штаб-ротмистр! Если вы действительно решили присягать мне как императору и самодержцу, – а вот тут в голосе и металл не повредит, – то советую запомнить: мои приказы не обсуждаются, а выполняются!

Ох ты! Проняло! Похоже, так и следовало с самого начала. Это до них доходит, это они понять могут. Приказ есть приказ. Наше дело военное.

– Хочу еще раз отметить, господа, что даже и не предполагал, сколько есть людей, заслуживающих моего безграничного, абсолютного доверия.

Я обхожу весь флигель и каждому пожимаю руку. Что-то я запамятовал: сколько там рукопожатий было в книге рекордов? А вроде не испортил я впечатления о себе. Вон как глазами сверкают: еще бы – друзья будущего императора...

Из переписки ЕИВ Александра III и ЕИВ Марии (урожденной Дагмары)²⁸

Моя милая душка Минни!

Ужасно скучаю без тебя. Как жаль, что ты вместе с Ксенией²⁹ из-за ее болезни не можешь сопровождать нас сейчас, но дела требуют присутствия здесь.

Утром были доклады, приезжал Гирс³⁰, он замечательно поправился и не слаб. Завтракал с ним и Сергеем Михайловичем³¹, а потом приехал Сандро³², и они втроем отправились осматривать военную картинную галерею Зимнего дворца. Занимался бумагами до половины второго пополудни, затем отправился в манеж, давать смотр новобранцам.

²⁸ Автор фрагмента – Сергей Плетнев.

²⁹ Романова Ксения Александровна (1875–1960) – дочь Александра III и Марии Федоровны, великая княжна.

³⁰ Гирс Николай Карлович (1820–1895) – государственный деятель, дипломат, с 1882 г. министр иностранных дел. Сторонник укрепления связей с Германией.

³¹ Романов Сергей Михайлович (1869–1918) – великий князь, двоюродный брат Александра III.

³² Романов Александр Михайлович (1866–1933) – великий князь, двоюродный брат Александра III.

Погода отвратительная, утром только 2 градуса, туман и мокрый снег, а потом весь день дождь и темнота, просто уныние наводит, чистый сплин³³.

Закуска в 8 часов вдвоем с Ники, он теперь приходит ко мне всегда со своими «мамелюками», и они ждут его за дверьми. Последнее время Ники часто бывает мрачен, наверно, сохнет по своей немке. Дела молодости, не от этого ли он ищет занятий, чтоб отвлечься от душевного томления.

После рассказа о том, что твой любезный рара³⁴ во время прошлогодней поездки в милую Данию предлагал купить о-ва Св. Фомы, Св. Иоанна и Св. Креста, Ники пришел в страшную ажитацию³⁵. Уговаривал меня их обязательно приобрести, лез со штофом «особо очищенной», настаивал на их важности для флота нашей страны. Я ведь и сам не далек от понимания нужд нашего флота и использования его в крейсерской войне. Вместе с Победоносцевым³⁶ начинали такое важное дело, как создание Добровольного флота³⁷, и преуспели в нем. Считаю, придется отказать в этой затее. Не нужны нам острова в Вест-Индии³⁸, не удержать нам их, да и денег будут стоить изрядно.

Как мне странно жить теперь снова в Зимнем дворце, из которого я выехал 20 лет назад, проживши в нем со дня моего рождения 21 год до самой нашей свадьбы. Боже, сколько времени прошло, а воспоминания столь же свежи, и грусть вся та же. Что за перемены произошли в связи с гибелью любимого Папа, и какая страшная ответственность свалилась на мои плечи, и вместе с тем решилась дальнейшая моя судьба и счастье всей моей семейной жизни!

Спальню я себе устроил в маленькой угловой комнате, там уютно и хорошо. Ники живет в твоих комнатах.

Вот пока и все, завтра снова буду писать. Обнимаю тебя, милая душка Минни, крепко целую и благословляю.

Поцелуй от меня Ксению и Ольгу³⁹. Христос с вами, мои душки!

Навсегда твой друг Саша

Мой милый дорогой ангел моего сердца Саша!

Я очень тронута твоим письмом и тем, что при всей занятости в поездке ты все же смог найти минуту и написать мне. Здесь так грустно без тебя, и я хочу поблагодарить тебя за то, что ты мне написал, спасибо. Спасибо! Ты даже не представляешь, мой милый Саша, какой бальзам ты вылил мне на мою опечаленную душу, потому что мне было ужасно видеть, как ты уезжал! Я верю и надеюсь, что так больше не произойдет и ты не будешь уезжать без меня никогда. Это так страшно, дом сразу изменился и стал пустым и грустным. Мои глаза все время полны слез, когда я вспоминаю, как ты собирался к отъезду.

³³ Сплин (устар.) – угнетенное, подавленное состояние; уныние, хандра.

³⁴ Отец императрицы Марии Федоровны – король Дании Кристиан IX (1818–1906).

³⁵ Ажитация (фр. agitation) (разг. устар.) – возбужденное состояние, волнение.

³⁶ Победоносцев Константин Петрович (1827–1907) – государственный деятель, ученый-правовед. Преподавал законоведение и право наследникам престола (будущим императорам Александру III и Николаю II). В 1880–1905 гг. – обер-прокурор Синода. Играл значительную роль в определении правительственной политики в области просвещения, в национальном вопросе и др.

³⁷ Добровольный флот (Доброфлот) – морское судоходное общество, основанное на добровольные пожертвования в 1878 году. Д. ф. – учреждение некоммерческое, всю получаемую им выгоду употреблял на покупку новых пароходов, имея при этом в виду возможную их службу как военных крейсеров. На случай войны Добровольный флот являлся, таким образом, действительным резервом как судов транспортных, так и военных крейсеров. Во время Русско-японской войны суда Добровольного флота обеспечивали деятельность 2-й Тихоокеанской эскадры, а также помогали досматривать суда нейтральных государств. Во время Первой мировой войны суда Доброфлота опять были мобилизованы.

³⁸ Вест-Индия (англ. West Indies, букв. – Зап. Индия) – общее название островов Атлантического океана между материками Сев. и Юж. Америка. Включает острова: Багамские, Б. Антильские, М. Антильские и др. Большая часть островов открыта во время плаваний Х. Колумба (1492–1502) – ошибочно принявшего их за часть Индии. В отличие от Индии (Ост-Индия), эти острова позже стали называть Вест-Индией.

³⁹ Романова Ольга Александровна (1882–1960) – дочь Александра III и Марии Федоровны, великая княжна.

Потом даже Ольга забежала к тебе в комнату и крикнула: «Чай! Чай!» – увидев, что тебя нет, расплакалась, а Гукки, маленький черный песик, все время искал тебя на прогулке.

Мы больше не ходили к твоему маленькому домику у пруда с детьми, ни у кого нет желания туда идти, раз тебя нет.

Сегодня уезжает Георгий⁴⁰, у него тоже очень несчастный вид, Саша, можешь представить себе мое отчаяние и огорчение, разделить со мной мою боль, понять ее и утешить меня! К счастью, к обеду никого не назначено. Проводив, мы вернемся с Мишкиным и Ольгой от вокзала и пообедаем одни в семейном кругу.

Ольга будет спать в моей комнате, эта комната стала слишком пустой и грустной без тебя!

Что делать, старшие дети растут, и им становится тесно рядом с родителями, но никто не ожидал, что это произойдет так скоро. Мы были очень близки с Ники, и как он мгновенно переменялся сейчас! Даже в осанке и походке. Он стал ходить по дворцу, как будто ожидая нападения дикого зверя каждую минуту. Стал очень резок, а иногда возмутительно дерзок в разговоре. Наши обычные совместные завтраки ушли навсегда, он давно уже завтракает отдельно вместе со своими казаками и «малым двором». Раньше он был очень близок с Георгием, но сейчас он сильно отстранился. Мое сердце разрывается, у него поменялись даже глаза! Он словно постарел душой после тех известных событий.

Прошу тебя, будь с ним мягок, обереги его всей душой, он терзается и страдает не только из-за своей злополучной любви. А большей частью из-за той вашей... размолвки. Хотя Моретта, кажется, действительно любит его, а это должно помочь. Ради сына я готова принять ее как дочь. Даст Господь, все поправится со временем! Итак, до свидания. Целую тебя от всего сердца, мой дорогой и горячо любимый Саша.

Твоя горячо любящая Минни

Моя милая душка Минни!

С большой радостью получил от тебя письмо, твои теплые слова очень ободрили меня, как благодарен я тебе, что ты не забываешь обо мне ни на минуту. Благодарю тоже душку Ксению за письмо. Мне очень не хватает вас, но надеюсь, что скоро снова мы встретимся, хоть ожидание этой встречи и терзает меня.

У нас все по-прежнему. Утром выходил во внутренний двор, взяв в дворницкой лопату, чистил снег, долго гулял перед завтраком.

Завтракали вместе с Алексеем⁴¹, Ники и Вышнеградским⁴². Колька не успокоился после моего категоричного отказа в приобретении островов, я писал тебе об этом в предыдущем письме. Решив, что дело лишь в финансах, подошел ко мне с тетрадью, в которой содержался значительный расчет по денежной стороне дела и крайне любопытный проект. И откуда у него берутся такие идеи? Ты знаешь, что я с досадой отношусь к излишним тратам. Как сложно складывается бюджет! Только на отмене подушной подати мы потеряли 70 млн ежегодно!

Так вкратце Ники предложил разрешить торговым и каботажным судам, принадлежащим иностранным владельцам, не имеющим ни одного нашего подданного на борту, регистрироваться и ходить под флагом Великого княжества Финляндского, платя в казну отчисления и налоги, которые существенно ниже, чем у нас самих и у других морских государств. Наблюдать за этим делом, собирать сборы и вести учет должны представители наших миссий и консульств, а их развелось изрядно. Со временем на помощь им должны прийти специальные морские торговые агенты. Вышнеградский говорит, что дело интересное и обещающее. Ему сейчас трудно, возможно, из-за этого он хватается за каждую соломинку в вопросе получения

⁴⁰ Романов Георгий Александрович (1871–1899) – сын Александра III и Марии Федоровны, великий князь.

⁴¹ Романов Алексей Александрович (1850–1908) – великий князь, брат Александра III.

⁴² Вышнеградский Иван Алексеевич (1831–1895) – профессор, инженер, коммерсант, ученый в области механики, управляющий Министерством финансов (1887) – министр финансов (1888–1892).

казенного дохода. В бюджет В.к. Финляндского планируется отправлять не более 1/10 от всех сборов.

Не просто дело обстоит и с чухонцами, многое из ранее заведенного придется менять коренным образом. Нельзя терпеть внутреннюю финляндскую таможенную, облагающую пошлиной товар из внутренних областей России, ведение дел на шведском языке и многие другие устоявшиеся от начала века явления.

Победоносцев жаловался, что пасторы мешают добровольным пожеланиям эстов и чухонцев креститься в православие. Заставляют выдерживать полугодовой срок испытания (так было заведено еще при дедушке у литовцев), а за это время страшат и угнетают, иных арендаторов сгоняют с земли, батраков просто гонят взащей с работ, остальных грозят не хоронить на освященной земле при ближних храмах, а за изгородью.

Милейший Waldemar⁴³ писал мне письмо о том, что в Дании и Швеции вышел мерзкий пасквиль, в котором некий профессор объяснял это несуразное устройство «особенным государственным статусом» Финляндии! Не знаю, писал ли он тебе, что был недавно прооперирован от чирья в горле, от которого ужасно страдал.

Моя дорогая душка Минни, ты часто просишь меня быть добрее к чухонцам, но заслуживают ли они твоего драгоценного внимания?

Перемены должны прийти в установившиеся там порядки. Нужен умный и деятельный человек на назначение генерал-губернатором, умеющий поступать осторожно, чтоб не наломать дров.

Ты спросишь, почему затея Ники касалась этой неуживчивой земли? Я задал такой же вопрос. Ники ответил, что не хочет ломать «сложившуюся налоговую конструкцию», чем заслужил одобрение Вышнеградского (каботажный флот Финляндии невелик, приписанных судов мало), и считает, что не стоит измазывать наш торговый флаг неустройствами, которые могут выйти из-за дурных чужих кораблей и капитанов. А в В. к. Финляндском, по его словам, «надо все менять, пока эта чухна совсем не оборзела в своем болоте» (в последнее время Ники стал употреблять много непонятных слов).

К моему удивлению, Алексею понравилась эта идея, хотя касается его заведования не в полной мере. В разговоре он поднял вопрос об обороне островов и угольной станции, на что Ники ответил, что хватит крейсеров, которые постоянно стоят с визитами на рейдах в САСШ, и миноносков и орудий из особого запаса. Услышав об особом запасе, Алексей поперхнулся чаем и сильно покраснел. Кажется, он подумал, что я рассказал об этом Ники. Но это не так, мальчик осведомлен обо многом способами мне непонятными. А иной раз, оговариваясь, он говорит о дне будущем с уверенностью, как о дне прошедшем. Но ты напрасно беспокоишься, что Ники переменялся ко мне после того случая. Наоборот, мне кажется, что он стал относиться ко мне более душевно. Теперь он постоянно ходит ко мне со своими прожеками, и в большинстве своем я его планы одобряю. Сейчас Ники активно готовится к отъезду в путешествие по миру.

Много думаю об этом, милая Минни.

Теперь пора кончать письмо. Еще раз благодарю тебя за письмо.

До свидания, моя милая душка Минни. От всего любящего сердца обнимаю тебя. Целую Ксению, Мишу и Ольгу. Христос с вами, мои души.

Твой верный друг Саша

⁴³ Waldemar (Вальдемар) (1858–1939) – датский принц, младший брат Марии Федоровны.

Глава 10

Рассказывает Олег Таругин

Моретта уехала в конце февраля. Не могу сказать, что она мне не нравится, но... это, пожалуй, даже хорошо, что она уехала. А то я ничего с ней не успеваю. Она с милой непосредственностью съедает три четверти моего времени, которое тратится на поцелуи, бесконечное «Любишь? Люблю!», томные вздохи, прогулки и прочее. Помолвка уже состоялась? Ну так и хватит. Мне работать надо.

Бурное прощание на вокзале, потом долгое махание платком вслед, и – здравствуй, свобода! Ну, правда, свобода – понятие относительное...

Два месяца я активно вожусь с полками, чьи офицеры проявили верность во время подготовки «январского путча». Первым в списке идет конно-гренадерский полк. Злые языки именуют его «лейб-гвардии конно-похоронным». В принципе правильно. Мундиры черные, кони черные, приборный металл серебро – так куда ж их, кроме как на похороны?

Вот только читал я когда-то статейку под многообещающим названием: «Конные гренадеры – спецназ королей». И в соответствии с этой статьей решил признаться с нынешними потомками королевских спецназовцев. Ничего-ничего, получается недурно. Недавний конно-похоронный полк лихо скачет рассыпным строем, уверенно осваивает азы диверсионного дела, изучает работу с пироксилином, динамитом и мелинитом. Плюс к тому: маскировка на местности, снайперское дело (спасибо братцу Вилли – прислал двадцать телескопов!), разведка – самое необходимое, на уровне курса молодого бойца. Хоть бы и так, все одно – лучше, чем ничего...

Затем на повестке дня Менделеев с работами по взрывчатым веществам, их компонентам и порохам. Предложил ему поработать с алюминиевой пудрой. Вроде вял. Теперь так: Горловский завод меня не устраивает – на хрена с французами делиться технологией? Ярославль. Как бы еще уговорить Дмитрия свет Ивановича переехать в этот город на Волге и принять на себя работу по этому заводу. Даром, что ли, он потом будет носить имя Менделеева? А тут еще и Зелинский тоже вроде как не озадачен. Да еще работы по кораблестроению (ведь не строить же «Рюрик» рангоутным крейсером!), и подумать о бронепоездах, и побеседовать с Константиновым о новых артиллерийских системах...

Что интересно – мой «папенька», после того случая с покушением, совсем перестал пить. И ведет себя во всех делах гораздо рассудительней. С одной стороны, я иной раз жалею, что не могу решить какой-нибудь вопрос, просто угостив императора «балтийским коктейлем»⁴⁴, но все имеет и светлую сторону – большинство моих проектов Александр теперь рассматривает зело внимательно. И даже дает дельные комментарии и поправки.

В общем, работы на меня свалилось столько, что я в какой-то момент даже пожалел об отсутствии нареченной. Но впрочем, разлука оказалась недолгой...

В июне месяце мои венценосные родители надумали отправить меня в кругосветное путешествие. Типа мир посмотреть и себя показать. И вот Министерство иностранных дел начало активно разрабатывать маршрут моего путешествия. Их первый вариант поверг меня в состояние устойчивого ступора. Нет, это они здорово придумали, начать поездку с... Великобритании. Интересно, а что, там уже забыли о «лучшем украшении Лондона»? Боюсь, что нет...

⁴⁴ Именно так именовали водку с кокаином балтийские «братишки» в незабвенном 1917 году.

Второй вариант оказался тоже, мягко говоря, гениальным. Ну и что я, по мнению мудрых министерских, должен два месяца во Франции делать? Коньяк дегустировать или французенок? Озверев от такой заботы, я в конце концов решил взять выбор маршрута в свои руки, поручив мидовцам только детальную проработку и утрясание деталей.

И вот мы уже движемся в путь. Мы – это расширившийся в последнее время круг адъютантов и телохранителей. Адъютантов добавилось еще семь человек, включая незабвенного конного гренадера Гревса, а Шелихов и Махаев прошерстили свои части и подобрали еще по десятку «верных людишек». Несмотря на дикий шок в дворцовом ведомстве, со мной в поездку не отправился ни один из этих «министров, камергеров, писцов, секретарей, герольдов, курьеров» и прочей бесполезной шушеры. Нечего дармоедов по заграницам таскать!

Первым пунктом на нашем маршруте стала Швеция. Прием в Стокгольме, парады, балы – все как обычно. Правда, вот съездили на железные заводы, да и оружейные не пропустили, но – увы – не оказалось ничего интересного. Пудлинговые печи, конвертеров видел всего два, прокатных станов нет и в помине. В общем, все как везде в 80-х годах XIX столетия...

Единственным светлым пятном в этой стране была встреча с Эдвардом Григом. Мы без всякой помпы закатились к нему на виллу «Тролльхауген» и весьма мило с ним посидели, пообщались. Великий норвежский композитор оказался вовсе не дурак выпить, хотя, конечно, с гвардейскими офицерами ему было не тягаться. Короче говоря, когда мы, изрядно покачиваясь, заносили невменяемого Хабалова в карету, творец прекрасной музыки пребывал в состоянии полной прострации и уже не только не помнил где он, но и кто он. Но, как выяснилось в дальнейшем, этой встречи он так и не забыл, и перед самым моим отъездом нам принесли тетрадку, озаглавленную «Славяне и викинги». Шесть вполне симпатичных мелодий, хотя, если верить им, в прежней истории между нашими народами ничего, кроме совместных пьянок, и не происходило...

Следующим номером нашей программы стала Дания. Ох, мама моя, датчанка! Сколько ж у меня родственников! Ей-ей, как собак нерезаных. И самое главное – голь перекатная! Тут же любезный дедушка Кристиан IX, бабушка Луиза и их многочисленные отпрыски стали буквально выклянчивать у меня деньги. Будь оно все трижды неладно! Пришлось-таки пожертвовать «милым родственничкам» десять тысяч рублей. А ведь в Дании было необходимо задержаться на целый месяц: Николай Оттович со товарищи добывали в Королевском датском флоте военные лоции Каттегата и Скагеррака и налаживали соответствующие связи. Кильский канал штука, конечно, хорошая, но все-таки... Мало ли что может случиться...

Но все на свете приходит к завершению. И вот наконец-то: прощай, унылая Дания, – здравствуй, моя Германия! При пересечении границы я продекламировал это вслух, и теперь Шелихов с Махаевым утвердились в мысли, что я еще и поэт!

Прямо на платформе нас встречают Вилли с супругой и раскрасневшаяся Моретта. Ну вот, началось... Первые две недели у меня ничего не получается, кроме большой любви с моей невестой (только платонической, разумеется! А то ведь придется и ее с собой брать!). Потом становится вроде бы полегче: и к Круппу удалось съездить, и в Рур, на угольные копи, и с Сименсом и Хальске пообщаться. Кое о чем даже и договорились. Крупп, к примеру, готов приступить к постройке завода у нас на Урале. Магнитку я ему, ясен день, не отдам, а вот в районе старых казенных заводов пусть порезвится. Там руда – гематит чистейший, так что сталь будет – мое почтение! И Сименс с Хальске готовы нам уже трамваи в крупных городах пускать. Для начала: Питер, Москва, Харьков, Нижний – потом: Одесса, Киев, Казань, Владивосток, Севастополь. Дальше – посмотрим. Главное, что эти ребята готовы до 90 % оборудования и механизмов производить в России, для чего и наладят соответствующее производство. Ну-с, поживем, попробуем, так?

Однако за более чем трехмесячное пребывание в Германии я столкнулся и с некоторыми странностями. Несмотря на все свои старания, я не сумел разыскать ни Майбаха⁴⁵ ни Даймлера⁴⁶. Вот это фокус, блин! Куда эти технические гении подевались? Все, что удалось узнать, так это то, что эта «сладкая парочка» еще в 1885 году за каким-то чертом поперлась в Россию и там затерялась на бескрайних просторах. Правда, информация весьма смутная, да и, честно говоря, не верю я в такие чудеса! Ну кому, кому они могли понадобиться у нас?! Там ведь и промышленности-то подходящей нет! В какой-то момент я было испугался, что уважаемые хронокаратели решили просто и без затей повыбить всех известных ученых и инженеров, чтобы поставить меня в невыгодные условия. Но потом сообразил, что эдак они историю поменяют еще почище моего. Может, они и вправду когда-то ездили в Россию⁴⁷? Я ж их биографии не очень знаю...

Самым сильным впечатлением в Германии для всей моей оравы было посещение Байрейтского театра, где мы слушали «Кольцо Нибелунгов». Э-эх, жаль, что Вагнер уже скончался. Был бы жив – умер бы от перепоя на банкете, который мы закатили бы в его честь! Какой все-таки восторг – услышать гениальную музыку в том виде, в котором ее и задумал создатель. Эти вагнеровские трубы, которые специально сконструировали для его опер, этот огромный оркестр, этот амфитеатр с изумительной акустикой – поистине это сказка – настоящая волшебная сказка!

Когда в «Золоте Рейна» в финале оркестр взревел на всю свою мощь – видит небо, я думал, Моретта сломает мне пальцы! Она с такой силой стиснула мою ладонь, что изрядно поранилась своим же собственным кольцом. Ну и мне, соответственно, досталось... А все же великий композитор – Вагнер. Махаев аж слезы утирал в момент гибели Зигфрида. Шелихова тоже пробрало. Да, воздействие музыки на дикие умы – это что-то!..

Ровно через полгода после Рейха я оказываюсь в Северо-Американских Соединенных Штатах. За эти полгода я со своей верной свитой успеваю посетить Австро-Венгрию, Италию, Испанию, Грецию, Сербию, Болгарию и Черногорию. Все было не так уж плохо, хотя не обошлось и без эксцессов...

Собственно, после Германской империи наш вояж по Европе пошел несколько наперекосяк. Началось все, разумеется, в двуединой монархии. Кой черт меня дернул отправиться на Сокольский съезд?! Чехи-то пьют еще похлеще нашего, и, само собой, мы надрались до посинения. Я практически не помню, что было после первой половины съезда, но наутро явившийся заниматься рукопашным боем Шелихов любезно проинформировал меня о том, что «дал ты им вчера, государь!». Что именно и кому я дал, он был не в состоянии объяснить, а только глуповато улыбался и все повторял как заклинание: «Так им, батюшка, и надо, мордам нерусским! Так им и надо!» Поднятые по тревоге адъютанты тоже не смогли внести ясность в события вчерашнего дня, пребывая в состоянии, близком к коматозному.

Все разъяснилось, когда в мои апартаменты заскреблись чиновники российского консульства в Праге. Оказалось, что, будучи изумительно нетрезвым, я умудрился произнести перед соколами речь, которую вполне можно трактовать как призыв к «чешским братьям» переходить в русское подданство, поднять открытый мятеж против их законного императора и даже вроде бы обещал им помощь, причем не только поставками оружия, снаряжения и деньгами, но (вот ужас-то!) даже намекал на непременною вооруженную интервенцию! М-да

⁴⁵ Вильгельм Карл Майбах (09.02.1846—29.12.1929) – немецкий конструктор и промышленник.

⁴⁶ Готтлиб Вильгельм Даймлер (17.03.1834—06.03.1900) – немецкий конструктор и промышленник.

⁴⁷ Готтлиб Даймлер действительно посещал Россию. Из Дейтца он выехал 30 сентября 1881 года. Затем его маршрут пролегал через Берлин в Москву, отсюда в Санкт-Петербург, Ригу, Нижний Новгород и снова в Москву, затем опять Нижний Новгород, Тула, Харьков и Одесса. В Дейтц он возвращается 15 декабря 1881 года. Впечатления от поездки огромны. Неожиданно для себя в России он увидел индустриальную деятельность, «о которой на Западе почти ничего не знали или, во всяком случае, имели совершенно неверные представления. Здесь все так и рвется к техническому прогрессу».

уж! Теперь у наших дипломатов единственная задача: как не допустить распространения этой информации по всей Австро-Венгрии. А то ведь, не ровен час, Их Императорское Высочество Цесаревич может и не успеть выбраться из гостеприимных пределов соседней державы. Прямо тут и порешат...

Дабы не искушать судьбу, мы рванули прочь из империи черного орла назад в Германию, затратив на сборы не более получаса. И уже оттуда, бочком и околицей, отправились в Италию через Швейцарию.

В Женеве обзавелись отменными часами, а я еще искал каких-нибудь прашуров швейцарских армейских складников. И, представьте себе, нашел. Между прочим, совершенно такие же, как и привычные мне ножи XX века. Разве что рукоятки не пластмассовые, а костяные. Ну да это даже лучше. В руках не скользит...

В Италии посетили верфи Специи. Хорошие верфи. Посетили Ла-Скала. Хороший Ла-Скала... Посетили Ватикан. Хороший Ватикан... На улице Неаполя я привел своих спутников в восторг, познакопив их с пищей. Тонняга и сноб Ренненкампп обнаружил, что «сие блюдо, государь, куда как оригинально», а простодушный Махаев, сыто рыгнув, сообщил, что «эта лепешка супротив селянки лучше!». Зато от спагетти с полипами моих ординарцев чуть не затощило, да и адъютанты сочли, что уже чересчур. Ну-с, само собой, родные блины да лапша милее...

Хотел было отыскать Маркони и набить ему морду, да потом подумал да и плюнул. Охота руки марать. Ничего, если все пойдет так, как задумывалось, – про этого «Макарони» никто и не вспомнит.

Из Италии мы скорым маршем направились в Грецию к нашим единоверцам. Там мы поболтались по историческим руинам, приложились к ручке патриарха, отметились на балу у греческого короля и поприсутствовали на цирковом представлении, именуемом «парад греческой армии». Ха-ха. После достославного парада, на котором мне была продемонстрирована «несокрушимая мощь победоносной греческой армии», я был вынужден обсуждать перспективы русско-греческого военного союза. Какие они все-таки занятные, братья-единоверцы! Сдается, что греки всерьез полагают себя настоящим великим государством. Охохонюшки, уж эти мне маленькие народы...

Впрочем, в Греции мне понравилось. Во-первых, в своей прошлой жизни я так и не удостоился там побывать, а во-вторых... Во-вторых, я свел там очень полезное в будущем знакомство. Будущий граф Корфский Георг. Тот самый, который в реальной истории спас непутевого Николая от самурайского меча охреневшего японского полицейского...

Кузен?! Безумно рад видеть вас на нашей земле. Надеюсь, что хоть в малой степени удастся отплатить за то гостеприимство, которое ваш венценосный отец оказывал нам в России!

Навстречу мне широкими шагами шел, нет, почти бежал высокий, симпатичный паренек, лет... хм-м, паренек... Да он лет на пять постарше Николая будет! Парень между тем подбежал ко мне, искренне и хорошо улыбаясь, обнял:

– А вы возмужали, кузен! Недаром наши придворные дамы уже неделю обсуждали ваш приезд.

– Благодарю вас, кузен. Я тоже очень рад нашей встрече.

Интересно, а когда Александр приезжал к своему российскому тезке? Пес его знает. Но раз уж мы так дружны, надо что-нибудь изобразить эдакое...

– Я частенько вспоминал вас, кузен...

Он улыбается:

– Я полагаю, вы вспоминали мои уроки фехтования, которые вас так интересовали.

Ну вот и все встало на свои места. Очевидно, маленький цесаревич с восторгом наблюдал, как более взрослого Георга Греческого обучали фехтованию, втайне мечтая, что когда-нибудь и он сам...

– Я слышал, кузен, что мой учитель фехтования давал после и вам уроки.

Вот это новость! Значит, Николай обучался у того же самого... Интересно, а как его зовут? Или звали?

– Может быть, – глаза-то у него как заблестели, – попробуем друг против друга?

Ты это чего задумал, морда твоя греческая? Лично у меня по спортивному фехтованию твердый ноль, но вот если попробовать... Ну давай, рискнем, что ли...

Рискнул, твою мать! Не успела начаться схватка, а у меня уже два укола пропущено! Наверное, мне это только кажется, но я готов поклясться, что вижу, как весело блещут под маской глаза у этого греческого уб... стоп! Не заводись! Ну вот, я же говорил: не заводись! Еще один укол!

Клинок свистит у самого лица. Главное сейчас – не слушать, что орут мне в простоте душевной Махаев и Шелихов. Вот будет номер, если я их послушаюсь...

Ноги Георга внезапно взлетают вверх, причем обе сразу, а сам он воспаряет над полом. Шпага с печальным звоном падает где-то в дальнем углу фехтовального зала, а ее хозяин рушится вниз с тяжелым стуком набитого картофелем мешка. Маску с греческого принца снесло, и теперь он сидит, ошарашенный, на паркете, мучительно пытаясь понять: что это было?

– Простите, кузен. Видит бог, я совершенно рефлекторно сделал этот прием...

Черта с два «рефлекторно»! Это ж мне господин Эссен насоветовал. Орал Николай Оттович, что твой колокол громкого боя на броненосце: «Ногой его, государь! Под клинок перека- том и ногой!» Ну я так и сделал...

Георг поднимается с трудом, точно проверяя: все ли у него цело после замечательного поединка с русским цесаревичем. Затем медленно, с растяжкой произносит:

– Знаете, кузен... – А глаза-то, глаза! Злющие – аж жуть! – Я наслышан о ваших... м-м-м... занятиях, но не ожидал, что сам невольно приму в них участие.

Честно говоря, я почти смущен. Ну действительно, зря я этого паренька так-то уж... Будущий граф меж тем продолжает:

– Правда, я догадываюсь, что подобные... м-м-м... познания понадобились вам после печальных событий с вашим отцом. Я, к сожалению, наслышан о том, что Его Величество... м-м-м... страдает некоторыми... выпадениями памяти, во время которых он, так сказать... может быть неоправданно жесток...

О господи, неужели слухи о событиях в Гатчине докатились и до Греции?! Хотя чему удивляться? Телеграф-то уже давно изобрели...

Интерлюдия

– Благодарю, Джеймс. Можете быть свободны.

Лакей беззвучно удалился, оставив собравшихся в каминной наедине с кларетом и сигарами.

– Итак, джентльмены, я полагаю, – чуть резковатый голос словно бы читал официальный документ: четко, внятно, без малейшего намека на интонацию, – я полагаю, что все здесь присутствующие знают, какой вопрос сейчас будоражит всех честных подданных Ее Величества.

В ответ не раздалось ни звука, и говоривший продолжил:

– Русский *cesarevitch*, – последнее слово было произнесено с ужасным акцентом, – наследник престола Российской империи, уже сейчас прославился как у себя на родине, так и за ее пределами как ярый ненавистник Британии. Большого англофоба в мире не было со вре-

мен Наполеона Бонапарта! Несмотря на свой юный возраст, он представляет собой реальную опасность. Русский наследник прекрасно образован, пользуется любовью и уважением среди передовых представителей русской промышленной и торговой элиты, составил себе авторитет в научных кругах, а молодые офицеры его просто боготворят.

– Что и не удивительно, – заметил сидящий у камина. – Ныне здравствующий император России не слишком воинственен, а молодым хочется новых чинов и высоких орденов.

– Совершенно верно. И вот теперь, джентльмены, перед нами со всей остротой встает проблема: любыми путями не допустить восшествия на престол этого ненавистника нашей империи.

– Но мне кажется, – новый голос был одышливым и сиплым, – что подобные... проблемы нам всегда удавалось успешно решать, не так ли?

– О да, милорд, вы совершенно правы. Но этот случай – особый. У нас нет возможности... решить эту проблему на территории России.

– Почему?

– Видите ли, милорд, охраной русского наследника ведают люди, беззаветно ему преданные, я бы даже сказал – молящиеся на него, как на бога. Любые попытки найти хоть какие-то подходы, предпринятые нашими людьми, наталкивались на самое жесткое противодействие.

– Но я полагаю, во дворце можно было бы найти людей, которых легко... заинтересовать... предполагаемой работой?

– Увы, милорд! Наследник любим двором. Возможно, вы слышали о некоем инциденте, произошедшем между императором Александром и его сыном? Так вот, император пытался напасть на cesarevitch'a, но охрана последнего отбила нападение. С изрядным уроном для императора. К несчастью, обошлось почти без жертв, так что русским удалось замять это печальное событие. Но! Единственным человеком, погибшим при этом нападении, был адъютант императора, бросившийся на защиту наследника! Представьте себе, милорд: человек, пользующийся всеми благами личного доверия самодержца, жертвует этим ради спасения наследника.

– Да-а-а... – одышливый голос был явно поражен. – Прямо скажем, это нечто необыкновенное. Но в таком случае что мешает вам, сэр, организовать некий заговор, приписать к нему этого юного агрессора и выдать весь заговор русскому императору? Такое не прощают.

– Вы совершенно правы, милорд, но, – у первого оратора в голосе прорезались ехидные нотки, – сразу же после указанного инцидента между наследником и императором офицеры гвардейских частей и столичного гарнизона предложили cesarevitch'у занять престол.

– И что же? – заинтересованно спросил одышливый голос.

– Наследник поблагодарил офицеров, пообещал им свое расположение (кстати, свое обещание выполнил!), но решительно отверг предложение, сказав, что его не прельщают сомнительные лавры двоюродного прадеда, Александра I, убившего родного отца на... простите, милорд, «на проклятые деньги проклятых англичан».

– Каков наглец! Но что же вы предлагаете, баронет? Видимо, вы правы, утверждая, что справиться с этой напастью в России невозможно.

– Сейчас этот юный англофоб совершает большое зарубежное путешествие. К сожалению, акция, запланированная и подготовленная в Вене, сорвалась. По неизвестным причинам русские отказались от посещения столицы Австро-Венгрии и покинули пределы двуединой монархии в самые сжатые сроки. Но теперь...

– Позвольте, а почему операция была запланирована только в Австро-Венгрии? Насколько мне известно, русский наследник довольно долго гостил в Швеции, Дании и Германской империи.

– К сожалению, джентльмены, мы вынуждены признать, что наши возможности в Скандинавских странах слишком скромны, чтобы рассчитывать на успех подобной акции.

– Ну а Германская империя? Насколько я могу судить, германский кронпринц – наш ярый сторонник. Можно было бы...

– Сэр, вы, вероятно, не в курсе: германский кронпринц – не жилец на этой грешной земле. Неизвестно, успеет ли он побывать императором или так и умрет наследником. Скорее всего, нам нужно ориентироваться на принца Вильгельма...

– Но позвольте, он тоже наш горячий сторонник...

– Да-да, сэр, он был нашим горячим поклонником. Но вот уже два года, как он попал под влияние русского наследника. Теперь Вильгельм охладел к нам, полностью очарованный этим молодым дьяволом...

– Я прошу вас, баронет, не поминать врага человеческого рода. Итак, что же вы предлагаете?

– В настоящее время cesarevitch находится в Греции. К нему присоединился один из греческих принцев, Георг. В окружении Георга есть несколько польских эмигрантов. Ради своей родины они готовы взять на себя...

– Ну что же... – Одышливый голос сделал паузу. – Я полагаю, что наш прямой долг – помочь отважным патриотам в борьбе за освобождение многострадальной Польши от ига московитов.

Глава 11

Рассказывает Олег Таругин

И что только некоторые находят в этом Париже? Питер, по-моему, в сто раз красивее! Нет, разумеется, Лувр и Нотр-Дам великолепны, но вот что, к примеру, нашли в этом самом Монмартре? Трущоба, она и в Париже трущоба...

Трудно сказать, что подумали мои тонтон-макуты, когда, выходя из воспетого Гюго собора, я замурлыкал себе под нос арию, в русской версии исполняемую Питкуном. Ну то есть что подумали Шелихов с Махаевым – это понятно: государь – гений! А вот остальные? Ведь как ни крути, Гюго они должны были читать: больно уж славный писатель. Интересно, что они решили?

Георг-то попроще. Да-да, греческий принц отправился с нами в путешествие. Ну что ж, парень он вроде неплохой. Да и ко мне проявляет неподдельный интерес. Даже начал заниматься с нами рукопашным боем по утрам. Правда, мне кажется, он не совсем бескорыстен. Ну в самом деле, что его ожидает в родной Греции? Графом каким-то местным будет... А тут – простор для карьеры! Россия, господа, она всяко-разно побольше Греции. Вот и старается паренек, может, удастся прилепиться к наследнику и будущему императору. Да ладно, я не против: пусть будет. Похоже, неглупый малый... Да и в реальной истории спас-таки непутевого Ники от самурайской катаны. Положительно, его прибытие ко мне на службу – почти находка.

Вот разве что его свита мне не по вкусу. Нет, против греков я ничего не скажу: ну обычные южане. Хвастливые, задиристые, импульсивные – все как и полагается у южан. Но к этому легко привыкаешь. Да и гонора южного у греков значительно поубавилось после первого же занятия «русской гимнастикой». Так окрестил наши ежедневные тренировки Ренненкампф. Ну пусть так и будет, жалко, что ли?!

Но в свите Георга пятеро поляков. Ума не приложу: каким ветром этих панов надуло в Грецию? Не должно их тут быть. Но факты – упрямая вещь: вот они – собственными персонами, ясновельможные до тошноты!

Гонору у той пятерки – как у всей Греции. Даже больше. А уж нахальства да наглости – как и у всего Балканского полуострова. Вот он, один из этой пятерки: пан Войцеховский. Соб-

ственной персоной пожаловали. Так-с: судя по помятой физиономии – пан вечерял с французскими шляхами, запивая удовольствие французским же коньячком-с. Причем и то и другое было дешевеньким. Ну а откуда этим нищелюдам взять денег на что-то поприличнее?

– Ваше императорское ясновельможство! Пшепрашем, но я вынужден обратиться к вам с нижайшей просьбой.

– Ну-с, и какого рожна вам надобно, любезный?

– Дело чести. Вы поймете меня как мужчина мужчину...

Понятно... Опять кто-то из этой шантрапы проигрался в пух или не может заплатить проститутке. Положим, здесь их принято называть куртизанками, но от названия суть не меняется...

– И почему же сейчас польская честь? – Как же вы меня, выражаясь языком XX столетия, достали, паны драные!

– Ваше Высочество! – Ишь ты, обиделся! – Честь польского дворянина не имеет цены! Но вот наш Анжей... – Боже ж ты мой! Как меня раздражают все эти Кшипищюльские!⁴⁸ – Он... он познакомил меня вчера с очаровательной, совершенно очаровательной особой. Возможно, вы, ваше ясновельможство, помните... в театре...

А? Да, вроде помню. Такая вот миленькая девица, очень даже во вкусе конца XIX столетия. Пела еще очень ничего себе...

– Ну-с, и что же?

– Она запросила за свидание тысячу франков. Я не сдержался и пообещал. Но теперь я ума не приложу: где мне взять такую пшкклентую кучу пенензов?..

Понятно. Наврал девчонке с три короба, а теперь поджал хвост и в кусты. Знакомая ситуация. Господи! Ну почему все поганцы так похожи, хоть в XIX веке, хоть в XX, хоть до Рождества Христова?!

– Девица где?

– Здесь, пся крев! Явилась требовать...

– Ну что же. Я сейчас встречусь с ней и заплачу ваш долг. Но прошу учесть: в следующий раз я попросту сдам вас парижским ажанам, и тогда уж разбирайтесь с ними: почему там польская честь...

Так. Вот и девица. Вроде бы не та, которая была вчера, но тоже очень симпатичная. Эх, если бы не Моретта... отставить! Благо Родины прежде всего! Да и подлю это будет: любит ведь меня эта девочка.

Шелихов подает мне портмоне.

– Сударыня, вот ваша тысяча франков. И на будущее: польская честь – такая эфемерная штуковина, что...

О-па! А что это у нас глазки загорелись?!

– Государь!!! – Истошный вопль сзади, и тут же девица выхватывает из ридикюля короткорульный револьвер.

– Ще польска не сгинела!

Твою мать! Я шлепаюсь на пол и пытаюсь перекатом уйти с линии выстрела. Сзади меня Егор в прыжке выбил ногой револьвер из рук Войцеховского, и теперь ногами же выбивает из него сознание. Но мне не до них. Проклятая девица палит из своего «бульдога» как заведенная. Уй, сука! Попала, тварь такая! Плечо сразу налилось свинцом, и в него словно вонзили раскаленную спицу. Одно утешает: у этой гадины вроде должны были кончиться патроны...

⁴⁸ Такую фамилию выдумал М.Е. Салтыков-Щедрин для обозначения мелкого полячишки, живущего в России, при этом абсолютно чуждого ее интересам.

– Государь! Государь! – на разные голоса крики с лестницы. Это мои brave сподвижники несутся вниз с грохотом горного обвала. И вовремя, черт возьми! В коридоре еще двое поляков. Они одновременно выхватывают револьверы...

Грохочут выстрелы. Один из ляхов, выронив оружие, сламывается пополам и оседает на пол. Ренненкампф и Эссен остановились и открыли огонь, прикрывая меня, грешного. Шелихов тут же включился в перестрелку, заставив второго поляка укрыться за углом. Возле меня появляются тяжело дышащие Махаев и Васильчиков, которые тут же ошетиняются стволами и прикрывают меня собой. Хабалов красивым прыжком выскакивает из-за кадки с пальмой и в два выстрела кладет польского террориста. Ну что, Бен Ладены недоделанные: не знали, что за зверь такой – контртеррористическая подготовка?

– Государь, все в порядке? Вы ранены? Не двигайтесь, сейчас наложу повязку, – галдят мои друзья-защитники. Да все в порядке, ребята, не поднимайте паники. Лучше вон проконтролируйте, чтоб Шелихов в простоте душевной пленного не прикончил... Мама моя, императрица!..

Некий человечек во фраке, коего я счел кем-то из obsługi отеля, с разбегу бросает в нас НЕЧТО. И пусть меня повесят, если это нечто – не бомба!..

Время словно замедляется. Я отчетливо вижу, как, кувыряясь, летит к нам тяжелый сверток, из которого тоненькой струйкой тянется дымок от химического запала. Вот сейчас она прилетит, и все...

Великие небеса! Такое я видел только однажды, в далекой прежней жизни. В старой кинохронике вот так же Лев Яшин...

Хабалов прыгает под невероятным углом и, извернувшись, в полете ногой отправляет бомбу назад, отправителю. Вот это да! Фантастика! Если у нас когда-нибудь в этом мире будет футбол, то я точно знаю, кому стоит доверить тренировать нашу сборную!

Тяжелый грохот разрыва ватной кувалдой толкается в уши. Мимо нас пролетает обломок стойки портье. И, кажется, сам портье тоже. Фрагментами... А что ж это так дышать-то тяжело?

– Махаев, братишка! И вы, князь, убедительно прошу вас: слезьте с меня! Я же сейчас задохнусь.

– Государь, вы живы? – Васильчиков.

– Цел, батюшка? – Махаев.

– Жив и цел. Но если вы немедленно не слезете с моих ребер, последнее утверждение может оказаться ложным. Да и первое тоже – дышать не могу!

Через пару минут я, заботливо перевязанный, присутствую при первом допросе пленного Войцеховского. Учитывая тот факт, что пленника, скорее всего, придется отдать сотрудникам Сюрте⁴⁹, прибытие которых ожидается с минуты на минуту, допрос идет в бешеном темпе, с полным и абсолютным несоблюдением норм гуманности и права.

Войцеховский выглядит сейчас... Ну, в общем, раньше он выглядел лучше. Намного. Шелихов и Махаев на полном серьезе обсуждают возможность посажения одного Войцеховского на кол, собираясь использовать для этой цели ножку рояля. Технически подкованный Эссен бурчит что-то о возможности применения гальванизма, в то время как кавалеристы Ренненкампф и Хабалов стоят за старые надежные хлысты и нагайки. И только умница Васильчиков, не отвлекаясь на внешние раздражители, гонит допрос в темпе *allegro vivacious*⁵⁰.

– Кто послал? От кого получены деньги? Как держали связь? Говори! Говори! – И хлесткие удары.

– Батюшка, дозвожь... – Шелихов просительно смотрит на меня.

– Не дозволю. Не мешайте Васильчикову работать.

⁴⁹ Французская тайная полиция.

⁵⁰ «Живо, весело» (итал.) – определение темпа в музыке.

– Да мы ж помочь хотим...

– От вашей «помощи» поляк загнется, как хрен на сковородке, а нам сведения нужны. – Эх, ладно, помощь-то все же требуется. В общем, есть у меня кое-какой опыт...

От полученного совета Васильчиков изумленно кашляет, но потом, совладав с собой, берется за дело. Через секунду пан Войцеховский уже без штанов и прочей одежды ниже пояса, а еще через мгновение он пронзительно визжит, сообразив, для чего его мучитель собирается использовать замечательную клинковую бритву.

– Не! Не надо, панове! Прошу, не!

– Говори, курва, а то живо выхолошу!

В подтверждение своих слов Васильчиков чуть-чуть ведет бритвой там, где поляк и ожидает. Истошный визг подрезанного поросенка только что не взрывает парижский отель. Но сразу же после визга Войцеховский начинает выкладывать такое...

Через два часа, когда поляк уже увезен сотрудниками Сюрте, а с нас с предельной вежливостью сняты самые подробные показания, мы все вместе снова собираемся в зале у камина. Разумеется, без Георга и его греков, которые битых двадцать минут ломились к нам, дабы выразить свои самые искренние соболезнования и заверить в том, что они к этому безобразию не имели ни малейшего отношения. Но сейчас не до них. Надо переварить все то, что мы услышали от пленного.

– Ну вот, князь, и наступил тот самый момент, о котором я вам говорил ранее. Думаю, вам следует подумать об адекватном ответе.

– Непременно, государь. – Васильчиков встает. – Ваше Императорское Высочество. Дела службы вынуждают меня отправиться в Лондон. Прошу выдать мне соответствующие документы.

Интерлюдия

Вновь уютно потрескивает камин. Те же бокалы, те же сигары, те же голоса:

– Итак, господа, из вашей затеи ничего не вышло, не так ли? – в одышливом голосе слышалась неприкрытая ирония.

– Увы, милорд, увы! Этому проклятому cesarevitch'у опять удалось избежать опасности. Правда, он ранен...

– Легко! – вмешался скрипучий, точно несмазанная дверь, дискант. – Легко, и его жизни ничего не угрожает. А я уже в первый раз предлагал вам, сэр, рассмотреть вопрос о привлечении Королевского флота. Вот поплывет этот византиец куда-нибудь, – в скрипучем дисканте появились мечтательные нотки, – а тут наш крейсер, например «Шах»⁵¹, и р-р-раз!

– Сэр, простите, но вы порете чушь! Нам достоверно известно, что морское путешествие наследник российского престола собирается совершать на новейшем русском броненосном крейсере «Адмирал Нахимов»⁵². Который, кстати, уже прибыл в Брест. Вы совершенно уверены, что «Шах» справится?

– Ну так эскадру послать!..

– А если ему удастся уйти? Получить в свой адрес обвинение в пиратстве – бр-р...

– Джентльмены, мы не о том говорим! Нужно немедленно решать, что предпринять, пока этот cesarevitch не решил вдруг внезапно вернуться в Россию...

⁵¹ Крейсер «Шах» заложен в 1870 году, спущен на воду в 1873-м, вступил в строй в 1876 году. Водоизмещение 6250 т. Скорость хода 16 узлов. Вооружение: 2—228-мм, 14—177-мм, 8—164-мм.

⁵² Броненосный крейсер «Адмирал Нахимов» заложен в 1884 году, спущен на воду в 1885-м, вступил в строй в 1887 году. Водоизмещение 8524 т. Скорость хода 16 узлов. Вооружение: 8—203-мм, 10—152-мм, 12—47-мм, 6—37-мм. Долгое время был в числе самых мощных и быстроходных крейсеров в мире. Геройски погиб в Цусимском сражении 28 мая 1905 года.

– Вот что, джентльмены! – Одышливый голос налился металлом. – Я полагаю, что этот вопрос необходимо обсудить непосредственно с премьером.

– А разве маркиз Солсбери еще не знает? – Изумление было неподдельным.

– Он знает, но не официально. В настоящий момент нет необходимости официально информировать премьера...

Осторожный стук в дверь прервал начавшуюся было тираду.

– Что вам, Джеймс?

– Чрезвычайное известие, милорд. Только что принесли телеграмму.

– Давайте сюда. – Пальцы нетерпеливо схватили бумажный квадратик с серебряного подноса. – Не может быть! Этого просто не может быть!!!

– Что? Что случилось?! Да не томите же, говорите! – гомон всех голосов разом.

Прерывающийся голос зачитал то, что держали дрожащие пальцы:

– Только что на Даунинг-стрит неизвестными застрелен премьер-министр, третий маркиз Солсбери...

Из сообщений «Таймс»

Передовица:

«Вчера в шесть часов вечера у входа в свою резиденцию был злодейски убит премьер-министр, третий маркиз Солсбери.

Выйдя из дверей, лорд Солсбери направлялся к экипажу, который должен был отвезти его в Адмиралтейство, на совещание по вопросам морского бюджета на следующий год. В тот самый момент, когда премьер-министр подошел к карете, двое неизвестных, мужчина и женщина, выхватили оружие и открыли огонь.

Премьер-министр получил восемь огнестрельных ранений и скончался на месте. Воспользовавшись паникой, нападавшие вскочили в ожидавший их кэб и скрылись в неизвестном направлении. Скотленд-Ярд ведет активные поиски...»

Последняя страница:

«В районе доков обнаружено мертвое тело, принадлежащее молодой женщине, приблизительно 25 лет. Среднего роста, волосы светлые. Одета в твидовый костюм парижского производства. Смерть наступила, вероятно, в результате взрыва, так как лицо, руки, грудь сильно изуродованы. При ней найден разряженный револьвер и отпечатанная типографским способом карточка, содержащая следующее высказывание: «Все чувства хороши, когда они взаимны, не так ли?» Полиция просит всех, кто может сообщить что-либо об этой девушке, обратиться по адресу...»

Рассказывает Олег Таругин

– Князь, поздравляю!

– Рад стараться, государь!

– Молодчина, так держать! Списки представляемых к наградам принесете мне завтра. Я очень вами доволен, Сергей... Но послушайте... – Нет, ей-богу – молодец! – Послушайте, князь, зачем было подбрасывать труп этой несчастной польки?

– Чтобы было непонятнее и, стало быть, страшнее. Вы же меня сами учили, государь...

Верно, было такое, учил. Молодец ученик, схватывает на лету. Далеко пойдет...

Глава 12

Рассказывает Олег Таругин

Из-за польской эскапады и ответного вояжа Васильчикова нам пришлось задержаться в la belle France значительно дольше предполагаемого. Новейший крейсер «Адмирал Нахимов», выделенный мне для морских вояжей, бестолково простаивал в Бресте, а мы все никак не могли отправиться в путь. Уже и Новый год не за горами – да и осень в столице Франции довольно далека от описанной и восхваленной бесчисленными ордами пиитов. Почти беспрерывно идет дождь. Скучно и тоскливо.

Но все на свете конечно, кроме человеческой глупости. А так как князь Сергей Илларионович у нас далеко не дурак, то вот и он явился пред светлые наши очи. Ну, пора, уже пора... А то в Ле-Крезо⁵³ были, Бергло⁵⁴ нашли (кстати, ничего уж такого интересного), и впору было уже волком завывать от тоски, но...

Но тут на меня свалилось «огромное, ничем не замутненное счастье», которое в виде Моретты примчалось инкогнито к «одру умирающего жениха»! Вас никогда не лечила влюбленная девушка? Тогда вам меня не понять...

Во второй половине XX века стали весьма популярны фильмы ужасов о врачах-маньяках. Так я могу вам с уверенностью сказать: любой, самый страшный маньяк в белом халате бледнеет перед влюбленной женщиной!

Атаманцы-ординарцы во главе с Шелиховым, который уже с пятого на десятое понимает по-немецки, сбились с ног, пытаясь угодить этому тайфуну по имени Моретта. Я чуть не умер от обилия самых разнообразных лекарств, лакомств, бурных объятий, поцелуев и не менее бурных изъятий чувств. Нужно заметить, что деятельность Моретты вовсе не стала менее бурной после того, как она наконец поняла, что жизни и здоровью ее «несравненного Ники» ничего не угрожает. Тут же начались бесконечные прогулки, вылазки в «живописнейшие предместья Парижа», походы в театры и варьете и, разумеется, набеги на магазины, сравнимые по воздействию на мой золотой запас разве что с татаро-монгольским нашествием...

Но, как я уже отмечал, все на свете имеет свой конец, и теперь мы отправляемся в САСШ. Собственно говоря, осталось только подняться в Бресте на борт «Адмирала Нахимова» (как-то я неспокоен по поводу этого названия, в голову лезут очень неприятные ассоциации!) и – в путь!

Сегодня наш последний вечер в Париже. Моретта уютно уткнулась носом в мое плечо и лежит тихо-тихо, как мышка. Да, да, да! Вот уже пять дней, как она послала куда подальше «облико морале», и теперь мы наслаждаемся радостями любви на всю катушку. Нельзя сказать, что моя избранница была абсолютно неграмотной в области секса, но по неписаным канонам XIX столетия вплоть до последнего момента не имела практических познаний в этой области человеческих взаимоотношений, довольствуясь углубленным изучением теории. Нужно заметить, что новое молодое тело великолепно справилось с возложенными на него задачами. Да и забавно было дополнить рассказы фрейлин и прочих «специалисток» прусского двора познаниями, почерпнутыми в другом времени из Камасутры, «Энциклопедии современного секса» и многочисленных фильмов категории «Das ist fantastischer!». Плюс основательный практический опыт...

⁵³ Ле-Крезо – город в восточной части Франции. В то время – центр военной промышленности.

⁵⁴ Пьер Эжен Марселен Бергло – известный французский химик, работал со взрывчатыми веществами.

Я курю, по неистребимой привычке конца XX века отмечать очередную победу на ложе любви хорошим табачком.

– Милый, – страстно шепчет Моретта. – Милый...

В голове вспыхивает голос волка-Джигарханяна из замечательного мультика: «Шо, опять?»

– Да, счастье мое...

– Милый, давай больше никогда не разлучаться.

Слегка приобняв ее за плечи, я нежно воркую:

– Жизнь моя, клянусь: как только я вернусь в Россию – сразу же начнем готовиться к свадьбе...

– Нет, ты не понял, – жаркое дыхание обдает шею, – я не хочу быть без тебя. Давай поедем дальше вместе, а?

М-да. Значит:

Миленький ты мой,
Возьми меня с собой!
Там, в краю далеком...

Нет, это она здорово придумала. Просто замечательно! Как же мне тебе отказать-то, чтобы ты не обиделась? Ну или чтоб не очень обиделась?..

– Дорогая, – предельно честный взгляд в глаза, голос чуть дрожит (то ли от волнения, то ли от страсти). – Жизнь моя, счастье мое! Ничего на свете я не хотел бы так, как никогда больше не расставаться с тобой... Но... – Теперь попробовать отвести глаза или чуть прикрыть их. – Ты же видишь: рядом со мной – небезопасно. Мне даже страшно подумать, что, если бы ты тогда была рядом, эти негодяи могли причинить тебе... они могли тебя...

Голос срывается и дрожит. Моретта смотрит на меня своими светлыми прусскими глазами, на которых уже блестят слезы:

– Ты не хочешь, чтобы я поехала с тобой? Ты не хочешь, чтобы мы были вместе?

– Хочу, счастье мое, но я боюсь за тебя...

Она разражается рыданиями, которые прерываются примитивными домыслами о том, что я разлюбил ее, что я никогда ее не любил, что... Да в самом деле! Любой мужчина средних лет, не слишком гнусного нрава и не самой крокодилий внешности хоть раз в жизни да слышал эти попреки, на которые так щедро прекрасная половина человечества!

Утешение прекрасной немки слегка затянулось. Но «все проходит, и это пройдет!». И вот мы уже третий день идем по бескрайним просторам Атлантики. Морская болезнь, начавшаяся в первый день путешествия, так и продолжает терзать меня. Тем не менее дела я не бросаю и сейчас я стою на мостике в картинной позе как минимум Христофора Колумба, слушая пространные объяснения Эссена об устройстве корабля. Но мысли мои далеко. Я пытаюсь решить одну загадку или ребус, что ли. Вроде бы и незначительную, но...

В Бресте, на прощальном обеде в мою честь, ко мне подошел, путаясь в ногах и отчаянно краснея, невысокий жилистый человек, оказавшийся членом магистрата. А по совместительству – страстным охотником. С трудом подбирая слова, он наконец родил просьбу посодействовать ему в приобретении замечательной русской винтовки. В качестве подкрепления своей просьбы он преподнес мне великолепную шкуру тигра, которого подстрелил где-то в джунглях Индокитая.

Умиленный его просьбой, я послал пару атаманцев с Хабаловым во главе и уже через сорок минут протянул лягушатнику новенькую берданку, которую мои орлы позаимствовали из оружейки «Нахимова». Но вот тут и начались непонятки. Галл заявил, что имел в виду совсем другое оружие.

Быстро перебрав в уме все, что у нас было на тот момент, я сообщил ему, что винтовка Кринка значительно хуже, а Карле – вообще анахронизм. Но он настаивал на том, что у нас в России, где-то в Нижнем Новгороде, производят замечательный охотничий штуцер – малокалиберный, магазинный да еще и под названием... «Печаль»!!! Интересно, кто же это печалится: дичь или охотник? Да и о производстве стрелкового оружия в Нижнем я впервые слышу. Хотя... Ну не могу же я все помнить! Нет, все-таки странно: в Нижнем вроде бы никто не делал винтовок... Может, какая-нибудь мелкосерийка?..

Интерлюдия⁵⁵

В кабинете Его Императорского Величества кайзера Германии сидели два старика, реликта ушедшего века, сам кайзер и его верный канцлер. На ковре перед письменным столом топтался молодцеватый молодой человек с военной выправкой. Последней, впрочем, кого-либо в Пруссии удивить крайне трудно, так уж исторически сложилось. Пруссиков очень часто пробовали на зуб решительно все соседи, и, за редким исключением, означенный зуб обламывался. Исключение презрительно взидало на всех троих с картины русского живописца Сурикоффа... но не стоило забывать, где и при каких обстоятельствах скончалась жертва русско-прусского союза.

– Значит, Вилли, ты уверен, что наш друг Ники искренне влюблен в девочку? – Голос одного из стариков, первого императора совсем недавно объединенной Германии, слегка дрожал, но именно что слегка. Ничего здесь не было от трусости или сомнений – просто за последний год император здорово сдал. И то сказать – приближался конец девятого десятка прожитых лет.

– Абсолютно, мой кайзер. – Бравировать родством внук не стал. Это он в семейных отношениях – внук. А сейчас – как и обычно, доверенное лицо двух самых выдающихся в истории страны людей. Лицо, будем честны, ПОДЧИНЕННОЕ. Испытуемый, так сказать. – Ники и Моретта... да в конце концов, что я в десятый раз распинаясь! – чуть не грохнул по столу кулаком молодцеватый тезка старика. – Просто поговорите с ним вот так же приватно, у него же сейчас такое состояние, что он даже репортерам САСШ будет во всех подробностях рассказывать о своих отношениях. А если слегка подпоить – не исключено, что расскажет и об иных подробностях в Бресте, где инкогнито находится...

– Нет, Вилли. Я этого знать не хочу, – устало прервал император. – Со всем этим будешь иметь дело уже ты, нам это просто не интересно. Тут другое. Дело в том, что Ники НИКОГДА не видел девочку до этой вашей истории в духе Дюма. Это установлено достоверно.

– Невероятно, – осунулся наследник. Сразу вспомнилась дурацкая импровизация – клятва на мече, сестра, которую с трудом удалось уговорить дать, скажем так, неофициальную аудиенцию кузену... да в конце концов, доклады из Парижа, недвусмысленно свидетельствовавшие о знакомстве милой Виктории с иными областями человеческой деятельности. Тут особо и следить не надо, да и не утаить ничего – уж больно характерные вздохи доносятся по ночам из одной комнаты покоев русского наследника, находящегося в кругосветном путешествии. – Неужели все это – гнусная ложь?

– Не спеши с выводами, Вилли, – подал голос второй собеседник. Первый канцлер единой Германии был в некоторых отношениях фигурой легендарной и уж всяко куда более весомой, чем тот, кто в перспективе когда-нибудь должен наследовать отцу. – Я вот, каюсь, по-стариковски приглядывал за Ники и Мореттой. Определенно, наш друг и впрямь в восторге от девушки. И ничего, признаться, удивительного – мне бы сбросить лет сорок, и уж прости, Вилли, но красотки двора на тебя и не глянули бы даже. А уж нашей девочке я бы особое

⁵⁵ Автор этой Интерлюдии – Иван Дмитриевич Сергиенко.

внимание уделил, и не побоялся бы повторить подвиг того казак'а. Кажется, он чуть не побил нашего болгарина? Так что... уж поверь старику, я бы не стеснялся.

В это верилось охотно. Даже сейчас грузный старикан выглядел человеком, вполне способным отправить в нокаут проклятого болгарского выскочки. Разумеется, хватит его на пару полноценных ударов – но если уж НАЧНЕТСЯ, Его Высочество Вильгельм не замедлит продолжить. А тренировки с этим казаком, милостиво одолженным Ники, дают результаты, так что...

– У меня складывается впечатление, что этот шустрый парень разом подстрелил двух куропаток, – вновь вступил в разговор Его Императорское Величество. – Он собрался жениться по расчету, а в ходе знакомства с Викторией попросту влюбился – дело молодое, дело хорошее. Девочка, Отто прав, и не такого сопляка может с ума свести. Сдается мне, на него надо было обратить внимание еще во время той дурацкой выходки с гессенской принцессой. Мальчик недвусмысленно дал понять, что хочет дружить. И это замечательно, Вилли. Ты, внучек, дружи с ним, дружи обязательно.

Тот, кому было суждено стать третьим и последним (впрочем – последним ли?) императором Второго Рейха, содрогнулся. Яснее и сказать нельзя. «Внучек», надо же. Это ведь не просто наставление, это – ЗАВЕЩАНИЕ.

– Мой фюрер, – проникся моментом старый канцлер. Мой вождь, мой повелитель... Бисмарк обращался так к императору считаное число раз – хватит пальцев одной руки, даже если парочка невест где потеряна. – Мой фюрер, быть может, нам...

– Нет, Отто, я не хочу встречаться с этим юношей. Вражда, нейтралитет, союз, торговые отношения с империей Николая – это уже дело Вилли... впрочем, точно известно, что...

– Да, Ваше Величество. Совершенно достоверно. Интересующая вас персона не...

– Вот и славно, Отто, вот и славно.

Этого диалога наследник не то чтобы не понял – ему попросту не положено было понимать. Ну да, краем уха он слышал, что отец на этом свете не задержится, но радоваться скорой смерти будущего кайзера Фридриха и даже знать о таковой наследнику официально не полагалось. Благо разговор свернул в сугубо практические эмпирии.

– А вот скажи мне, старый друг, чем кончился твой разговор с Ники? Ты носишься с этим договором перестраховки как дурень с писаной торбой... так, кажется, говорили твои знакомые на Певческом мосту?

– Весьма... интересно закончился, мой император. – Да, «железный канцлер» выглядел изрядно озадаченным. Но будущий Вильгельм II понимал: это – спектакль для одного зрителя. Для него. – Большую часть разговора юноша прилепился взглядом к милой Виктории и на намеки о союзе с Германией отвечал так, как будто ему предлагают немедленно с Мореттой уединиться. А вот в конце... он пообещал, представьте, надавить на медведя. Но в ответ попросил целевой кредит русским промышленникам – как довесок к соглашению.

– Мальчик знает такие сложные слова? – слегка оживился император. – Отто, а ты уверен, что это ты с ним говорил, а не он с тобой... если ты меня понимаешь.

– Не уверен, – немедленно отреагировал канцлер. Чувствуется, что он долго думал над ответом на подобный вопрос... и чувствуется, что весь этот диалог – одно из последних наставлений юному тезке императора. – Он, представь себе, довольно подробно расписал, чего хочет. Кредиты в машиностроение, угольную и нефтяную промышленность. В обмен на льготы и выгодные проценты – обязательное строительство заводов по производству оборудования в России. Освобождение от налогов тех средств, что пойдут на обучение работников. И...

– Отто, Отто, перестань, – приподнял ладонь кайзер. – Я и так понял. Мальчик очень симпатизирует... своей будущей жене – это решено, так что если болгарин будет сопротивляться... – Император не закончил, а наследник поспешно отвел взгляд. Такие вещи, знаете ли, не обсуждаются, они просто улавливаются всеми собеседниками. Надо думать, примерно

так в неизвестном им (именно неизвестном – догадки не в счет) кругу обсуждалась судьба третьего лорда Солсбери. – Но и своей выгоды он упускать не намерен. Как ты думаешь, Вилли, мы сможем пойти Ники навстречу?

Очередной экзамен двух стариков – сразу видно, с канцлером этот вопрос обговорен, то-то он так расслабленно откинулся на спинку кресла.

– Думаю, сможем, Ваше Величество. Особенно если вы доверите мне разговор с Круппом и...

– Это уже ТВОЕ дело, Вилли. И только твое. Мы с Отто – всего лишь задержавшиеся на этом свете статисты, поверь, мой мальчик. Подумай, сынок, с кем нужно поговорить, на кого нужно надавить, кому и что пообещать. А когда подумаешь – делай. Отто мне все уши прожужжал, что с Россией ни в коем случае нельзя воевать.

Статный молодец в прусской военной форме дисциплинированно прищелкнул каблуками, кивнул и отправился в свою резиденцию. У Вилли там, в одном неприметном шкафчике – подробнейшая подборка данных по немецким банкирам и промышленникам. С разбивкой по отраслям промышленности и стоимости основных средств... вроде бы что-то еще, Вилли как-то объяснял, но император в подробности вдаваться не стал – уж слишком мало осталось времени. А в другом шкафчике – похожая разбивка по вооруженным силам всех европейских и кое-каких азиатских стран. И это, право, не единственные шкафчики... что и говорить, Вильгельм вполне готов не просто сидеть на троне, но и править.

– Знаете, Ваше Величество, меня все же кое-что беспокоит.

– Да, Отто? – Сейчас император ничем не напоминал одного из могущественнейших людей Европы. Так, военный пенсионер, сдавший решительно все дела своему сменщику и твердо намеренный в кои-то веки выспаться как следует. То есть хотя бы часа четыре.

– Как бы наш Ники не стал большей проблемой, чем мы думаем. Уж очень он непрост для юноши. И больно непросты те, кто за ним стоит...

– Отто, ты все же недолюбливаешь этих славных восточных ребят, – ворчливо отозвался Вильгельм-старший. – Одно дело – слегка осадить их, как десяток лет назад на конгрессе, нечего им делать на Балканах, право... и совсем другое – ловить блох в чешуе змеи. У них всегда была неплохая разведка...

«Железный канцлер» сжал кулаки и слегка побагровел.

– НАСТОЛЬКО неплохая, Ваше Величество, чтобы совершенно точно знать то, что знаем только мы с вами и доктор... впрочем, теперь уже только мы. Юноша смотрит на кронцпринца как на ходячий труп. Он готов часами слушать воркование нашей милой Моретты, брататься с Вилли, беседовать с Круппом, Сименсом... черт побери, даже с их инженерами... но вот к Фридриху он даже неприязни не испытывает – просто игнорирует, прах побери!

– Ты слишком много говоришь, Отто, – тихий голос кайзера уверенно перекрыл рык начинающего закипать фон Шёнхаузена. – Да, мальчик ЗНАЕТ. И в отличие от тебя он ценит время, не желая общаться с мертвым человеком. Что ж, в конце концов, Вилли мог и проговориться... возможно, наш будущий кайзер Вильгельм Второй тоже готовится править и ищет союзников. Попомни мои слова, Эдуард Леопольд, он и тебе уже подбирает сменщика.

– Возможно, – как-то невесело отозвался канцлер. – А эти его встречи с промышленниками, его поиск инженеров и технологов?

– А с этим-то что не так, Отто? – резко выпрямился в кресле император. Впрочем, не оттого, что встревожился, – просто пора было идти, впереди была аудиенция с французским послом. – Положительно, старый друг, тебе стоит съездить на воды, успокоить нервы. Русские уже лет пятьсот нанимают иностранных инженеров, архитекторов, кораблестроителей.

– Цесаревич Николай, – канцлеру вновь удалось чисто выговорить проклятые «ц» и «ч», – не искал «инженеров» и «архитекторов». Он искал конкретных людей. У него, полное впечатление, есть такой же шкафчик, как у нашего Вилли, только по известным ученым и специа-

листам. И если он не мог найти по списку номера один (например, герра Даймлера, которого кто-то из русских миллионеров уже перекупил), он переходил к номеру два, три и так далее. А это значит – за ним... ну-у, если и не личная разведка, то нечто близкое к тому. Группа толковых приближенных, подготовивших ему нужные данные. Значит – весьма разветвленная сеть контактов в Европе. И весомые позиции в армии, флоте и гвардии – вы помните, Ваше Величество, когда правящая особа поссорилась с наследником, дело чуть не кончилось переворотом. И отборные головорезы, способные покрошить как террористов, так и...

Договаривать не стоило. Есть, знаете ли, догадки, что недавнее досадное происшествие с премьером Солсбери планировалось и готовилось людьми, говорившими на русском.

– Кстати, Отто, мы предупредили наших английских... хм... «друзей», что еще одна попытка...

– Две недели назад этот их так называемый «советник по культуре» в Берлине получил неофициальную, но очень весомую просьбу не делать того, чего делать не стоит. В противном случае... ну тут наш агент слегка увлекся. Он пообещал... хм... адекватный ответ.

– Какое досадное совпадение. – Вот только ничего досадного на лице императора не отразилось – напротив, этакое подобие хищной усмешки. – Впрочем, так даже лучше. Пусть остроумцы слегка успокоятся, право... и пусть окончательно решат, что Ники – НАШ! Тем сложнее ему будет с ними о чем-нибудь договориться. Что до того, что ты перечислил... – На долгих полминуты Вильгельм замолчал, уставившись, как сыч, в лицо картинного Наполеона. – Резон в этом есть. Нужно перетрясти наш русский сектор агентуры. Что-то этакое они определенно упустили. А так – сам знаешь, Отто, нам просто некуда деваться. С Ники надо дружить, отдать ему в жены Викторию, не жадничать с кредитами... в общем, сделать все, чтобы русских олухов не переманили на свою сторону лягушатники или англичане. И вот тут Ники ведет себя просто образцово. Ладно, все это – уже не моя печаль. Я уже слышу шаги старухи с косой... мне остались даже не месяцы – дни, Отто, дни. Постарайся не тревожить меня всякими мелочами...

Глава 13

Рассказывает Олег Таругин

Когда наконец после трехнедельного «кризиса» по зимней, беспрерывно штормящей Атлантике наш «Адмирал Нахимов» уверенно вваливается в Нью-Йорк, единственное, что мне хочется сделать, – так это отслужить благодарственный молебен моему ангельскому терпению. Я настолько измотан морской болезнью, что готов вплавь отправиться к берегу, не дожидаясь швартовки. Хорошо, что время в переходе через океан не пропало зря! До скуки не дошло! Я в сотрудничестве с Пашей Ренненкампом почти закончил писать «Боевой устав регулярной кавалерии». Книжица получилась весьма солидная. Основным постулатом являлся тезис с определением кавалерии как совершенно самостоятельного вида войск, призванного решать любые оперативные и даже стратегические задачи. С Эссеном мы усиленно занимались отработкой тактики и оперативных приемов крейсерской войны. Имея в виду действие именно на коммуникациях «владычицы морей». По утрам вся моя уже довольно многочисленная команда дружно отрабатывала на палубе приемы рукопашного боя (махать руками и ногами, находясь на асинхронно качающейся опоре, – увлекательнейшее занятие!). А вечерами казаки и матросы устраивали замечательные концерты, попеременно исполняя песни из «сухопутного» и «морского» репертуара. Только перед самым сном, уже опустив голову на подушку, меня убаюкивал ставший привычным рефрен: «Печаль... Печаль... Пе-чаль... Штуцер. Охотничий. Незвестный...»

Но вот наконец и Нью-Йорк. Если бы хоть кто-нибудь сказал мне, что я буду счастлив, узрев тетку с факелом, и чуть не вприпрыжку рвану в «Большое Яблоко», я б даже смеяться не стал. Отправил бы бедолагу на Обухов мост, в «желтый дом», и вся недолга. А вот поди ж ты...

Во главе своей свиты я сгружаюсь на берег, под многократный салют крейсера и береговых батарей. Э-эх, ведь просил же без лишнего афиширования. Что-то у меня на душе неспокойно после парижских событий...

Но все идет более или менее спокойно. Встреча в мэрии преславного Нового Амстердама прошла удовлетворительно. Я не напился до посинения и, соответственно, не выложил янкесам все то, что я о них думаю, знаю, буду думать и знать. И слава богу. Несколько двусмысленных фраз, оброненных мной в ходе торжественного банкета, кажется, остались без внимания. Так что гуляйте, братцы, наслаждайтесь «воздухом свободы»...

Собственно говоря, в САСШ мне делать-то особенно и нечего. Форда еще нет, промышленность пока – на стадии развития и подъема, наука – все еще в Европах обитается... Вот разве что Майкельсона прихватить, который, как я помню из курса физики, определил скорость света и вообще – был физиком-теоретиком, да еще и не слабым. Вот обживусь здесь как следует, глядишь, к пятидесятилетию Ники первый взрыв в Семипалатинске произведем. Если доживем, конечно... И разумеется, ухватить за бока Николу по фамилии Тесла. Вот его я повидать хочу. Я уже поручил Васильчикову и Гревсу организовать нам встречу, да такую, чтобы Тесла не смог отказаться от моих предложений...

– ...Государь!

– Слушаю вас, Павел Карлович...

– Васильчиков только что прислал телеграмму: на 5-й авеню горит компания Теслы...

– Хорошо горит?

– Сергей написал: тушат, тушат – не потушат, заливают – не зальют! – Короткий смешок из-под нафабренных усов. Удивительно, как быстро прижились в этом мире детские стихи XX столетия. – Государь, а чего он нам сделал-то, сербияшка этот?

– Да ничего такого, друг мой. Просто ему надо помочь сделать правильный выбор...

– ...Ваше Императорское Высочество, я глубоко польщен вашим столь сердечным участием в судьбе бедного ученого...

Худощавый человек склоняется в неумелом поклоне. Ну вот и он, чернокнижник от науки. После вчерашнего пожара, который уничтожил все его невеликое достояние, присланные мною шесть тысяч червонцев оказались куда как кстати. И, разумеется, он тут же кинулся выражать мне свою благодарность и преданность...

– Помилуйте, господин Тесла, что за странные речи? Как всякий образованный современный человек, я пекусь о всемерном развитии науки и техники. Мне доводилось слышать о ваших идеях по поводу переменного электрического тока, я читал ваши статьи...

– Мои статьи, Ваше Высочество?!

В его голосе сквозит такое удивление, что я даже не обращаю внимания на то, что он перебил меня. «Статьи!» А он уже написал хоть одну?! Эх я ляпнул-то, не подумавши. Но Тесла тут же успокаивает меня следующим вопросом:

– Обе мои статьи? Но ведь это совершенно специальные работы, предназначенные только для инженеров и физиков...

– Но, милейший господин Тесла! Я уже говорил вам, что отношу себя к числу образованных людей.

Он польщен и растроган. Он горит желанием доказать мне свою благодарность. Предложение переехать в Россию встречает не без внутреннего содрогания, но и без особых противоречий. Вот так: выиграна еще одна пешка в большой игре...

Уговорить Майкельсона переехать в Россию было значительно проще. Не знаю, для чего в начале XX века может потребоваться скорость света, но там видно будет. Куда-нибудь да

приспособим. И вот мы всей компанией покидаем Нью-Йорк и движемся «на запад, к морю». Главным объектом моего интереса в САСШ стали владельцы газет и их главные редакторы. Еще со времен советского детства и отрочества в моем мозгу укрепился стандартный оборот «продажная буржуазная пресса». Дальнейшая жизнь при «капитализме» подтвердила абсолютную верность данного определения. И вот теперь я просто вербую себе помощников на будущее. «Washington Post», «New York World», «Chicago Tribune», «New York Times» и «Los Angeles Times» – вот мои будущие союзники в информационной войне с янки. Так что сейчас есть прямой смысл прикормить издателей и журналюг, а также наиболее активных борзописцев. Глядишь, пригодятся. По крайней мере, Джозеф Пулитцер принял мое малое подношение и согласился на сотрудничество. Идею о премии поддержал и приятно покраснел, когда я сообщил ему о моем желании назвать премию его именем. Забавно будет, если премию означенного Пулитцера будут вручать только по согласованию с русским цесаревичем, а? Самое главное: все эти херсты, пулитцеры и гулды берут деньги и оставляют расписки о получении. Пусть только кому-то из них придет потом идея написать о России что-то плохое. Васильчиков и Гревс постараются, чтобы расписки оказались где надо и у кого надо!..

Ну и конечно, никто не забывает о промышленности. Посмотреть, пощупать, как у них и что. В Чикаго мы разжились клятвенными заверениями о вложении немалых средств в мясохладобойни и консервную промышленность России, в Питтсбурге – как следует посидели на банкете стальных королей и договорились о поставках стали. Правда, смутило одно: называли янки какую-то незнакомую фамилию – Рукавишников. Вроде бы этот молодчик пинками выгнал иностранцев с отечественного рынка стального литья и скобяных товаров. Что-то я такого не помню: кто таков? Откуда взялся? Да ладно, там разберемся. Толковый – поможем, нет – уберем...

Стучат колеса поезда, везущего нас с восточного побережья на западное. Бизонов нет, индейцев – тоже. Скука... И пробивается сквозь стук колес: «Печаль... Печаль... Печаль... Штуцер. Охотничий. Магазиновый. Малокалиберный. Неизвестный...»

Долгое ожидание во Фриско наконец сменяется радостной вестью: на траверзе Золотых Ворот замечен русский крейсер. Бог ты мой, какое облегчение! Теперь-то можно закончить с этим надоевшим хуже горькой редьки путешествием и – домой! Домой! На радостях я даже не налагаю никакого взыскания на пятерых стрелков, которые вчера умудрились ввязаться в пьяное побоище возле третьесортного публичного дома. Нет, ребята почти не пострадали (несколько синяков и ссадин – не в счет), да и противников угостили преизрядно (я видел их трофеи – два ножа, кастет и маленький револьвер), но за каким бесом им понадобилось давать интервью, да еще и сообщать журналюгам, что они – личная охрана наследника российского престола, я вас спрашиваю?!!

В общем, ребяташек ожидал бы серьезный разговор, но ради такой новости по отряду объявлен вселенский праздник и всеобщая амнистия. Вот только через пару часов выясняется, что я поторопился с празднованием. Дело в том, что атаманцы, отправленные в порт, приносят известие странное и непонятное: русский крейсер – никакой не «Адмирал Нахимов»! В порт Сан-Франциско вползает старенький «Забияка», приобретенный во времена оны в САСШ для возможной борьбы с английской морской торговлей в Русско-турецкую войну, отгремевшую лет десять тому.

Это сообщение будит во мне самые черные мысли и догадки. Дома меня не было... ой-ой-ой, меня ж уже целый год в России не было! А если за это время какой-нибудь новый хронотеррорист снова оседлал непутевого Александра III? А что, очень даже запросто! И вот теперь к берегам Нового Света отправлен из Иокогамы крейсер с конкретным приказом по команде: цесаревича арестовать и в кандалах залопатить в какой-нибудь там Туруханск? Не может быть? Черта с два не может! Эти ребятки из светлого будущего могут все! Ну или почти все...

Вот на этом самом месте в моей башке вдруг наступает успокоение. Чего это я, в самом-то деле, затрясся, как деревенская баба в купальскую ночь? Это кого это я так испугался? Какого-то паршивенького крейсера, всего десять лет назад бывшего коммерческим пароходом? С парой стареньких шестидюймовок и смехотворной командой в полтора человека? Да моя гвардия порвет их, как Бобик газету, и даже не чихнет! А там Николай Оттович, надо полагать, управится с нехитрым управлением этой лоханкой, доберемся до дома, а вот уже после поглядим: не надоело ли внедренцу царствовать?!

Утешенный такими соображениями, я отдаю приказы, и мои орлы начинают отрабатывать действия, предусмотренные сценарием «Угроза государю со стороны десанта враждебных военно-морских сил» (шутка!). Но, впрочем, как гласила (или будет гласить) народная мудрость XX столетия: «В каждой шутке есть доля шутки». Что-то подобное мы и в самом деле отрабатывали...

Передовой дозор атаманцев выслан в порт с приказом докладывать все, что они только увидят. На этажах замерли часовые в парадных мундирах, с совсем не парадными револьверами под этими самыми мундирами. Да еще и за каждой дверью, возле которой стоит такой вот ряженный болванчик, притаились по одному-два бойца со свежеприобретенными магазинками Винчестера или Спенсера, готовые в любой момент преподнести незваным гостям преприятнейший сюрприз. И, наконец, в танцевальном зале, который тоже не получится миновать, если придет охота добраться до моей скромной особы, припрятан последний, неучтенный козырь – картечница Гатлинга! За совсем небольшие денежки мы прикупили этого дедушку всех пулеметов, несколько стрелков научились им пользоваться, так что – добро пожаловать!..

Рассуждая подобным образом, я шагаю из угла в угол своего кабинета. Верные Васильчиков и Шелихов сперва пытались следовать за мной, но очень скоро утомились и теперь отдыхают, усевшись верхом на стулья. Ну какого черта время тянется как резиновый жгут?! Новости где?! Но-вос-тей! Но-вос-тей!! НО-ВОС-ТЕЙ!!!

За дверью возникает какая-то возня, потом передо мной предстает запыхавшийся Хабалов:

– Государь! Там ваш брат...

– Близнец?! – В голове галопом несутся воспоминания о «Железной маске». Из будущего прислали полного двойника, которого подло вырастили в пробирке. Сейчас этот двойник перехватит управление... остров Иф... какая-нибудь хрень, навеки закрывающая «мое» лицо... От этих хроногадов всего можно ожидать, поэтому я с ужасом переспрашиваю:

– Близнец?

Хабалов смотрит на меня с изумлением, перемешанным с испугом.

– Почему близнец?

– Сергей Семенович, брат – близнец?

Видимо, окончательно потеряв надежду разобраться в этом дурдоме, Хабалов терпеливо, словно ребенку, отвечает, тщательно подбирая и выговаривая слова:

– Государь. К отелю приближается ваш младший брат, Георгий. Судя по всему, он желает увидеться с вами.

Святые угодники! Этот-то откуда взялся? Вот кого мне не доставало для полноты счастья, так это милых родственничков... Правда, о Георгии я ничего особенно плохого сказать не могу, но и хорошего – тоже что-то не богато... Вообще этому парню по жизни не повезло. Туберкулезник, умер задолго до Великого Октября⁵⁶ – вот и не отмечен в позднейшей истории практически ничем. В принципе, мне не за что катить на него бочку, но больно уж я хорошо себе представляю всю это шайку коронованного жулья. Вряд ли он от них сильно отличается. Из всей когорты Романовых я неплохо отношусь только к блаженненькой сестренке Ксении,

⁵⁶ Романов Георгий Александрович (1871–1899) – великий князь, третий сын Александра III, брат Николая II.

которая уже сейчас готова свихнуться на почве филантропии, да к Константину, которого в недалеком будущем ожидает слава одного из лучших поэтов Серебряного века – знаменитого «К. Р.». Но, впрочем, это все не играет существенной роли: вряд ли хронокаратели узурпировали младшего брата – он все равно ничего не сможет противопоставить старшему. Ну разве что попробует пальнуть в меня из чего-нибудь, но да это – пускай рискнет своим невеликим здоровьишком.

Успокоенный такими рассуждениями, я сообщаю Ренненкампу и Васильчикову, что уровень тревоги понижается с «ноль» до «два» (посты перевести на обычное состояние, снайперам оставаться только на двух постах, без команды стрелять только в случае непосредственной угрозы мне или им самим), и выхожу навстречу к «нечаянной радости» – свежеприбывшему «бесценному братцу Егорушке»...

Мое высочество в атаманском мундире спускается вниз по лестнице, в сопровождении конвоя в тех же мундирах, а в холл отеля уже входит небольшая группа людей, сплошь одетых в морскую форму. Миленькая такая встреча: ни дать ни взять – морская кавалерия устроила слет! Невольно я улыбаюсь этим мыслям и тут же с удивлением вижу, как из группы моряков вырывается и чуть не галопом мчится ко мне молодой паренек, в общем очень похожий на меня нового. А на лице у него написано такое... странно, но я, пожалуй, не могу определить, что именно написано на этой радостной физиономии. Такое ощущение, что он хочет признаться мне в любви и одновременно боится, что я его пошлю куда подальше. Вот интересно: что бы это значило?

– Здравствуйте, Ваше Императорское Высочество... – Голос паренька дрожит от волнения.

– Полноте, братец, полноте. Что за счеты между своими? – Надо проявить толику благородства, тем паче что вокруг не только мои сподвижники, но и целая толпа чужаков. Приобнимаю его за плечи. – Здравствуй, Егорушка.

Он расцветает и так яростно стискивает меня в объятиях, словно хочет придушить. Господи Вседержитель, как же мало человеку надо для счастья...

Вечером мы с ним сидим в цирке. Предварительная проверка показала, что мой ненаглядный братец не представляет для меня никакой угрозы. И хотя это только предварительная проверка, но для начала и этого довольно. В конце-то концов, что ж там, в «светлом будущем», сидят сплошные идиоты? Проверяли уже меня на прочность, поняли, что не по зубам, так что ж – опять пошлют бойцов на смерть? Пожалуй, что и нет...

А на арене... Я-то, лопух, при слове «цирк» умиленно вспоминал Юрия Никулина, Олега Попова и братьев Запашных. «Ах, эти девушки в трико!..» Щаз! На арене разворачивается «чемпионат» по «боксу». В принципе, это напоминает реслинг, но в колорите XIX века. Как объявили вначале: «Бой идет по лондонским правилам: в тонких перчатках, раунд – до нокаута». Очень мило. Третий раунд у первой пары продолжался минут двадцать, зато четвертый – секунд пятнадцать. Наконец, после битого часа бестолкового топтания и дурацких ударов, которые мои орлы активно комментировали, определился победитель – ражий детина под два метра ростом и весом в добрый центнер. На его окровавленном лице написан уровень интеллекта, сделавший бы честь самому толковому из лемунов. Не хочу показаться циником и хвастуном, но каждый из моей свиты, не исключая греков, уделает этого питекантропа и даже не очень вспотеет... Э-э! Это чего там орет шпрыхталмейстер? Ну-ка, ну-ка...

– ...Джентльмены и леди! Наш победитель готов бросить вызов любому из свиты русского наследника и на деле доказать, что американцы – непобедимы! Попросим, джентльмены и леди!..

Вот он – результат общения с представителями «продажной буржуазной желтой прессы»! Естественно, весть о вчерашнем побоище уже облетела весь Сан-Франциско. Теперь придется

кого-то выбрать и уговорить на позорище цирковой схватки. Да еще и предупредить, чтоб не очень усердствовал, а то ведь убьют троглодита...

М-да, ну про позорище и уговоры – это я, пожалуй, малость прилгнул. Атаманцы и стрелки готовы затеять потасовку за право умыть этого самонадеянного янки. Даже вернейшие Шелихов и Махаев и те смотрят на меня влюбленными глазами котлов, увидевших горшок со сметаной. Но это-то как раз не самое удивительное! Господа офицеры, белая кость, голубая кровь, все как один готовы унизиться до обычного балаганного шута и лично продемонстрировать ошибочность утверждения о непобедимости жителей Западного полушария... О господи! Да что ж это будет?..

– Государь, государь, – это жарко шепчет в ухо Павел Карлович Ренненкампф, – я вас умоляю, государь, позвольте мне кое-что продемонстрировать этому... – Тут Павел Карлович вставляет такое определение, что, видит бог, покраснел бы и столбик, к которому привязана лошадь одесского биндюжника. Ну вот это уж дудки, господин ротмистр! Никуда вы не пойдете, незачем российский мундир позорить...

– Шелихов! Вот что, дружище, а ну-ка отвесь этому янки погорячее!

– С горошком! – сообщает в спину вскочившему Шелихову Васильчиков. Нет, как все-таки быстро прижились в этом мире выражения конца XX века...

В зале свист и топот ног. Еще бы: по сравнению со своим монструозным соперником Егор выглядит сущим заморышем. Правда, когда он скидывает кафтан и рубаху, кое-кто в зале замечает, что парень состоит из сплошных мускулов. Но все равно: с одной стороны пусть и мускулистый, но не слишком крупный казак, с другой – натуральный человек-гора.

Посланный вдогон Эссен объясняется с группой рефери, уточняя правила поединка. Поединка? Ха! Шелихов азартно жестикулирует, и только полный кретин или слепой крот не сообразит, что означают три пальца, которые он упрямо тычет всем чуть не в нос. Янки рычит нечто, что у него, видимо, считается членораздельной речью, но его жесты тоже не оставляют сомнений: эта горилла готова драться одна против всей моей свиты. Ну или хотя бы против пятерых.

Бой одного против троих не сложился. Одного против пятерых – тоже. Посовещавшись, американская сторона принимает соломоново решение: ни вашим ни нашим. На арене непонятным для меня самого образом оказывается еще один атаманец и подполковник Хабалов собственной персоной. Со стороны «звезд и полос» – пятеро. Шестой участник сегодняшнего «чемпионата» надолго вышел из строя и сейчас общается с хирургом. Так, Николай Оттович закончил объяснения. Ну, понеслась...

Янки ломанулись вперед неорганизованной толпой. Ой, мама моя, императрица! Бедненький, как же это тебя так злобный Шелихов, да в самое больное-то место! Так-с, ну этот лежит с приступом острого скрючелита... О господи! А этого-то как через канаты вынесло?! В нем же не меньше полутора центнеров живого веса! Проглядел я, что ж это такое с тобой Сергей Семенович сотворил... Э-э-э! Вы что делаете?! Вы ж ему так руку совсем оторвете!

Краем глаза я замечаю, что «братик» следит за ходом схватки с явно не соответствующим реальности интересом. Он подался вперед, глаза горят, ноздри раздуваются. Что это с ним? Любит бессмысленное насилие или эти гладиаторские бои щекочут нервы? Заметив мой пристальный взгляд, Георгий бросает, словно в оправдание:

– Здорово вы их натаскали, братец!

Это да! Ребята порвут кого угодно, что сейчас с блеском и доказывают.

– Вот что значит – человек с боевым опытом! – внезапно добавляет Георгий.

О чем это он? Какой у меня ЗДЕСЬ боевой опыт? Мысль о странности фразы промелькнула, но тут же ее заслонили события, происходящие на ристалище.

На ринге остались только двое янки, которые теперь бестолково пытаются защититься от града ударов, которыми их награждают танцующие вокруг них оппоненты. Оп! Один рухнул от

удара в висок, а вот и второго скрутили. Ну вы чего, вы чего?! На хрена ему руки-то связывать? Вы ж его не в плен берете!..

– Сорок четыре секунды, – сообщает Васильчиков и щелкает крышкой часов.

– В норматив уложились, – информирует Ренненкампф.

Зал выжидающе молчит. На ринге стоят только наши бойцы. Пауза тянется. Минута, другая... М-да, хорошо все же они тут цирки строят. От такого рева здание поплоше непременно бы развалилось. Так, а чего это они вроде как и недовольны?

А-а! Вот оно что! «Благовоспитанные» янки горят пламенным негодованием, так как все убеждены: «боксеры» поддались моим бойцам! Ну еще бы! Бой-то и минуты не шел. Вот они и вопят теперь напропалую, что, мол, матч – купленный. А они ведь пари заключали...

На арену лезет сразу несколько вполне прилично одетых джентльменов. Один из них, здоровый, аки медведь гризли, замахивается тяжелой тростью на ни в чем не повинного Гревса, спустившегося с парой стрелков помочь героям облачиться. Шелихов издает предупреждающий крик. Все последующее происходит буквально в долю секунды. Отработанным движением Гревс приседает и сильно бьет подавшегося вперед по инерции противника в солнечное сплетение. Тот икает и спокойно укладывается рядом с участниками только что окончившегося боя. Зал снова замирает. Вот только нам не хватало сейчас всеобщей бойни...

Мои спутники подбираются, как хищники перед прыжком. Темпераментные греки во главе с Георгом готовятся с диким визгом выхватывать сабли. Куда более сдержанные стрелки и атаманцы уже потихоньку тянут из ножен пашки и бегоуты, офицеры беззвучно взводят курки револьверов. Даже среди новоприбывших с Георгием морячков я уже заметил шевеление, недвусмысленно свидетельствующее о том, что «врагу не сдается наш гордый «Варяг», пощады никто не желает!».

Черт его разберет, чем кончилось бы побоище в цирке, но в этот момент выключенный янки встает, обнимает Гревса за плечи и разражается грандиозным спичем:

– Джентльмены! Верьте мне, джентльмены, это был честный бой! Я даю вам слово Патрика Криспа, которое стоит не один миллион долларов! Этот русский сбил меня в честном бою! Меня, который на спор поднимал триста двадцать фунтов серебра на руднике! Посмотрите на него и посмотрите на меня! Вряд ли он сможет поднять вес в триста фунтов! Но он сбил меня с ног и выбил из меня дух! Хвала Господу, что мне не врезал русский, который может поднять триста фунтов! Тогда я уже сейчас предстал бы перед высшим судьей!

Американец делает паузу. Ну, насчет веса, который в состоянии поднять ротмистр Гревс, я не был бы на его месте так уверен, но в целом пока все верно...

– Джентльмены! Я, Патрик Крисп, говорю вам: это не люди, это – настоящие черти! Чтобы вот так сбить меня с ног одним ударом!.. Я утверждаю, джентльмены, этих русских лучше не злить! Я искренне надеюсь, что дружба между нашими странами, которую Россия демонстрировала во время войны Севера и Юга, останется вечной. Покарай Господь того сумасшедшего, который предложит нам ввязаться в войну с русскими! Нам нечего делить, а этих парней лучше иметь в друзьях!

Весьма мудро подмечено. Ну что ж: вояж в цирк был не бесполезным.

Зрители вопят и свистят, а из продолжения речи Криспа (кстати, слышал я вроде эту фамилию, что-то связанное с серебряными рудниками, в Калифорнии, кажется...) мне удастся выловить только приглашение русских героев в ресторан. Можно и принять. Принимаем...

Следующее утро приносит головную боль, которая, правда, быстро проходит на тренировке. Кстати, «любезный братец Егорушка» напросился в ней поучаствовать. Я внутренне напрягаюсь, ожидая подвоха, но уже через минуту, совершенно успокоенный, вынужден вмешаться в процесс обучения меньшого Романова. Оставив распростертого на полу Хабалова самостоятельно приходить в чувство, я кидаюсь на выручку родственнику.

– Легче, Митрич, легче! Ты что, не соображаешь, что он ни черта еще не умеет!

Смущенный урядник-атаманец отпускает моего брата, бормоча под нос нечто вроде: «Дык, твое ж велико... они ж сами... я ж не думал, что так... а оно вона как...» Георгий лежит на полу снятого под тренировки танцзала, пытаясь вздохнуть широко разинутым ртом. Глядя на это недвижимое тулово, я отчетливо понимаю: так подставиться не смог бы ни один профессионал. Парнишка реально ни хрена не умеет! И слава богу! Значит – не внедренец. А кто его знает, может, у Георгия и впрямь были нежные братские чувства к Николаю? Во всяком случае, из разряда вероятных подозреваемых его можно смело вычеркивать. Ну почти смело...

– Ах, братец... – О, очнулось мертвое тело! – Я много был наслышан о ваших занятиях, но, право же, никак не мог помыслить о том, сколь сложно это искусство!

Забавно. Георгий – один из первых в этом времени, кто называет рукопашный бой «искусством». И вот еще одна странность: какой-то у него взгляд... что-то он мне напоминает... Вот только не соображу – что? Или кого?..

Утро проходит без особых происшествий или новостей. Сегодняшний день – обычная рутина, один из множества серых и унылых будней. Программа на сегодня: прогулка по городу, обед в ресторане, визит в русское консульство, на предмет уточнения даты прибытия «Адмирала Нахимова» – вот, собственно говоря, и все. Ладно уж: позавтракали – пошли гулять...

Сан-Франциско с утра выглядит очень даже ничего себе. Нужно взять себе на заметку: зайти в мэрию и выяснить, как это им удалось наладить службу уборки улиц? Нам бы так...

– Государь, позвольте? – Гревс указывает мне на магазин с большой вывеской. – Надо пополнить наши запасы табаку.

– Отлично, ротмистр. – Никогда не пресекайте рвение подчиненных! – Пожалуй, можно посмотреть и каких-нибудь хреновин в подарок...

Гревс выглядит озадаченно. Остальные офицеры заинтересованно поворачиваются в нашу сторону. Эх ты ж – досадная оплошность! Вообще-то я уже привык следить за своим языком, но нет-нет да и вырвется неправильное словечко. Вот и сейчас приходится потратить минут пять, чтобы разъяснить, что «хреновина» – это не распространенная в Сибири острая приправа, а вольная русификация французского термина «сувенир». Вроде и на этот раз проскочило...

А магазин и впрямь – хорош! Настоящий универсальный магазин. Любой товар, на любой вкус. Интересно, интересно... Ох ты, какие симпатичные пончо! Пожалуй, стоит взять для Моретты, да и для маменьки... И вон то тоже мне подайте... Нет, вот этот тотемный столб я точно не возьму... Хороший револьвер... Рукоятка из слоновой кости великолепно смотрится... Что? Не слоновая кость? Моржовый бивень? Тем более возьмем... А вон там что такое? ЧЕГО?!!

На стойке стоит натуральный карабин Маузера, «98К». Мамочки мои, до него ж еще лет десять... И чего ж интересно я не видел этой прелести в Германии. Ведь был же я на заводах... А ну-ка, ну-ка...

Продавец с угодливой улыбкой подает мне заинтересовавшее меня оружие. Ну, так. Я, конечно, не великий эксперт, но маузеровский карабин в руках держал. В Югославии, вечная ей память! И из любопытства даже разбирать пытался. Так-с...

Через двадцать минут я откладываю карабин в полном недоумении. С одной стороны, это карабин Маузера, с обойменным заряданием, магазином на пять патронов с бесфланцевыми гильзами и остроконечными пулями, плакированными мельхиором. Правда, калибр 6,5 мм, но и в этом нет ничего необыкновенного – были эти карабины под такой калибр. Но вот каким таким манером эта фиговина появилась уже сейчас – этого я понять решительно не в состоянии. Масла в огонь моего любопытства подливает приказчик:

– Вас заинтересовал этот карабин? Вы сделали правильный выбор, сэр! Только в нашем магазине вы можете приобрести этот великолепный образчик оружия из России!

Он разливается соловьем по поводу несравненных достоинств этого «чудо-оружия», великолепных баллистических характеристик («Обратите внимание: патроны снаряжены пироксилином!»), а я, в полном обалдении, осознаю, что нашел решение одной задачи и похода, оптом и по дешевке заимел целую кучу новых.

На казенной части ствола славянской вязью выбито: «Пищаль». И чуть ниже: «Заводъ братьевъ Рукавишниковыхъ», после чего следует веселенький набор из букв и цифр, долженствующий, по-видимому, обозначать серийный номер. Так вот: серийный номер у этого чуда – АА000793. Если кто не понял, повторяю: АА000793! То есть неизвестный мне производитель, в моем родном отечестве, штампует обалденные винтовки, явно военного назначения, да еще заранее закладывает в порядковом номере 1 089 000 000 комбинаций⁵⁷! Парню явно не дают спать лавры Калашникова!

Карабин, разумеется, куплен. Причем все четыре экземпляра, которые имелись в магазине. И все патроны к ним – тоже. А вечером у нас с Васильчиковым и Гревсом, который медленно, но верно превращается в заместителя Сергея Илларионовича по вопросам государственной безопасности, происходит серьезнейший разговор.

– Господа, делайте, что сочтете нужным, но я должен знать об этих братьях Рукавишниковых все! Кто конкретно сконструировал это оружие, кто патроны, кто делает пироксилиновый порох? Причем знать всю их подноготную: где родился, как учился, с кем живет, кого предпочитает и прочая! Срок – пятнадцать дней от возвращения в Питер. Пробуйте, убивайте, предавайте Родину – но чтоб результат у меня был! Вопросы?

Отсутствие вопросов – половина результата. Ну-с, будем надеяться...

Интерлюдия

Лорд Валлентайн тяжело смотрел на сидевшего перед ним высокого плотного азиата. Вот уже минуты две, как он пытался давить его взглядом, но проклятый японец не поддавался. Наконец чиновник не выдержал:

– Итак, вы – Дэндзиро Хирикава, единственный из руководителей недоброй памяти «Заговора самураев», оставшийся после лечения практически без изменений личности, так?

Японец молча наклонил голову. Валлентайн продолжил:

– Три года назад нам с большим трудом удалось справиться с вашим заговором. Если не ошибаюсь, вы планировали уничтожить крейсер «Индианаполис» и не допустить атомной бомбардировки Японии. – Говоря это, Валлентайн сильно погрешил против истины. Все «заговорщики» были простыми клерками, членами военно-исторического клуба. Раскрыть их так называемый «заговор» не представляло большого труда. Да и дальше благих намерений взять штурмом местный филиал Института Времени, захватить установку хронопереноса и хоть как-то повлиять на события в далеком XX веке дело не пошло. – Скажите, Дэндзиро, лично мне и без всякого протокола: чего вы все-таки собирались добиться?

– Вам не понять, – промолвил японец после секундной паузы. – Вам кажется, что прошлое должно быть незыблемым. Но мы, дети Ямато, думаем иначе. Наша страна должна была занять иное, более достойное ее место.

– И вы считаете, что если не допустить прибытия атомных бомб на остров Тиниан, то эта проблема могла бы решиться?

Японец утвердительно кивнул и снова замер в позе древнего божка.

– А о том, что война была фактически проиграна и применение атомного оружия мало сказалось на конечном итоге, – вы не подумали?

Дэндзиро остался недвижим, только в его глазах мелькнуло нечто...

⁵⁷ С миллиардом комбинаций Олег сгоряча переборщил – в порядковых номерах используются не все буквы русского алфавита. В частности, не используются «Ъ» и «Ь».

Добившись необходимого эффекта, лорд Валлентайн продолжил:

– Для вас есть гораздо более значимое дело, успешное выполнение которого поможет исполнению вашего желания добиться для своей страны более достойного места.

Японец промолчал.

– Некий человек, неважно кто, из 2004 года попал в конец XIX века. Неважно – как, важно – зачем, – негромко сказал чиновник, так и не добившись от собеседника хоть каких-нибудь эмоций.

– Зачем? – спросил японец безо всякого интереса.

Лорд Валлентайн прищурился, тяжело посмотрел на японца и сообщил:

– А затем, многоуважаемый господин Дэндзиро, что у него, так же как и у вас, родилась «гениальная» идея подправить историю. Только в пользу своей родины – России.

В узких глазах азиата впервые промелькнул намек на интерес. И тут же потух.

– Нереально. У росске, – японец нарочито произнес это слово на свой национальный манер, – слишком плохие руководители. Что может изменить один человек? Как он убедит императора Николая правильно руководить страной?

– А ему и не надо убеждать императора. С помощью ментального ретранслятора он и есть Николай. И относится к своей роли очень и очень серьезно.

– Какой год? – хрипло спросил Дэндзиро, подавшись вперед. – Какой год? Сколько у него лет до начала войны?

– Почти двадцать. Правда...

Японец жестом остановил спецпредставителя генсека ООН:

– Я понял, чего вы хотите. Хорошо. Мы остановим его. Но один я не смогу. Мне нужны мои люди. Все.

– Мы согласны. Но некоторые уже... – Лорд замялся. – Некоторые уже окончательно прошли перестройку психоматрицы и...

– Я вас понял. Эти мне не нужны. Оружие...

– Современного оружия вам не дадут ни при каких условиях! – вскинулся Валлентайн.

– Вы не дослушали – нам не нужно это ваше «современное оружие»! Нет славы в том, чтобы сбросить на противника ядерный заряд. Или издали поджарить его из плазмогана. Мы, истинные наследники великих воинов прошлого страны Ямато, пойдем исключительно с холодным оружием! – гордо сказал Дэндзиро. – Распорядитесь, чтобы мне и моим людям вернули фамильные мечи!

– Думаю, что это будет сделать нетрудно! – кивнул Валлентайн. – Еще пожелания будут?

– Только одно условие: после проведения операции вы оставите нас там, где мы будем находиться. Для вас это безопасно: вряд ли кто-нибудь сможет дожить до 1945 года.

– Я не готов решить этот вопрос. Мне нужно посоветоваться и получить результаты вероятностного просчета хроноискажений...

– Разумеется. – Японец вновь был невозмутим. – Нам нужно попасть в точку, отстоящую от вероятной встречи с объектом на срок не менее одного месяца.

Выйдя из камеры, лорд Валлентайн подумал:

«Очень хочется надеяться, что эти недоделанные обезьяны, возмнившие себя настоящими самураями, истинными потомками Ямато, а на деле не знающими, как держать этот свой «фамильный меч», сумеют достаточно разозлить возмутителя спокойствия и он очертя голову ринется мстить всей Японии. Может быть, даже затеет войну. В любом случае – сфера интересов матриканта сместится с Западной Европы на Дальний Восток. А мы тем временем проведем в Европе интересную операцию, которая надежно нейтрализует этого выскочку».

Глава 14

Рассказывает Егор Шелихов

...И довелось мне с государем нашим по всей земле-матушке проехать да по всем морям-окиянам проплыть. Я ведь теперь кто? Я не просто государев первый ординарец, я государев друг! Что, скажете не бывает так, чтоб государь да с простым казаком дружбу водил? Ан бывает. Аккурат опосля того случая, когда государя нашего евойный батюшка чуть не убили (да и убили б, когда б мы все не помешали), государь наш заказал у самого Фабержея часы, ровнехонько шесть штук. Поперву-то мы с Филимоном, дружкой моим отныне задушевым, даже удивились, что, мол, не золотые часы, а серебряные, да спасибо адъютант государев, Павел Карлович, разъяснил, что к чему. Часы те, говорит, из металла платина, что дороже золота втрое! О как! Совсем одинакие часы, вся-то и разница – что на крышке прорисовано. У меня, наприклад, казак на коне на врагов во весь опор летит, пику перед себя держит. У Филимона – стрелок в засаде врага выцеливат. У Николая Оттовича – корабль в море бой ведет. Словом, каждому то прорисовано, что кому ближе. Вот. А на обратной стороне крышки прописано: «Другу моему, Егору Шелихову, от всего сердца, на память и в благодарность за мое спасение». И подпись. Батюшка мой не верит, хоть и прописал я в станицу о том. И братья мои прописывали, потому как видели! Старший-то братец мой ровнехонько через два дня посля того случая в Берлин, в немецкую землю отправился. Он теперь ихнего принца, который государю нашему и нареченной его помогал завсегда, донскому бою учит. А все ж и ему часы мои повидать довелось, когда мы вместе с государем в Германии были. И он про то также батюшке в Затонскую отписал. Да только старик-то наш все одно не верит ни в какую! Вот уж воротимся домой, в Россию, тогда приеду в станицу да всю правду и окажу!

Теперь-то уж до России-матушки вовсе недолго осталось. Как отплыли мы на крейсере «Адмирал Нахимов» из Сан-Франциски, так вот уж и до Японской земли добрались. По пути на острова заплывали, Гавайские. От уж доложу – чудная земля, чуднее и не выдумаешь! Песок здесь черный! Люди веселые, добрые, приветливые, но могут и съесть! Заместо золота да камней драгоценных тут птичьи перья носят. А правит у них король – имечко у него смешное – Калакун!⁵⁸ Армия тамошняя чуть не нагишом, но винтовки новенькие. Но самый смак – девки гавайские! Растелешутся и мужикам сами на шею вешаются. Вот рассказывать стану, так никто и не поверит, а ведь одну правду и говорю!

Только это все когда еще будет, а пока надобно бежать, потому как часы мои знаменитые прозвонили: пора тренироваться! Стало быть, ступай на палубу да изволь с государем и прочими донским боем заняться, да другим многим тож...

Государь-батюшка там уже. Ох и ловок же он стал за последний год, ох и ловок. Иной раз так двинется, прыгнет или откатится, что и глазом уследить невозможно! Ой! Вот, я ж говорил: не уследил – и качусь теперь кубарем по надраенной палубе...

«Закончить занятия!» По этой команде все (кто смог) встали, друг дружке рукижимают. А вот смотрю на нашего государя и думаю, что все-таки верно говорят: любит Господь Россию! Вот и государь наш: не смотрите, что молод, двадцати годков еще не исполнилось. Вы в глаза его посмотрите. Удивительные у государя глаза: я такие только у некоторых стариков видел! Знаете, взгляд такой усталый, все знающий. Я-то спервоначалу думал, что такой взгляд только у государя нашего и есть, а вот с тех пор как приехал к нему братец его, Георгий, вижу – фамильное это у них! У Георгия, даром что моложе, взгляд ровно такой же. Тоже не по годам...

⁵⁸ Король Калакауа (1835–1891) – правил с 1874 по 1891 год.

Думал я про то, думал, да и пошел к Филе Махаеву, обсудить то, что заметил. Выслушал меня Филимон, помараковал что-то, да и говорит:

– А ведь беда это, Егор, коли братец у нашего государя такой же.

Удивился я, хотел было спросить, в чем беда-то, да тут меня словно плетью по спине кто перетянул! Аж вспотел. Верно Филька говорит: видывал я, как братья родные из-за битой миски, из-за старого подсошника, что в отцовском наследстве остался, друг дружку чуть не до смерти били. А тут ведь не чугунок старый – венец императорский да престол российский! За такое наследство может такая буча выйти. А не для того ль Георгий к нашему государю приехал?..

– Вот что, Филя, – говорю. – Побежим-ка сейчас к князю Сергею Илларионовичу в каюту да все ему и обскажем. Может, что и присоветует.

Сергей Илларионович хотя и князь, а нас с Филимоном уже три года знает, потому и слушает со вниманием. До конца дослушал, помолчал да и говорит:

– Вот что, братцы. Что заметили – молодцы, только теперь молчите. Сами ни во что не лезьте, тут проверить все еще надобно. А уж коли не ошиблись: пусть Его Высочество на нас грешных обиды не держит...

Лицо у него при этом такое стало, что мы с Филимоном враз и успокоились: князь Васильчиков нашего государя в обиду не даст! Хоть бы и своему родному отцу, хоть бы и самому Господу Богу...

А вот уж и конец нашего путешествия близится. Завтра в Японскую землю придем, в порт, как бишь его... Ёкадама, что ли? Говорил мне Николай Оттович, как этот порт называется, да я подзабыл. Да и бог с ним, с портом этим. Государь сказал, что в Японии долго задерживаться не будет. Так, пару неделек, и все – домой!

Интерлюдия

В маленькой чистенькой комнатке было жарко от пылающих жаровен. Седзи⁵⁹ задвинуты, но на всякий случай вокруг дома ходят четверо, с мечами и револьверами. Никак нельзя допустить, чтобы хоть одно слово из сказанных здесь и сейчас достигло непосвященных ушей...

– Итак, братья, завтра – великий день в истории империи, который, правда, вряд ли будет отмечен праздником. Хотя кто может угадать пути богов?..

Дэндзиро Хирикава поклонился присутствующим и отставил чашку с саке. Девятнадцать пар глаз уперлись в своего лидера.

– Вот уже семь месяцев мы с вами ожидаем этого великого дня. Того, что мы знаем, достаточно, чтобы уничтожить наглеца, дерзнувшего поднять нечестивую руку на блистательную Ниппон. Правда, одними клинками тут дела не решить... Хатори! – Указательный палец уткнулся в одного из сидевших. – Все готово?

– Мины заложены, сэнсэй, – поклонился названный. – На основном маршруте – четыре, на резервных – по три.

– Замечательно, – короткая, словно падение лепестка сливы, улыбка. – Сасаи, – указательный палец сместился вправо. – Как у тебя?

– Нам удалось достать две картечницы Норуденферда⁶⁰. Одна замаскирована под тележку продавца лапши, другая – в паланкине.

– Прекрасно. – Снова короткая улыбка. – Ёнекава?

⁵⁹ Раздвижные двери и перегородки в японских домах.

⁶⁰ Митральеза Норденфельта находилась на вооружении Японского императорского флота.

– Обе винтовки Спенсера пристреляны на 140 кэн⁶¹. У меня и у Тэруо по восемь разрывных пуль. Позиции на основном маршруте – храм богини Каннон и дом Кинтаро Михаси, на резервных – харчевня Угаки, американский ресторан, дом Тосиюки Ёкои и таможенный склад.

– Очень хорошо. – Улыбка задержалась чуть дольше. – И, наконец, Горо Нонака?

– Сэнсэй, я со своим отрядом выступаю, как только окончательно станет ясно, какой маршрут они выберут. – Говоривший издал короткий смешок: – Мы развернем его к вам лицом.

– Замечательно. – Дэндзиро Хирикава встал. – Я буду страховать вас, дети мои. И да поможет нам богиня Аматаэрасу-оо-ми-ками!⁶²

Рассказывает Олег Таругин

Иокогама... Последний пункт в маршруте моего кругосветного путешествия.

Шлюпка с «Нахимова» летит к берегу, морячки слаженно взмахивают веслами. Рядом со мной «ближний круг»: Васильчиков, Ренненкампф, Эссен, Шелихов и Махаев. В наличии отсутствует только Хабалов, который совершенно самостоятельно возложил на себя обязанности начальника моей личной охраны. В принципе, это верно: Ренненкампф бредит армией, Эссен – флотом, а у Васильчикова своих собственных обязанностей невпроворот. Так что Сергей Семенович высадился в Иокогаме еще вчера. Он согласовал с местными властями маршрут нашего следования, лично инструктировал туземную полицию и просто так, на всякий случай, организовал по пути нашего следования сопровождение снайперскими парами. Это вот у нас такая новинка. После закупки замечательных пищалей Хабалов быстро сообразил, что эти винтовки как нельзя лучше подходят для «городских» или «лесных» снайперов. В общем, для любого поля боя, где видимость ограничена 50 – 700 метрами. Сказались-таки занятия по стрелковому делу у Императорской Фамилии стрелков и конных гренадеров!

Не рассчитывая на милости от природы, Сергей Семенович самолично заказал длинные четырехкратные телескопические прицелы, выдернул из личного Его Императорского Высочества конвоя (именно так теперь именуется мое сопровождение!) лучших стрелков, пристрелял эти винтовки и вручил каждому из бойцов под личную ответственность. Заинтересовавшись его деятельностью, я дал несколько практических советов, и вплоть до самого прибытия «Нахимова» Хабалов вдохновенно натаскивал снайперские пары – снайпер плюс наблюдатель. Наблюдатели получили здоровенные морские бинокли, отработали взаимодействие со стрелками и всю дорогу до Японии только и делали, что упражнялись. На чайках. Так что теперь по пути следования моей особы где-то расселись снайперы. Понятия не имею, что еще учудил Хабалов, но после парижских событий разумная осторожность не кажется мне излишней...

На пирсе нас встречает довольно большая толпа местных жителей и официальные лица. До личного прибытия микадо дело не дошло, но компания впечатляет: министр двора, министр иностранных дел, губернатор провинции, градоправитель. И все эти высокопоставленные чины окружены сонмом мелкой сошки. Из «наших» здесь присутствует генеральный консул.

Для организации торжественного кортежа японцы расстарались и собрали уйму карет и колясок. Со всей страны собирали, что ли? Вряд ли в Иокогаме может находиться одновременно около полусотни экипажей. Здесь на лошадях в основном иностранцы ездят. Но раз собрали – молодцы! Ибо невместно моему высочеству и сопровождающим ножками топтать или рикш нанимать.

⁶¹ 1 кэн (яп.) – 1,81 м.

⁶² Великая, Священная богиня, Сияющая на небе (яп.) – в японской мифологии богиня Солнца и прародительница японских императоров, глава пантеона синтоистских богов.

Предварительные приветствия (полную церемонию с банкетом планируется провести в доме градоправителя) и рассадка по каретам занимают почти полчаса. Из каких-то там сообщений мой экипаж задвигают куда-то в середину длинной колонны. Вместе со мной в открытое четырехместное ландо усаживаются Васильчиков и Шелихов. Я, развалившись, на заднем сиденье, соратники – на переднем, лицом ко мне. Филя Махаев взгромождается на козлы рядом с кучером. Японский министр двора делает попытку влезть четвертым, но, наткнувшись на взгляд князя, теряется и начинает что-то лопотать. О чем ты, сердешный? Ага, оказывается, по протоколу сей субъект должен меня сопровождать. Этого еще не хватало – гида без знания языка! Я лениво отмахиваюсь, и растерянный министр садится в другую карету. Наконец-то трогаемся! Кorteж медленно втягивается на не слишком просторные улицы. К счастью, ехать предстоит по сеттльменту – той части города, где живут и ведут свои дела иностранцы. В туземных кварталах мы бы просто заблудились – уж больно там улочки кривые и узкие. А здесь почти проспект – прямой и метров семь шириной! Вдоль стен двух-трехэтажных домов тесно, подпертые цепью полицейских, толпятся аборигены. Особой радости на их лицах нет, скорее любопытство и некоторое удовольствие от зрелища. Нечасто к ним приезжают наследники великой империи.

Коляски двигаются медленней пешехода. Особых красот вокруг нет – колонизаторский стандарт, такие дома можно увидеть и в Африке, глазу не на чем остановиться. Я поневоле начинаю размышлять о дальнейших планах. Долго задерживаться в Японии я не собираюсь. Нечего рассиживаться. Да, если честно, в Японии мне и смотреть-то нечего. Разумеется, я мог бы порадовать себя обзорением разнообразных удивительных пейзажей, посетить синтоистские храмы и монастыри, прикупить с полдесятка замечательных гравюр, полюбоваться садами камней, посетить театры но и кабуки, пополнить коллекцию нэцке... да мало ли что еще можно было бы сделать.

Вот только времени у меня на все эти прелести нет. То есть абсолютно. Дома столько дел, что все и не перечесать. Надо всерьез заняться новым полевым уставом, как следует прошерстить программу Академии Генерального штаба, поработать с проектами кораблей, проследить, чтобы Круппу и компании создали нужные условия, и т. д. и т. п... А ведь все это я буду делать один, вот этими вот двумя руками!

Как все-таки досадно, что я здесь один-одинешенек! Насколько было бы легче, если бы... Да ладно, что уж, и помечтать нельзя? Вот был бы со мной кто-нибудь из моего времени. Да еще такой, на кого я могу рассчитывать... Кто-то, с кем можно посоветоваться, все обсудить, не изображая при этом Господа Бога или гениального провидца. Э-эх, сейчас бы сюда ребят, с кем довелось врага в прицел выглядывать... Димыч, где ж ты сейчас?! В последнее время что-то я его частенько вспоминаю. Интересно, он хоть видит по этому странному ноутбуку, чего я тут вытворяю?..

Непонятный шум отвлекает меня от приятных мыслей о Димке и «старых добрых временах», когда трава была зеленее, небо – синее, а я сам – изрядно моложе и вообще – в другом времени. Так-с, ну что у нас тут?..

Трое молодых японцев слева от нашей процессии что-то бурно выясняют с полицейскими из оцепления. Я не понял: этим желтозадым обязательно надо прорваться поближе к процессии? Ага, так у них тележка с лапшой! И сейчас эти придурки пытаются то ли убрать ее с проезжей части, то ли вытолкнуть прямо поперек процессии. Господи, они что – собираются предложить гэйдзинам местный деликатес или у них просто дикая тяга дотронуться до августейшего тела?! Причем в качестве «августейшего тела» в данный момент выступает кто-то из офицеров-атаманцев, напротив экипажа которого и происходит вся эта непонятная возня! Попутали со мной, или... Причем как раз в той коляске сидит министр двора. Еще одна странность – эти «страждущие» выше на целую голову окружающей толпы! Ну не на ходулях же они! Или здесь проходит съезд японцев-великанов?

Дикий крик: «Спасай государя!» – и в ту же секунду хлестко ударяет выстрел из пищали. Еще один! Все-таки началось?!!

Я выскакиваю из коляски и пригибаюсь. Васильчиков и Шелихов стоят во весь рост в ландо, с обнаженными револьверами в руках.

Внезапно земля подо мной вздрагивает, и в уши тяжело толкается оглушительный грохот! Потом на меня рушится нечто невообразимо тяжелое, и только спустя мгновение я понимаю, что это – Филя Махаев. Господи, тяжелый-то он какой!

– Ништо, государь, ништо, батюшка, – прерывисто шепчет он мне в самое ухо. – Ужо сейчас супостатам будет...

Неожиданно Махаев куда-то исчезает. Я осторожно приподнимаюсь... Э-э! Филя вдохновенно отмахивается от двоих ублюдков в кимоно, в то время как Васильчиков пытается выцелить одного из нападающих из револьвера. Надо бы вмешаться, но тут рядом со мной возникает Хабалов, во главе полудесятка атаманцев. Не тратя времени на долгие разговоры, атаманы окружают меня плотным кольцом и чуть не бегом двигаются в сторону порта. Шелихов бежит рядом, старательно пытаясь прикрыть меня сразу со всех направлений – на деле просто путаясь под ногами. Я рывкаю на Егора, чтобы не мельтешил, и наконец-то походный ордер устаканивается – Егор слева, Сергей Семенович справа.

Позади нас натуральный ад. Грохочут выстрелы, воинственные возгласы «Банзай!» перемешиваются с отборным русским матом. Истошно вопят мирные жители, которые получили, что называется, «в чужом пиру похмелье». Неожиданно начинается быстрая пальба залпами. Не успев подумать о том, какого рожна здесь забыла регулярная японская армия, я соображаю, что в дело вступили картечники. М-да, вот и гадай теперь, что это у нас такое: хронокаратели или длинные руки спецслужб «Виндзорской вдовы»?..

Я на бегу успеваю сообразить, что отступление по основному маршруту движения кортежа – не есть хорошо! Неужели Хабалов не предусмотрел запасных путей отхода? Нет, предусмотрел – толкает меня в какой-то переулок. Мы всей толпой пытаемся втиснуться в узкий проход, дополнительно загроможденный корзинами, ящиками и укрывающимися за этим баррахлом мирными жителями.

Очень вовремя!

Внезапно прямо за нашей группой вспучивается мощенная камнем мостовая. Тяжелый удар бьет по ногам, и я лечу куда-то, надеясь, что приземление окажется не очень жестким. К счастью, плюхаюсь я на что-то мягкое, при ближайшем рассмотрении оказавшееся трупом японца. Но и такой финиш едва не выбивает из меня сознание. С трудом приподнимаюсь, нащупывая на поясе оружие, но ремень вместе с кобурой просто сдуло взрывной волной. Дым быстро рассеивается.

О господи! Моим телохранителям досталось по самое не балуйся! Четверо атаманцев лежат, разорванные осколками каменного крошева, пятого не видно вообще, Хабалов шипит от боли, зажимая левое плечо. А у меня в голове весело звенят колокольчики – знакомый симптом контузии. Только Шелихов стоит, покачиваясь, посреди кровавых луж.

А из глубины переулка к нам спешат двое очень серьезных молодцов, на ходу извлекая из свернутых в рулон соломенных ковриков... катаны. И опять-таки – росточка в этих ребятишках добрых два метра! Ну, если и не два, то 180 сантиметров – точно! И откуда они такие взялись? Увидев эту «сладкую парочку», Шелихов выхватывает шашку и, ощерив зубы в недоброй ухмылке, движется им навстречу. Блин, а я не рассказывал своим ребятам о приемах кендо! Сейчас ведь моего верного паладина на куски построгоают...

Странно, что я недооценивал казачье искусство фехтования. Егорка закрутил шашку вокруг себя с такой скоростью, что она просто-таки слилась в единую серебристую полосу, кольцом опоясывающую атаманца. Интересно, интересно...

Бл...ь! Да что это я – совсем рехнулся, что ли? Кой пес «интересно»? Это ж ведь меня убивать пришли, а я – точно кино смотрю!!! Пора и мне вмешаться в это развеселое действо!

«Смит и vesson», извлеченный из кобуры одного из убитых казаков, быстро плюется огнем три раза подряд. Что, косорылые, вкусно? То-то, это тебе не мисо⁶³ у тещи наворачивать и не суши скирдовать! Один из нападающих сломанной куклой валится на бок. Второй пытается уклониться от пуль и тут же подворачивается под вихрь казачьего клинка. Есть!

– Вставай, государь, иттить надобно, там еще двое сюда бегут! – почему-то радостно (или мне так кажется из-за контузии) сообщает Егорка, вытирая клинок шашки о полу кимоно поверженного противника.

В глубине переулка действительно появляются две характерных рослых фигуры. Мы с Шелиховым торопливо выпускаем по японцам остаток патронов в барабане. Нападающие залегают.

Пользуясь оперативной паузой, я обращаюсь к нашему раненому товарищу:

– Сергей Семенович, ты сам-то идти можешь?

Хабалов начинает уговаривать нас бросить его прямо здесь, оставив патронов. Он, мол, сумеет здесь продержаться до подхода... Не слушая его слов, мы с Шелиховым помогаем ему встать и с трудом выбираемся из прохода на заваленный битым камнем и трупами «магистральный проспект», и... тут у Хабалова разлетается голова! Меня густо обдает брызгами крови и мозгов. Ну ни хрена себе! Такое поражающее действие могут нанести только... пули «дум-дум»! Неужели их уже изобрели?! Значит, все-таки иновременцы... То-то я смотрю – ростик в этих «лбах» не по нынешней низкобелковой диете!

Шелихов толкает меня в одну сторону, а сам, отвлекая внимание снайпера, зигзагом бежит в другую. Рядом с ним вырастают фонтанчики выбитой пулями земли. Эге! Кроме снайпера, совсем рядом еще двое с револьверами! Я вскакиваю как ужаленный и, петляя, словно взбесившийся заяц, мчусь назад, к своему конвою. Мимо свистит пара пуль – и это все! Похоже, что японцы просто растерялись, не понимая толком, в кого стрелять! Эх, Сергей Семеныч... Сергей Семеныч... Даже ценой своей смерти отвел глаза гадам! Выходит, что террористы решили: раз два человека, рискуя жизнью, старательно тащат раненого – он важная птица! Наконец мне вроде бы удастся добежать до кортежа и затеряться среди нагромождения карет, конских трупов и мельтешащих людей. Уж снайпер-то точно меня потерял. Пригнувшись, я пробираюсь вперед. Неожиданно я налетаю на Георгия. «Милый братец», похоже, все-рьез решил за меня заступиться. По крайней мере, именно на эту мысль наводят револьвер в правой руке и обнаженный кортик – в левой. Глаза его безумно вытаращены, похоже, что он сам не очень соображает – где находится, но, разобравшись, кто перед ним, он кидается ко мне:

– Почему ты еще здесь?! – Ого, как «его высочество» заговорили! – Немедленно уходи на крейсер, здесь очень опасно!

– Спокойно, Егорка. Своих не бросаю. Сейчас вместе и уйдем...

Близкий взрыв заставляет нас пригнуться. Еще один фугас? Солидно подготовились ребята!

Внезапно Георгий с каким-то звериным криком бросается на меня. Я не успеваю понять, в чем, собственно, дело, когда он начинает заваливаться на бок. С трудом успеваю подхватить смертельно раненного «брата» (в ранах я разбираюсь). Руки Георгия прижаты к груди, а из-под сцепленных пальцев толчками выплескивается темная кровь. Я с трудом отрываю взгляд от этого «живого источника» и поднимаю глаза. Господи!..

Человек в разорванном кимоно целится в меня из револьвера. На такой дистанции уклониться невозможно. Ну, все, отцарствовался...

⁶³ Мисо – блюдо японской кухни, род супа.

Нет?.. Револьвер впустую щелкает курком. Террорист уже успел расстрелять все патроны, и последний достался «брату». Выплюнув энергичную фразу, японец отбрасывает разряженное оружие. Но мне от этого не легче: парень одним махом обнажает клинок, хоть и вдвое меньше катаны, но все равно солидный, и делает шаг в мою сторону... А я... Адреналиновый допинг, подстегнувший меня в момент снайперской атаки, закончил действие. Ватные после контузии ноги почти не держат – я глупо стою столбом, придерживая легкое тело Георгия.

Неожиданно животное торжество на лице убийцы сменяется выражением крайнего изумления. Из груди японца высовывает свой кончик сабля. Ноги его подламываются, точно из них разом вынули кости, косоглазый рушится на колени. А моему взору открывается греческий принц, застывший в картинной позе, продолжая удерживать рукоять проткнувшей нападавшего сабли. Чудны дела твои, Вседержитель! Видно, этому греку на роду написано спасти цесаревича Николая⁶⁴...

– Кузен, вы не пострадали? Похоже, что я успел вовремя, – обращается ко мне Георг с легким поклоном. И тут же, заметив мою страшную ношу: – Боже, что с вашим братом?

Что? А так не видно? Георгий со стоном приоткрывает глаза, находит меня взглядом:

– Хорошо, что ты уцелел, Олег...

И правда, неплохо... Что?! Как ты меня назвал?!! КАКОЙ ОЛЕГ?!! Георгий между тем хриплым шепотом продолжает:

– Ты им еще всем покажешь... Ты сильный... Они... Им не справиться... Жаль, что я не буду с тобой... Теперь... – Он замолкает надолго. Я осторожно опускаю его на землю, наклоняюсь поближе:

– Братка, ты кто?

– Ле... Леонид...

Похоже – все. Финиш... Леонид? Да, дела... И защищал меня? Фантастика...

Теперь около меня сгрудились все мои спутники. Греки прямо-таки лопаются от гордости и тараторят без умолку, обсуждая перипетии окончившегося боя. Атаманцы и стрелки стоят молча. На подошедших Васильчикове и Ренненкампе просто лица нет – они прекрасно понимают, что спасло нас только чудо. Появляется Шелихов, начинает говорить что-то о ликвидированных снайперах, но, увидев Георгия, замолкает. «Не переживай, Егор, – счет все равно в нашу пользу!» – устало думаю я. Господа офицеры ждут дальнейших приказаний. Пожалуй, надо возвращаться. Васильчиков коротко взмахивает рукой, меня снова окружают уцелевшие атаманцы. Мы поворачиваем в порт...

Неожиданно мое внимание привлекает странный персонаж. Только что этот немолодой высокий японец смирно стоял в толпе, а вот теперь, решительно расталкивая людей, идет ко мне навстречу.

Интерлюдия

Дэндзиро Хирикава спокойно шел навстречу своей смерти. Они проиграли. Дэндзиро даже не предполагал, что может натворить человек, возвращенный не в рафинированном XXIII столетии, а в кровавом и хищном XX веке.

Дэндзиро не ощущал разочарования. Они сделали все, что от них зависело. Они боролись за свою родину, за бессмертную славу древней Ямато, но потерпели поражение. Матрикант собрал и обучил такую сильную команду, что соратники японца оказались слабее. Как эти длинноносые варвары бросались на картечницы! Неприятно признавать, но их дух был не слабее японского. А как быстро и страшно расправлялись их стрелки с его людьми! И в бое на

⁶⁴ 29 апреля 1891 года в японском городе Оцу, префектура Сига, произошел неприятный инцидент, едва не стоивший жизни цесаревичу Николаю. На цесаревича внезапно напал полицейский Сандзо Цуда из оцепления. Свита бросилась врассыпную, и только греческий принц Георг (Джорджи) нашел в себе смелость преградить путь убийце.

мечах не уступали. Это не стыдно: проиграть тому, кто сильнее и хитрее тебя. Так учит древний кодекс Бусидо, а заветам этого кодекса бывший младший бухгалтер финансового отдела компании «Комори» Дэндзиро Хирикава следовал всю свою жизнь. Проигравший не должен оставаться в живых. Он сейчас окажет этому росске последнюю почесть. Тот заслужил ее...

Хирикава полуобнажил меч и начал обматывать клинок плотным оби⁶⁵. Несколько русских подались было вперед, но росске коротким жестом остановил своих людей. «Он понял. Он знает», – подумал Дэндзиро и, до конца распахнув кимоно, поклонился своему противнику. Затем, опустившись на колени поверх упавшей одежды, японец неторопливо потянул клинок из ножен. Фамильный меч, верой и правдой служивший тридцати поколениям его предков. Он не опозорит этого святого оружия...

Матрикант вдруг что-то сказал своему спутнику, молодому воину с курчавой короткой бородкой. Тот было возразил, но в голосе его хозяина зазвучали повелительные нотки, и он, молча кивнув, сделал шаг вперед.

Матрикант повернулся к Хирикаве.

– Кайсяку⁶⁶, – произнес он негромко.

Хирикава чуть улыбнулся и снова кивнул. «О благая богиня Канон! – подумалось ему вдруг. – Благодарю тебя за оказанную милость. Я успел лицезреть великого императора, владыка мира!» Дэндзиро вонзил меч себе в живот, резко дернул, увеличивая разрез. Он услышал, как матрикант негромко произнес «Соёнара»⁶⁷, хотел было ответить, но молодой воин уже подошел к нему, и последнее, что видел в своей жизни Дэндзиро Хирикава, был стремительный взблеск стали, принесшей ему избавление от боли и успокоение.

Рассказывает Егор Шелихов

В Японской земле мы и одного дня не пробыли. Напали на нас японцы и государева брата погубили. Да Хабалова Сергея Семеныча, да станичников и стрелков более двух десятков. Мы, как отбились, разом на крейсер кинулись. А государь-то батюшка уж так по брату убивался, так убивался! Как на крейсере оказались – до самой ночи в каюте просидел, рядом с телом, значит. Офицеры к нему рвутся, князь Сергей Илларионович извелся весь, а государь молчит. Никого не принимает, не ест, не пьет, молчит. Только к ночи и отошел. Велел в каюту себе подать водки, закуски там какой, да нас всех шестерых и пригласил. Сели, поминать всех убитых стали. А как штофа четыре приговорили, так государь и говорит: господа офицеры, мол, боле вас не задерживаю, возвращайтесь, говорит, к своим обязанностям. А нас с Филей оставил!

Вот как мы втроем-то остались, так государь почал крепко пить. Уже и не закусыват, а так, машет одну за другой. А потом и говорит: а не знаешь ли, Егор, каких песен, да таких, чтоб не стыдно ими было хорошего человека помянуть. Брата твоего, батюшка, спрашиваю. А он словно запнулся, а потом и говорит: брата, мол, да, брата. Ну а как песен-то не знать? Знаю. А он опять спрашивает, не знаешь ли, Егор, «Как на дикий Терек»? Да как не знаю – знаю, оченно даже знаю. Запевай, говорит.

Спели мы, стал быть, а потом еще и «Черного ворона», и «Скакал казак через долину». Я-то еще поразился, откуда ж государь наши песни-то казачьи так хорошо знает. Да меня потом Махаев надоумил. Грит, еще в детстве, маленькому государю нашему, дед его, светлой памяти Александр Освободитель, песенников из гвардии присылал. Кто-то ему это рассказывал. А оно и видать. Коли человек на хороших песнях взрастал, так это завсегда себя окажет.

⁶⁵ Оби – длинный и широкий пояс.

⁶⁶ Кайсяку – самурай, который во время обряда сеппуку прекращает мучения, отрубая самоубийце голову.

⁶⁷ До свидания (яп.).

Вот только япошкам бы всем себе теперь лучше самим пузы повзрезать, как тот, которому я башку снес. Не простит им этого государь наш, ох не простит! Как мы допели, так государь вдруг махнул полстакана «орленой», да и запел. Хорошая песня, душевная. Сам, верно, сложил. Всех-то слов я не упомяну, а только поется в той песне, что, мол, ежели, к примеру, завтра, храни бог, война, то за батюшку царя да за Русь-матушку весь расейский народ как один человек встанет! И что, мол, если завтра война, то уже сегодня к походу готовиться надобно! Ну, мы как с Филимоном это услышали, так сразу государю и говорим: «Приказывай, батюшка! Готовы мы!» А он посмотрел на нас, обнял, да и отвечает, что, мол, он и сам это знает, а только пока не все и не всё еще к войне готово. А то эти макаки у нас бы красной юшкой еще вчера умылись! Не простит им государь, ничего не простит!

А потом государь наш совсем напился. Про то мы одни с Филимоном знаем, да вот только никомушеньки не расскажем. Хоть на куски нас режь! Даром мы, что ль, государевы друзья?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.